BH
C422
3425

Пензенская Област.
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова
Обязат. ый
экземпляр

ПОЛИГРАФОБРАЗ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ Б.

198155

1-20

1017.

3425

891

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ПЕНЗЕНСКОЙ ГОТОВ. ПРОБРАЗА

БѢЛИНСКІЙ

КАКЪ

МОРАЛИСТЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862

8Р1
Б43
198155
Пензенская обл. библиотека
им М.Ю. Лермонтова
Основное
книгохранилище

БѢЛИНСКІЙ КАКЪ МОРАЛИСТЪ.

3425

БѢЛИНСКІЙ

КАКЪ

МОРАЛИСТЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862

3427

Одобрено цензурою, 5-го Декабря 1862 г.

Въ типографіи Шумахера.

Намѣреваясь говорить о Бѣлинскомъ какъ моралистѣ, мы очень хорошо знаемъ, что поднимаемъ противъ себя бурю; мы знаемъ, что насъ встрѣтятъ и удивленіе однихъ и насмѣшки другихъ. Таиться и скрывать здѣсь нечего; мы выходимъ на открытую арену и намѣрены говорить прямо и честно. Одни,— мы предчувствуемъ, — укажутъ намъ на то что Бѣлинскій, сколько о немъ ни говорили и ни писали, всегда былъ извѣстенъ преимущественно какъ критикъ, и если пріобрѣлъ себѣ славу, то именно своими критическими статьями. Зачѣмъ-же, скажутъ намъ, вы хотите смотрѣть на этого замѣчательнаго въ исторіи русской литературы человѣка съ какой-то небывалой и къ нему не подходящей точки

зрѣнія? Не значитъ-ли это шутить именемъ дѣлать изъ писателя то, чѣмъ онъ не былъ и не думалъ быть и тѣмъ рисковать славой его? Вѣдь такимъ образомъ и Кольцова можно, пожалуй, разсматривать какъ теолога? Каждый великъ въ своей сферѣ, замѣчателенъ можетъ быть на извѣстномъ поприщѣ, зачѣмъ-же бросаться въ стороны, и тѣмъ болѣе, что не ушло еще время и не миновалась надобность говорить о Бѣлинскомъ и какъ о критикѣ? Притомъ-же,—продолжитъ тотъ-же хоръ,—мы всегда знали и считали Бѣлинскаго за либерала, да такимъ особенно въ его время считали его и всѣ; съ понятіемъ-же о либералѣ, какъ хотите, понятіе о моралистѣ плохо вяжется. Все это,—говоримъ и убѣждены въ томъ,—готово выступить противъ насъ съ одной стороны. Но обращаясь въ другую, встрѣтимъ еще хуже. Въ указанныхъ возраженіяхъ мы еще видимъ основаніе, а далѣе встрѣтимъ лишь одну злую насмѣшку. Вздумали толковать намъ о морали! скажетъ этотъ второй хоръ,—и когда-жъ? Во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія! Кто-жъ въ ней нуждается? Довольно ей учили насъ, довольно ужъ толковали намъ о ней! Мораль намъ не нужна,—довольно ужъ мы слушали ее! Мы прогрессисты,

мы рационалисты, мы сами создадимъ себѣ мораль, мы знаемъ ее хорошо и безъ учителей! —И визжитъ этотъ хоръ и шумитъ и видимъ мы, какъ развертываетъ онъ передъ нами сочиненія самого-же Бѣлинскаго и ими хочетъ доказать, что онъ не только не былъ поборникомъ морали, но смѣялся надъ ней, считалъ ее ненужною, скучною, надоѣдливою.

Встрѣтить крики и возраженія въ родѣ указанныхъ страшно тому, кто не приготовленъ и не ждетъ ихъ; мы—же сами начинаемъ съ нихъ, потому-что, повторяемъ, намѣрены говорить прямо и знаемъ, за что беремся Объяснимся.

Бѣлинскій—критикъ и мы вмѣстѣ съ другими охотно признаемъ его великое въ этомъ отношеніи значеніе для русской литературы. Бѣлинскій создалъ у насъ критику, положилъ ей начало, точно также какъ создалъ у насъ и эстетику и первый началъ серьезную разработку русской литературы. Въ этомъ отношеніи его заслуга слишкомъ велика и незабвенна и имя его будетъ памятно образованному русскому міру также, какъ памятно имя Карамзина, Пушкина, Гоголя и, — можно ручаться,—превзойдетъ въ долговѣчности множество другихъ, которыя тоже не безъ права на извѣстность

Гдѣ, напримѣръ, имя Батюшкова потеряло свою извѣстность не болѣе, какъ въ теченіи десяти лѣтъ и самъ Бѣлинскій не находилъ что сказать на это и чѣмъ объяснить такой фактъ, какъ только быстрымъ ходомъ и развитіемъ литературы того времени. Между-тѣмъ прошло около пятнадцати лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ сошелъ въ могилу Бѣлинскій; развитіе литературы въ этотъ періодъ шло еще быстрѣй чѣмъ при немъ, а имя его окружаютъ и до-сихъ-поръ то же благоговѣніе, встрѣчаетъ та же любовь, какими онъ пользовался и при жизни. Этого мало; вѣрнѣй сказать—теперь-то имени и начинается настоящая пора славы Бѣлинскаго. При жизни Бѣлинскаго и вскорѣ послѣ смерти было еще довольно забіякъ-писателей и цѣнителей, унижавшихъ таланіъ его и готовыхъ бросить въ него грязью, теперь-же на такое дѣло можетъ рѣшиться одно только тупоуміе и пошлость, о которыхъ уже по одному этому такъ всѣ и заключатъ, что онѣ именно ничто иное, какъ тупоуміе и пошлость. Пусть при жизни Бѣлинскаго многіе жгли съ нетерпѣніемъ выхода книжки «Отечественныхъ Записокъ», въ которой должна была появиться его статья; относительно этого факта можно бы еще замѣтить, что эти многіе состав-

лали лишь партію, за которой была другая, были другіе многіе, съ злобой смотрѣвшіе на «выскочку», и въ каждомъ словѣ его видѣвшіе Богъ знаетъ что; но когда и теперь мы видимъ почти не вѣроятно быстрый расходъ изданія сочиненій Бѣлинскаго, когда въ тоже время изъ отчета библіотекъ узнаемъ, что въ нихъ эти сочиненія требуются преимущественно передъ другими,—тутъ ужь нечего сказать. Фактъ говоритъ самъ за себя и за необыкновенный геній. Такъ мы признаемъ великое значеніе за Бѣлинскимъ, какъ за критикомъ, но чтожъ изъ этого? Разрушается-ли этимъ самымъ наша задача? Нисколько; напротивъ, здѣсь-то она и находитъ свое основаніе и оправданіе. Значеніе и весь характеръ того или другаго лица или писателя никогда и никакъ не могутъ быть опредѣлены только одной какой-нибудь стороной его дѣятельности. Конечно дѣятельность каждаго изъ насъ бываетъ болѣе всего устремлена на что-нибудь одно, но это одно уже развѣ такъ и отъизображаетъ всего челов[illegible]? Такъ ужь за этой дѣятельностію и нѣтъ другихъ сторонъ? И не стоитъ ихъ разсматривать? Напримѣръ, когда мы говоримъ, что Бѣлинскій былъ замѣчательнымъ критикомъ, державшимся началъ гегелевской эстетики, то этимъ

неужели опредѣлимъ уже все его міросозерцаніе? Вѣдь критика не всѣ-же заключала въ себѣ обязанности Бѣлинскаго и не весь-же обнимала его взглядъ на вещи? Нѣтъ, кто хочетъ имѣть объ извѣстномъ дѣятелѣ полное и вѣрное понятіе, тотъ долженъ стараться разсмотрѣть его дѣятельность со всѣхъ сторонъ, и только изъ такихъ всесторонннихъ обсужденій можетъ выродиться настоящая оцѣнка. И чѣмъ важнѣе писатель, чѣмъ могучѣе его вліяніе, чѣмъ славнѣе дѣятельность, тѣмъ, очевидно, такія всесторонныя его оцѣнки нужнѣе. Въ этомъ отношеніи давно уже сдѣлали большой шагъ впередъ и нѣмцы и англичане. Дорожа своими лучшими дѣятелями и высоко цѣня ихъ, они въ тоже время стараются не оставить безъ вниманія и въ жизни и въ трудахъ ихъ дѣятелей ни одной черты не объясненной. Посмотрите, сколько написано комментаріевъ на одного Шекспира! А Фаустъ, Гете? А Шиллеръ? Остановимся хоть на послѣднемъ. Шиллеръ — лирикъ и лирическая поэзія—вотъ его настоящая сфера и кто-жъ этого не знаетъ? Что Шиллеръ — лирикъ первостепенный — это тоже вопросъ рѣшенный. И вся Германія, весь образованный міръ, признавалъ и признаетъ Шиллера—лирикомъ

и какъ лирика изучилъ его, если еще нельзя сказать, вполнѣ, то уже довольно. И однакожъ это нисколько не помѣшало одному изъ лучшихъ философовъ настоящаго времени Куно-Фишеру въ двухъ публичныхъ рѣчахъ разсматривать того-же Шиллера то какъ философа, то какъ даже комика. И какъ философъ и какъ комикъ Шиллеръ былъ вовсе не замѣчателенъ, однакожъ ученый Куно-Фишеръ нашелъ-же нужнымъ обратить вниманіе и на эти стороны сочиненій поэта и кто прочтетъ то и другое его изслѣдованіе, тотъ, надѣемся, не признаетъ такое дѣло одной праздностью и безплодной работой Что-же касается Бѣлинскаго, то здѣсь изслѣдованіе о немъ какъ моралистѣ можетъ имѣть значеніе для насъ тѣмъ большее и важнѣйшее по слѣдующимъ причинамъ. Какъ критикъ Бѣлинскій сталъ уже книгой старой. Его взглядъ на искусство уже потерялъ свою прелесть, его начала стали болѣе не приложимы. Настоящая критика не только иностранная, но и наша русская стоитъ на другихъ началахъ и руководится инымъ взглядомъ. Отсюда-то и рождался въ нашей журналистикѣ не одинъ разъ вопросъ о томъ: чѣмъ – бы былъ Бѣлинскій, если-бы дожилъ до настоящаго вре-

мени? И вопросъ этотъ, на томъ основанія, что въ Бѣлинскомъ видно постоянное развитіе, рѣшался тѣмъ, что въ наше время и Бѣлинскій сталъ бы на иную точку и отрекся-бы, можетъ быть, отъ многихъ изъ своихъ прежнихъ критикъ. Такимъ – образомъ какъ критикъ Бѣлинскій теперь не можетъ быть воспитателемъ настоящаго поколѣнія. Гегелевской эстетикѣ уже пропѣта прощальная пѣснь. Здѣсь Бѣлинскій дорогъ для насъ какъ необходимый моментъ развитія нашего, — но онъ уже моментъ минувшій. Такимъ-образомъ сочиненія Бѣлинскаго теперь читаются не изъ желанія поражать его взгляду на искусство, а какъ сочиненія, полныя многихъ очень тѣльныхъ мыслей; ихъ читаютъ и только изъ желанія учиться не столько взгляду на литературу, сколько взгляду вообще на вещи, читаютъ вообще какъ умную книгу. А при такомъ положеніи поразсмотрѣть его именно съ той точки, съ какой мы хотимъ, очень и очень не лишнее дѣло. При огромномъ спросѣ на сочиненія Бѣлинскаго, при необыкновенномъ почтеніи къ его имени и славѣ, очень интересно опредѣлить: что именно можетъ вынести этотъ читающій людъ изъ этихъ сочиненій для руководства въ жизни и какъ и чѣмъ можетъ от-

разиться общественная дѣятельность людей, вышедшихъ изъ такой школы? Послѣдній вопросъ очень важенъ особенно въ настоящее время и —прибавимъ—важенъ для славы самаго Бѣлинскаго. Мы живемъ въ очень мудреное и загадочное время переживаемъ эпоху темную, въ которой все запуталось, смѣшалось. Передъ нами много проявленій добрыхъ, довольно сторонъ свѣтлыхъ, много задатковъ великаго и славнаго, но въ тоже время много и грустнаго, печальнаго, если не сказать—злаго и развратнаго. Откуда нибудь взялось-же и то и другое? Что-жъ будетъ хорошаго, если это злое какимъ-нибудь образомъ относится и къ тому дѣятелю прошлаго, который на самомъ дѣлѣ никогда и не думалъ забрасывать на почву нашей жизни подобнаго сѣмени, который, напротивъ, можно быть убѣжденъ въ томъ, если бы былъ живъ, можетъ быть первый-бы отшатнулся отъ того, что совершается теперь, и сталъ-бы не за него, а противъ него, со всей силой своего слова? Чтожъ хорошаго будетъ и въ томъ, если на томъ только основаніи, что Бѣлинскій былъ либераломъ и считался *краснымъ* въ свое время, ему навяжутъ и къ нему отнесутъ нѣкоторыя такъ-называемыя тенденціи настоящаго времени? А кто поручится,

что этого не можетъ быть? Между-тѣмъ,—согласитесь съ тѣмъ,—у нашего времени найдется не мало такихъ тенденцій, которыя могутъ быть вмѣсто позорнаго клейма для того, кто имѣлъ въ виду дѣйствительно только общественную пользу. Говоря проще, — самое наше уваженіе къ Бѣлинскому теперь, когда онъ имѣетъ такое нравственное вліяніе на настоящее поколѣніе, заставляетъ насъ, въ происходящей путаницѣ, точно опредѣлить, что тутъ принадлежитъ ему и что—не его духа.

Бѣлинскій, говорятъ, либералъ, и потому что-же тутъ искать морали, когда то и другое несовмѣстно. — Давнишнее, старинное мнѣніе, которому, не шутя, пора — бы стать осмысленнѣй! У насъ въ большомъ ходу слово «либералъ», — и мы готовы кричать во имя его на весь міръ, но въ то же время, надо сознаться, мы ужасно еще плохо и страшно превратно понимаемъ это слово. У насъ либералъ понимается, какъ врагъ существующаго порядка, какъ противникъ и власти и вѣры, и во имя этого у насъ награждаютъ этимъ названіемъ всякую дерзость, всякую незаконную выходку. Отсюда понятно, почему въ послѣднее время у насъ и развелось такъ много либераловъ,—вѣдь это такъ легко! Поня-

но и то, почему такъ худо большинство смотритъ на либераловъ. Но, повторяемъ, всѣ эти понятія — ужасно какъ дики и до невѣроятности нелѣпы. На самомъ дѣлѣ, по здравому смыслу, слово «либералъ» имѣетъ совершенно не такое разбойническое значеніе. У просвѣщенныхъ людей оно означаетъ человѣка, который, идя впередъ, стоитъ всей своей душой за лучшіе результаты человѣческаго развитія, за законную независимость каждаго гражданина и за свободу каждаго дѣйствія, но такого, которое шло-бы не противъ блага общественнаго, а — за благо. Въ иномъ смыслѣ либерала и понимать нельзя. Истинная свобода должна необходимо отличаться разумностію, иначе она будетъ съ родни безумію или разбойничеству. Будучи-же разумной, свобода, очевидно, и не можетъ стоять ни за что иное какъ только за правду и истину, за счастье и спокойствіе человѣчества. И вотъ здѣсь-то истинная свобода протягиваетъ руку и мирится съ закономъ нравственнымъ и гражданскимъ, какъ скоро послѣдніи основанъ на первомъ и служитъ развитіемъ его началъ. И вотъ гдѣ объясненіе англійской свободы, вотъ гдѣ и объясненіе того, почему у образованныхъ народовъ имя либерала не только

не представляетъ собой ничего пугающаго, а напротивъ, представляетъ лучшій дипломъ о достоинствахъ человѣка, самое почетное имя. Но за разумной свободой стоитъ свобода безразсудная; не понимая смысла свободы, хотятъ разумѣть подъ ней безнаказанное право дѣлать каждому что угодно, и понятно, что такихъ либераловъ общество имѣетъ право бояться на столько-же, на сколько оно боится огня, мошенниковъ, разбойника съ ножемъ на большой дорогѣ. Но дѣло въ томъ, что здѣсь уже собственно и не должно быть слова о свободѣ, оно должно быть замѣнено словами «произвол[illegible] и «разнуздапность», съ которыми у морали и закона, конечно, не можетъ быть связи, а можетъ быть одна борьба и вражда. Итакъ, очевидно, утвердившееся за Бѣлинскимъ мнѣніе о немъ, какъ либералѣ, еще само по себѣ нисколько не даетъ права къ заключенію, будто онъ никакъ не можетъ быть моралистомъ и искать морали въ его трудахъ нечего. Нужно еще напередъ опредѣлить, въ какомъ смыслѣ былъ Бѣлинскій либераломъ. Если его считаютъ либераломъ въ послѣднемъ смыслѣ, то конечно нѣтъ и не найдемъ мы у него морали, но въ такомъ случаѣ будетъ непонятно и всеобщее уваженіе къ нему; началами зло-либеральными уваженія

общества нельзя пріобрѣсти. Если-же его считаютъ либераломъ въ первомъ смыслѣ, въ такомъ случаѣ, можно быть твердо убѣждену что въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго мы найдемъ мораль высокую. Мы убѣждены и имѣемъ на доказательства, что Бѣлинскій былъ либераломъ въ благородномъ и истинномъ смыслѣ этого слова и потому поручимся за его мораль.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы уступать передъ силою возраженій, мы прилагаемъ лишь еще къ большему уясненію себѣ нужды и значенія предпринятаго нами труда. Отъ него, какъ мы и старались доказать, слава Бѣлинскаго не можетъ пострадать никакимъ образомъ, напротивъ можетъ выиграть, потому-что вполнѣ уяснится все благородство убѣжденій и стремленій Бѣлинскаго и вполнѣ раскроется, что онъ былъ свѣтлой личностью, которая никакъ не подходитъ къ многимъ изъ тѣхъ настоящихъ либераловъ, на которыхъ [illegible] наше общество смотритъ такъ косо [illegible] а это, впрочемъ, полное право. Выведенный передъ судъ общества какъ моралистъ, Бѣлинскій, можемъ за то ручаться, не затмитъ и не умалитъ тѣни своего блеска, какъ критика, но онъ окончательно можетъ заставить умолкнуть всякіе крики о томъ какъ о какомъ-то опасномъ либералѣ. Молодое поколѣніе съ жад-

ностью берется за сочиненія Бѣлинскаго и охотно отдается ихъ чтенію, и вотъ наше изслѣдованіе имѣетъ въ виду успокоить всѣхъ боящихся за такое увлеченіе, показавъ, что именно это читающее поколѣніе можетъ позаимствовать у любимаго имъ автора.

Но хорошо ли объяснять дѣло передъ людьми, которые еще вѣрятъ въ мораль и готовы признать ее, а что сказать и отвѣтить тѣмъ, которые совсѣмъ не хотятъ знать ее, которые [illegible] ее при одномъ словѣ ея, считая себя выше ея, находя для себя возможнымъ обойдтись и безъ нея?

Намъ не нужно морали! Довольно мы слушали ее!—кричитъ хоръ.—Странный крикъ, удивительный протестъ! Собственно говоря,—такому крику можно-бы и порадоваться. «Намъ не нужно морали; значитъ, они достигли того, что хорошо и твердо знаютъ ее, умѣютъ ходить прямо безъ указаній, умѣютъ дѣлать добро и блюсти законное и безъ всякихъ требованій и внушеній. О если-бы такъ! осталось-бы, повторимъ, радоваться и въ самомъ дѣлѣ отложить всякое попеченіе о моральномъ вліяніи на людей. Ученаго учить, говоритъ поговорка, только портить. Да и чему-бы тогда учить людъ? Чего-бы еще желать? Не та-ли и цѣль

всякой морали, чтобы довести людей до состоянія жить безъ морали, иначе говоря, сдѣлать ихъ нравственными, строгими и вѣрными исполнителями нравственнаго закона? И мы хорошо понимаемъ, какъ непріятно должно быть слушать мораль тому, кто самъ и знаетъ ее и дѣйствуетъ по ней, и въ комъ она — [illegible]вая сила, могучее и дало дѣятельности. Толковать такому человѣку о значеніи [illegible] предлагать ему сводъ нравственныхъ правилъ значило-бы испытывать его терпѣніе. Такъ вообще страдаетъ человѣкъ образованный и съ твердыми убѣжденіями въ кругу болтуновъ и выскочекъ. Но здѣсь опять вопросъ: полно, правда-ли, — будто нашему современному обществу не нужна мораль? Полно, правда-ли, будто оно знаетъ ее и опытно въ ней? Если знаетъ и опытно, въ такомъ случаѣ пусть оно докажетъ намъ это дѣлами? А дѣла нашего времени явны, ходить за ними далеко нѣтъ нужды: они передъ глазами. Что-жъ видимъ? Откровенно сознаемся — тяжело судить общество передъ лицемъ самого-же общества и мы не имѣли и не имѣемъ намѣренія быть какими-либо сатириками и обличителями; но мы рѣшились говорить прямо и должны-же разрѣшить вопросъ. Что-жъ, повторяемъ, говорятъ со-

временныя дѣла и событія? Смотришь и видишь, что и это правда, равная со всѣмъ, не обращающая вниманія на лица, не дѣлающая различій между сильнымъ и слабымъ, богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и простолюдиномъ, а воздающая каждому должное,—и эта любовь, не останавливающаяся на всѣхъ, въ комъ человѣкъ видящая и чтящая высокое твореніе Божіе, ко всѣмъ никого не презирающая, сострадующая даже злодѣю, и ко всякому во всякое время готовая на помощь по первому призыву,—и эта чистота души, не позволяющая человѣку рѣшиться на низкое дѣло,—и это уваженіе къ личности и правамъ другаго,—все это, видишь, велико только на словахъ, а на дѣлѣ увы! какъ забыто современнымъ людомъ и далеко отъ него. Вмѣсто такихъ доблестей встрѣчаешь то страшную холодность къ дѣлу религіи, забвеніе и глумленіе надъ нею, то ослабленіе узъ семейныхъ, когда мужъ съ женою считаютъ нисколько не важнымъ разъѣхаться на другую-же недѣлю послѣ свадьбы, или-же, живя вмѣстѣ, не стѣсняются заводить связи на сторонѣ; то видишь недостатокъ заботы объ общемъ благѣ, когда лучшій человѣкъ бѣжитъ труда на общую пользу и на его мѣсто становится какой-нибудь вы-

19815

ходецъ или пройдоха, и тѣмъ вмѣсто заботы о другихъ является на первомъ планѣ забота о своемъ карманѣ и своемъ бл[illegible] то встрѣчаешь какое-то страшное притупленіе чувства и холодность ко всему, наконецъ— ужасающее отверженіе всего, скептицизмъ и т. п. —и несутся отсюду вопли да стоны, крики да жалобы на неурядицу. Ныль это все не такъ? Да и у однихъ-ли у насъ это такъ? И вся Европа представляетъ не тоже-ли самое? Укажите, если это не правда, тотъ счастливый уголокъ, гдѣ-бы этихъ воплей не было слышно? Скажутъ можетъ быть что если въ нашемъ современномъ обществѣ и есть указанные недостатки, то они должны быть отнесены не къ этому молодому поколѣнію, которое вступаетъ своею моралью, а именно къ старому поколѣнію; но будетъ-ли опять и здѣсь правда? Вотъ много и людей новаго поколѣнія явилось уже на общественное арену, — гдѣ-жъ однако величіе ихъ началъ? Впрочемъ, зачѣмъ и ходить такъ далеко: доказательства можно найти и ближе, стоитъ только припомнить «Молоду Россію» и ей подобные листки, чтобы по ней одной убѣдиться, что въ людяхъ, пишущихъ такія прокламаціи, и не было и нѣтъ ни на грошъ того, что зовется высо-

19875

вязь очень морали, и если подобными людьми мораль избѣгается какъ чума, то это не потому, чтобы о ней была извѣстна, а просто потому, что имъ хочется жить безъ всякой морали, а хочется имъ жить безъ морали опять потому, что они еще не испытали какъ дико и безумно, и даже невозможно жить безъ нея.

Насъ не нужно учить морали, кричитъ тотъ же хоръ современнаго поколѣнія,—мы знаемъ мораль и безъ васъ, безъ всякихъ вашихъ увѣреній.—Мы знаемъ мораль! Какой опять самонадѣянный крикъ! Знаютъ—значитъ—учились, потому-что знаніе не такъ-же приходитъ въ душу такъ себѣ безъ труда. Богъ вѣсть откуда. Гдѣ-же и какъ-же эти крикуны могли научиться и дѣйствительно изучиваются морали? Этотъ вопросъ очень важенъ: онъ можетъ вполнѣ увѣрить насъ и то, какъ эти люди понимаютъ самую мораль. Самая высокая и чистѣйшая мораль заключается въ Откровенномъ ученіи. Оно затѣмъ и потому дано людямъ что сами по себѣ люди оказались не въ состояніи идти по пути добра, и голосъ одного нравственнаго закона не въ силахъ былъ руководить ими, заглушаемый то страстями и помыслами извращенной души, то мрачнымъ стрем-

леніями ума, уклонившагося отъ свѣта истины Какъ ученіе самого Бога, ученіе Откровенія выше всего, что только знаетъ человѣческій разумъ Изъ этого-то источника, можетъ быть и черпаютъ мораль тѣ, которые такъ настойчиво отвергаютъ всякаго, кто только заикнется о ней? Прекрасно было-бы, если-бы дѣйствительно это было такъ, если-бы дѣйствительно эти люди держались Откровенія, какъ якоря спасенія и начала своей жизни, хотя въ этомъ случаѣ еще нисколько не уничтожались-бы какъ необходимость и право другихъ говорить имъ о той же самой морали, такъ и нельзя для нихъ самихъ выслушивать этотъ говоръ; но увы! люди, отвергающіе всякое слово о морали, потому именно и отвергаютъ его, что очень надѣются на *свою* мораль. Они признаютъ себя выше *всякой* морали Откуда жъ, такимъ-образомъ, они могли и могутъ научиться моралиу? Въ глубинѣ человѣческаго духа лежитъ идея добра; эта идея прирождена ему, какъ прирождена человѣку и идея истины и идея красоты; такъ не отсюда-ли наши мыслители и крибуны черпаютъ правила жизни и не на нейли основываютъ свою мораль? Но увы! сколько мы знаемъ, они и совѣтъ не признаютъ этой прирожденности идеи! Увлеченные систе-

мами Бюхнера и Фейербаха съ ихъ братіею, наши анти-моралисты смотрятъ на человѣка съ чисто матеріальной точки зрѣнія, какъ на сцѣпленіе разныхъ частицъ матеріи, и такимъ-образомъ для нихъ душа не есть что-нибудь духовное, безсмертное, а просто—мѣшокъ для впечатлѣній. Такимъ-образомъ у нихъ и мысли не можетъ быть о прирожденности идей. Да если-бы кто-нибудь изъ нихъ и признавалъ прирожденность человѣку идеи добра то кто-жъ не знаетъ, что одной ея мало ему для руководства въ жизни? Идея эта должна быть правильно развита въ человѣкѣ, законно направлена, а не то изъ нея не выйдетъ ничего. Вѣдь и въ душѣ язычника есть это стремленіе къ безконечному и смотрите-жъ, какъ дико онъ понимаетъ и прилагаетъ это стремленіе; и въ душѣ дикаря есть та же идея красоты, а между-тѣмъ онъ любитъ то, что по всей справедливости можетъ быть названо лишь безобразіемъ. Впрочемъ мы едва ли не напрасно роемся въ языческихъ источникахъ, откуда наши анти-моралисты могли-бы научиться морали безъ пособія другихъ,—этотъ вопросъ разрѣшается въ большей части случаевъ едва ли не чрезъ всего самими тѣми философскими системами, которымъ они держатся. У тебя есть разумъ, го-

горятъ эти системы, ему и слѣдуй, дѣйствуя по убѣжденію. Что тебѣ нужно [illegible], что ты не будешь надѣяться на безсмертіе? Ты считаешь полезнымъ и благороднымъ извѣстный поступокъ и иди на него. — Проповѣдь заманчивая, нечего сказать! Да вопросъ здѣсь въ томъ: можетъ-ли разумъ только своими силами дойдти и доискаться до чистаго добра и твердо преслѣдовать его? Исторія человѣчества говоритъ, что этотъ вожакъ — страшно ненадеженъ, что убѣжденія человѣка могутъ быть до крайности ложны и пагубны. Вѣдь находятся же люди, которые и зарево пожаровъ считаютъ нужнымъ. А фраза: «дѣлай добро по убѣжденію» — сама по себѣ очень высока, но въ устахъ матеріалистовъ не болѣе, какъ смѣшна. Что тутъ думать о добрѣ, зачѣмъ много стѣснять себя тому, кто знаетъ, что онъ съ послѣднимъ дыханіемъ превратится въ прахъ? У такого человѣка можетъ быть одна цѣль — пользоваться жизнью, а какъ пріятности жизни болѣе въ разгулѣ, чѣмъ въ добрѣ, которое требуетъ подвига, то матеріалистъ, — понятное дѣло, — скорѣй и будетъ, что называется, пользоваться жизнью, чѣмъ обречетъ себя на подвигъ.

Итакъ, какъ ни увѣряли-бы насъ и что́ ни го-

ворили-бы намъ о безнадобности, будто-бы, для настоящаго времени морали, на самомъ дѣлѣ, послѣ серьезной и безпристрастной повѣрки мораль оказывается тѣломъ очень нужнымъ и едва-ли не нужнымъ болѣе, чѣмъ въ какое-нибудь другое время. Развязанность нашего времени до того очевидна, что не требуетъ и доказательствъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы старое время было лучше новаго,—отъ такой мысли спаси насъ Богъ,—но мы хотимъ только сказать, что являясь обличителемъ стараго, новое время само явилось такимъ, что заслуживаетъ полнаго обличенія; иначе говоря: и оно, какъ и то, требуетъ вразумленія, нуждается въ урокахъ. Но говорятъ люди всегда были людьми, людьми и останутся: и прежде имъ толковали о морали и все-таки ихъ не исправили и теперь будутъ имъ толковать о ней и тоже не исправятъ. Скажемъ откровенно, возраженіе это имѣетъ свое основаніе. Дѣйствительно, людей довольно вразумляли, чтобы имъ сдѣлаться людьми въ полномъ смыслѣ слова.—Но вопросъ въ томъ: мораль-ли виновата, что она недостигаетъ своей цѣли? А этотъ вопросъ тождественъ съ вопросомъ о томъ: могутъ-ли быть всѣ люди безгрѣшны и совершенны на

столько, разумѣется, на сколько это возможно человѣку? Нѣтъ, не мораль и не нравственное воспитаніе человѣка виноваты въ томъ, что люди и до сихъ поръ остаются неисправленными, а природа человѣка, которая не можетъ отрѣшиться отъ зла. — Новый элемъ на землѣ невозможенъ Между-тѣмъ развѣ слѣдующія поколѣнія не лучше предыдущихъ? Развѣ нѣтъ въ жизни человѣчества развитія? Какимъ-же образомъ все это совершается, если не при помощи просвѣщенія и соединеннаго съ нимъ нравственнаго образованія? Но какъ-бы ни было, мы лучше поставимъ вопросъ такъ: неужели можно думать, что общество все таково-же было-бы и въ томъ случаѣ, если-бы ему вовсе не толковали о нравственности? Предположимъ, напримѣръ, себѣ, что въ извѣстную эпоху, основываясь на томъ, что мораль уже васкучила всѣмъ и извѣстна и никого не исправляетъ, люди рѣшились ниже словомъ заикнуться о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка; какъ вы думаете, что вышло-бы? Ручаетесь за то, что было-бы тоже, что и теперь? По нашему-же мнѣнію, при такихъ условіяхъ могло-бы вырости и выросло-бы не иное племя, какъ племя дикарей.

Только выражаясь и говоря такъ, мы въ

самомъ дѣлѣ не становимся-ли въ противорѣчіе съ самимъ Бѣлинскимъ и не хотимъ-ли сдѣлать изъ него нѣчто такое, чѣмъ онъ никогда не хотѣлъ быть. Дѣйствительно Бѣлинскій самъ совѣтуетъ смотрѣть на дѣйствительность «глазами живой современности, а не сквозь закоптѣлые очки морали, которая,—говоритъ онъ, — была истинна во время оно, а теперь превратилась въ общія мѣста, многими повторяемыя, но уже никого не убѣждающія», и часто очень зло смѣется надъ авторами книжекъ, которые пускались въ сочиничество только затѣмъ, чтобы доказать, что добродѣтель священна, а порокъ - безобразенъ и увѣряетъ подобныхъ бумагомарателей «въ томъ, что отъ этого ихъ описанія добродѣтель рѣшительно ничего не выигрываетъ». Какъ-же тутъ быть? Какъ намъ выйти изъ этого затрудненія? Затрудненіе, должны мы сказать, само въ себѣ не важное, но оно изъ числа самыхъ обыкновенныхъ. Въ подобное затрудненіе и любили прежде ставить писателей, любятъ ставить ихъ и теперь. Обыкновенно, какъ только кто выскажетъ мысль въ родѣ той, что толковать много о томъ, что порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ, не стоитъ труда, — его сейчасъ-же подхватываютъ на этихъ выраже-

ніяхъ и жалуютъ въ анти-моралисты, точно также какъ стоитъ только не лестно отозваться о чьихъ-либо нравственныхъ статейкахъ, какъ сейчасъ же произведутъ въ поборники разврата. По мнѣнію такихъ людей, велика, изволите видѣть, всякій, кто только говоритъ о нравственности и учитъ добродѣтели. Но погрѣшность такихъ судей главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что они не отдѣляютъ предмета отъ того, какъ о немъ говорятъ. Предметъ можетъ быть очень высокъ и важенъ, но раскрытіе его никуда не годится и только портитъ дѣло. Вѣдь и фарисеи учили добродѣтели, а между тѣмъ чѣмъ была ихъ добродѣтель, какъ не бременемъ? Дѣло въ томъ, что моралъ морали розь и учить можно различнымъ образомъ. Бываетъ мораль сухая, безжизненная, и мораль — плоть и кровь жизни человѣка. Одинъ будетъ говорить вамъ о добрѣ такъ, что вы уснете подъ его рѣчь, потому что увидите въ немъ одну схоластику, и будетъ говорить вашъ тоже самое другой—и вы заслушаетесь его рѣчи и въ вашу душу невольно зароится сѣмя добра и вы приготовитесь на подвигъ. Одинъ будетъ говорить вамъ о добродѣтели и порокѣ такъ, какъ онъ сталъ бы вамъ говорить и о бобахъ и объ огурцахъ

слово-же другаго будетъ отъ души и все проникнуто горячимъ чувствомъ. Притомъ-же, написать цѣлую книгу и не сказать въ ней ничего, кромѣ того, что порокъ-де порокъ, конечно ужь никакъ не можетъ не быть смѣшно. За такой истиной и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ нужды ходить далеко, зато и нечего ждать отъ нея большаго плода. Важнѣе раскрытіе истины, приложеніе ея къ жизни, проведеніе ея животворнаго начала въ дѣятельность. Правила аѳонскихъ монастырей очень хороши, но именно только для монастырей, и потому если-бы пришла кому мысль и жизнь всѣхъ смертныхъ располагать по нимъ, что мудренаго, если надъ трудомъ подобнаго ревнителя мы только улыбнулись-бы, потому что изъ одного этого мы ясно видѣли-бы, что проповѣдникъ морали самъ не понимаетъ ни духа христіанства, ни требованій его, а говоритъ что придется и если-бы ему самому пришлось исполнить то, къ чему онъ призываетъ другихъ, то онъ, можетъ быть, первый-бы оказался немощнымъ. Такъ точно и сказать: «порокъ есть порокъ и долженъ быть наказанъ»—очень не мудрено и не значитъ еще сказать Богъ вѣсть какую высокую истину. Вы туже истину услышите и отъ язычника и

отъ мусульманина; дѣло въ томъ: что такое порокъ? Вы скажете: воровство — порокъ; такъ, но одинъ воруетъ по лѣни и испорченности сердца, а другой потому, что три дня не ѣлъ, что у него лежитъ при смерти мать, дѣти надрываются отъ слезъ и голода,—тутъ-ли нѣтъ разницы въ словѣ порокъ? Такимъ-образомъ смѣются въ большей части случаевъ не надъ моралью, а надъ тѣмъ, что берутся толковать о ней люди, не понимающіе ее, и берутся эти люди толковать о ней потому, что считаютъ такое дѣло почему-то очень легкимъ. Бѣлинскій именно смѣялся надъ «общими» разсужденіями о морали,—надъ тѣми, гдѣ учители смотрѣли на дѣло «сквозь тусклые очки» и въ настоящее время судили о дѣлѣ съ точки вѣковъ прошедшихъ, но мы можемъ увѣрять и легко — доказать, что Бѣлинскій былъ слишкомъ чистъ и высокъ для того, чтобы смѣяться надъ трудомъ дѣльнымъ или порицать книгу нравственнаго содержанія дѣйствительно полезную. Вотъ доказательство. Смѣясь надъ тусклыми очками морали и общими мѣстами и понятіями,—посмотрите,— съ какимъ воззрѣніемъ отнесся тотъ-же Бѣлинскій къ переводу графа Сперанскаго книги Оомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу»

Значитъ, не мораль пугала Бѣлинскаго, а то незнаніе, съ какимъ брались за нее люди. «Распространеніе евангельскихъ истинъ, говоритъ онъ, есть святая обязанность всякаго христіанина, возлагаемая на него убѣжденіемъ въ нихъ и любовію къ истинѣ; но не всякій долженъ принимать ее на себя, потому-что для этого требуется духовное посвященіе, которое состоитъ въ глубокомъ проникновеніи въ евангельскія истины путемъ любви, откровенія и благодати, и еще въ способности передавать свои мысли съ жаромъ, убѣжденіемъ и силою Кто возьмется за эту высокую миссію безъ этого внутренняго посвященія, тотъ высокія религіозныя истины обратитъ въ сухое правоученіе—плодъ человѣческой мудрости, конечнаго человѣческаго разсудка». (Томъ III, стран 48 и 49). И если кто приметъ на себя трудъ внимательно просмотрѣть всѣ сочиненія Бѣлинскаго тотъ увидитъ, что ни одна дѣльная и полезная книга нравственнаго и духовнаго содержанія не была отъ него обойдена достойнымъ словомъ. Но чтобы доказать еще очевидней, что Бѣлинскій никакъ не можетъ принадлежать къ числу тѣхъ противниковъ морали, которые ставятъ своей задачей бранить все, что только намекаетъ на нее, а напротивъ принад-

лежитъ къ числу людей, высоко ставившихъ и цѣнившихъ нравственное воспитаніе общества, мы укажемъ на слѣдующее мѣсто изъ его сочиненій. «Есть много, говоритъ онъ, родовъ образованія и развитія и каждое изъ нихъ важно само по себѣ, но всѣхъ ихъ выше должно стоять образованіе *нравственное*. Одно дѣлаетъ васъ человѣкомъ ученымъ, другое—человѣкомъ свѣтскимъ, третье административнымъ, военнымъ, политическимъ и т. п., нравственное-же образованіе дѣлаетъ васъ просто человѣкомъ, т. е. существомъ, отражающимъ на себѣ отблескъ божественности и потому тысячу стоящимъ надъ міромъ животнымъ. Хорошо быть ученымъ, поэтомъ, воиномъ, законодателемъ, и проч., но худо не быть прежде человѣкомъ; быть же человѣкомъ, значитъ имѣть полное и законное право на существованіе и не будучи ничѣмъ другимъ, какъ только человѣкомъ». (Т. VIII.—460 стр.). Еще сильнѣй высказано Бѣлинскимъ это сознаніе въ необходимости для народа нравственнаго образованія въ слѣдующемъ его отзывѣ о французскомъ народѣ». «Евангельскія истины не глубоко вошли въ жизнь французовъ: они взвѣсили ихъ своимъ разсудкомъ и рѣшили, что должна быть му—

дрость выше евангельской, истина — выше любви. Любовь постигается только любовію; чтобы познать истину, надо носить ее въ душѣ, какъ предощущеніе, какъ чувство: вѣра есть свидѣтельство духа и основа знанія; безконечное доступно только чувству безконечнаго, которое лежитъ въ душѣ человѣка, какъ предчувствіе. У французовъ — у нихъ во всемъ конечный, слѣпой разсудокъ, который хорошъ на своемъ мѣстѣ, т. е. когда дѣло идетъ объ уразумѣніи обыкновенныхъ житейскихъ вещей, но который становится буйствомъ предъ Господомъ, когда заходитъ въ высшія сферы знанія. Народъ — безъ религіозныхъ убѣжденій, безъ вѣры въ таинство жизни — все святое оскверняется отъ его прикосновенія, жизнь мрѣетъ отъ его взгляда. Такъ оскверняется для вкуса прекрасный плодъ, по которому проползла гадина» (Т. II, стр. 309

Такъ Бѣлинскій, поставляя цѣль нравственнаго образованія въ томъ, чтобы дѣлать человѣка въ полномъ смыслѣ человѣкомъ, ставилъ это образованіе выше всего и вотъ откуда происходила его жолчь, и эта безпощадная критика, какими онъ встрѣчалъ всякое произведеніе, которое, по его мнѣнію, могло поранить чувство и вредно дѣйствовать на его чистоту и жи-

вость. Полъчасъ подобнаго рода книги вырывали изъ его груди болѣзненный вопль, какъ будто кто наносилъ ему чувствительную рану и заставлялъ страдать и болѣть. Такъ мы не можемъ забыть его отзыва о Поль-де Кокѣ. Въ то время, какъ нѣкоторые находили талантъ и въ этомъ писателѣ, а публика раскупала выходившіе переводы, вотъ-что писалъ Бѣлинскій. «Передо мной лежитъ романъ Поль-де-Кока «Сынъ моей жены»; перелистываю его съ разстановкой и трепещу при мысли, что это подлое и гадкое произведеніе можетъ быть прочтено мальчикомъ, дѣвочкой и дѣвушкою. — трепещу при мысли, что Поль де-Кокъ почти весь переведенъ на русскій языкъ и читается съ услажденіемъ всей Россіи! Боже великій! и есть люди, которые печатно хвалятъ его и находятъ его самымъ нравственнымъ изъ современныхъ французскихъ писателей, — его, грязный осадокъ отъ мутной воды XVIII вѣка, его, утопика площадной черни»! Человѣкъ, написавшій такія горячія строки, никакъ ужь, думаемъ, не можетъ быть отнесенъ къ числу [illegible];

Итакъ, мы не видимъ ни малѣйшей причины, почему-бы Бѣлинскій не могъ быть разсматриваемъ, какъ моралистъ. Напротивъ все го-

ворить только за пользу такого дѣла и для славы самого-же Бѣлинскаго и для жизни современнаго общества. То и другое еще ясней, надѣемся, будетъ, когда мы войдемъ въ подробности

Нѣтъ ничего выше нравственнаго образования, оно необходимо народу и безъ него мретъ въ народѣ все живое и святое,—такова, какъ мы сказали, проповѣдь Бѣлинскаго. Высокая проповѣдь! выше ея и быть ничего не можетъ и оставалось-бы только желать, чтобы она слышилась чаще отъ передовыхъ людей вѣка и залегала-бы глубже въ сердца человѣческія. И если-бы потребовалось подтвердить чѣмъ-нибудь эту проповѣдь, то и въ такомъ случаѣ затрудняться было-бы не чѣмъ: можно бы найти множество примѣровъ того, какъ гибли не то-что отдѣльныя личности, а цѣлыя царства и народы единственно отого, что отклонялись отъ нравственнаго пути и шли по волѣ слѣпаго и извращеннаго сердца, кто куда хотѣлъ. Но здѣсь вотъ въ чемъ затрудненіе: вѣдь никто-жъ никогда и не отвергалъ собственно нравственности, никто же вѣдь, строго говоря, никогда и не училъ жить такъ, какъ вздумается, безъ всякихъ правилъ. Иначе говоря: нравственныя понятія были у

каждаго народа, проповѣдывались каждымъ мыслителемъ; дѣло собственно въ томъ, что не всѣ сходились въ понятіи о нравственномъ, а у каждаго было свое нравственное начало. Потому сказать и доказать, что Бѣлинскій проповѣдывалъ нравственность и стоялъ за нее, еще ничего не значитъ; важнѣе и нужнѣе опредѣлить, что такое было нравственное въ его глазахъ?

Нравственность обыкновенно считаютъ понятіемъ относительнымъ, значитъ, не твердымъ, не установившимся. То, говорятъ, что нравственно нынче, можетъ считаться безнравственнымъ завтра. И считая такое мнѣніе вѣрнымъ, всю нравственность человѣка обыкновенно и полагаютъ только въ томъ, чтобы жить согласно принятымъ обществомъ и одобреннымъ общественнымъ мнѣніемъ обычаемъ, въ духѣ [illegible] эпохой приличія, въ границахъ принятыхъ уставовъ. Бѣлинскій сознавалъ эту относительность слова и понятія и видѣлъ ее даже прямо въ духѣ своей эпохи, отъ которой и мы не ушли. «Въ наше время, замѣтилъ онъ, въ одномъ мѣстѣ, слова «нравственное» и «безнравственность» сдѣлались очень гибкими и ихъ теперь можно по произволу прилагать къ чему угодно. Посмотрите, на-

примѣръ, на этого господина, который съ такимъ достоинствомъ носитъ свое толстое чрево, поглотившее въ себя столько слезъ и крови беззащитной невинности —этого господина, на лицѣ котораго выражается такое довольство самимъ собою, что вы не можете не убѣдиться съ перваго взгляда въ полнотѣ его глубокихъ сундуковъ, скопившихъ въ себѣ и безвозмездный трудъ бѣдняка и законное наслѣдство сироты. Онъ—этотъ господинъ съ головою осла на туловищѣ быка, чаще всего и съ особенною строгостію судитъ молодежь за ея безнравственность, состоящую въ неуваженіи къ заслуженнымъ (т. е. разбогатѣвшимъ) людямъ и за ея вольнодумство, заключающееся въ томъ, что она не хочетъ верить словамъ, не подтвержденнымъ дѣлами. Такихъ примѣровъ можно найти довольно и ни мало не удивительно, что въ наше время являются люди, которые Сократа называютъ надувалою, мошенникомъ и опаснымъ для нравственности юношества безумцемъ (т. IX стр. 8)». Еще не иѣе выражаетъ ту-же мысль Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ, гдѣ мораль онъ сравниваетъ съ червонцемъ. «Мораль, говоритъ онъ, также измѣнчива, какъ курсъ голландскаго червонца. Въ прошломъ вѣкѣ мораль предписывала

бѣдному и незначительному человѣку имѣть патрона — благодѣтеля, низко ему кланяться, почитать за честь быть допущеннымъ къ его столу или къ его ручкѣ; теперь-же все это считается униженіемъ человѣческаго достоинства. Такъ что теперь называется подлостью, тогда называлось скромностью и смиреніемъ; что теперь называется благородствомъ души, тогда называлось гордостью, она-же есть смертный грѣхъ (т. IV. стр. 136)». И вотъ вслѣдствіе чего Бѣлинскій и оправываетъ владовскую Елену. «Она, по его словамъ, нисколько не оскорбила своимъ поведеніемъ жизни древнихъ, она совершенно въ духѣ народа и въ духѣ времени и потому ее такъ-же смѣшно упрекать въ безнравственности, какъ смѣшно упрекать задунайскихъ славянъ въ томъ, что они головорѣзы (т. II, стр. 176)». Такимъ-образомъ понятіе Бѣлинскаго, повидимому, сходится съ общимъ ходячимъ понятіемъ о нравственности и не представляетъ собой ничего твердаго и положительнаго: онъ, повидимому, ставитъ нравственность человѣка въ полной зависимости отъ развитія народа и извѣстнаго выработавшагося взгляда на вещи и отъ духа времени. На самомъ дѣлѣ не то. Бѣлинскій тѣмъ и замѣчателенъ, что

онъ не смотрѣлъ на вещи односторонне и умѣлъ въ предметѣ отличать случайное отъ существеннаго, частное отъ общаго. Такъ и въ нравственномъ онъ умѣлъ угладѣть двѣ стороны и отличить каждую изъ нихъ. Въ его глазахъ строго-нравственное существенно отличается отъ «ходячей» нравственности, отъ того, что называется у нѣмцевъ моральностью. «Не все то, говоритъ онъ, принадлежитъ къ сферѣ «нравственнаго», что называютъ «нравственностью» (Sittlichkeit), смѣшивая съ нимъ понятіе «моральнаго» (Moralität). Нравственность относится къ моральности, какъ разумный опытъ жизни къ житейской опытности, какъ высокое къ обыкновенному, трагическое къ повседневному, какъ разумъ къ разсудку, мудрость къ хитрости, искусство къ ремеслу. Жизнь человѣческая раздѣляется на будни, которыхъ въ ней много, и праздники, которыхъ въ ней мало. Въ жизни человѣка бываютъ торжественныя минуты, въ которыя все побѣда или все—паденіе и нѣтъ средины. Это минуты борьбы его индивидуальной особности, требующей личнаго счастья, или личнаго спасенія, съ долгомъ, говорящимъ ему, что онъ вправѣ стремиться къ счастью или спасенію, но не на счетъ несчастія или погибели ближ

него, имѣющаго равное съ нимъ право и на счастіе, если оно ему представляется, и на паденіе, если ему грозитъ бѣда. Воля человѣка свободна; онъ вправѣ выбрать тотъ или другой путь, но онъ долженъ выбрать тотъ, на который указываетъ ему разумъ. Если онъ послушается голоса своей личности, требующей всего себѣ и останется спокоенъ въ духѣ своемъ,—онъ будетъ правъ въ отношеніи къ самому себѣ, хотя и виноватъ въ отношеніи къ разуму, котораго законовъ онъ не въ состояніи постигать: тогда не будетъ осуществленія нравственнаго закона, за нарушеніе котораго кара внутри человѣка, но тогда, можетъ-быть, осуществится только моральный законъ, за нарушеніе котораго наказаніе внѣ человѣка, какъ возмездіе гражданскаго закона или какъ личное мщеніе со стороны оскорбленнаго». «Главное и существенное различіе, поясняетъ ту же мысль Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ, нравственности отъ моральности состоитъ въ томъ, что первая есть законъ разума, въ таинственной глубинѣ духа пребывающій, а послѣдняя бываетъ разсудочнымъ понятіемъ о нравственности-же, но только людей не глубокихъ, внѣшнихъ, неносящихъ въ нѣдрахъ своего духа закона нравственности, а между-

тѣмъ чувствующихъ его необходимость. Поэтому нравственность есть понятіе общее—мировое, непреходящее, безусловное (абсолютное); а моральность часто бываетъ понятіемъ условнымъ, измѣняющимся.... Моральность относится къ низшей или практической сторонѣ жизни, равно-какъ и вытекающее изъ нея понятіе о чести; но тѣмъ не менѣе и она есть истина, когда не противорѣчитъ нравственности,—и кто нравственъ, тотъ необходимо и моралевъ и честенъ, но не наоборотъ, потому-что иногда самые моральные и честные и благородные, въ силу общественнаго мнѣнія, люди бываютъ самыми безнравственными людьми». (Т III, стр 316 и 321).

Итакъ Бѣлинскій нравственное считаетъ понятіемъ *обще-человѣческимъ*, *непреходящимъ*, *безусловнымъ*. И такое понятіе его о нравственномъ прямо вытекало изъ его взгляда на душу человѣческую и природу Какъ [illegible], такъ мы увидимъ ниже, благоговѣющій передъ евангельскою истиной, вообще какъ идеалистъ, Бѣлинскій вѣрилъ и признавалъ за несомнѣнное прирожденность душѣ человѣка идеи безконечнаго, прирожденность вообще человѣку чувства къ истинному, доброму и прекрасному,

—прирожденность, такъ давно уже сознанную лучшими мыслителями и философами и теперь упорно отвергаемую въ нашъ вѣкъ людьми, находящими почему-то удовольствие считать душу только возможностью или, если хотите, ничѣмъ. Какъ-бы вопреки и въ упоръ этимъ послѣднимъ Бѣлинскій замѣчаетъ: «человѣкъ ничего не можетъ узнать, чего-бы ни было въ немъ, потому что въ дѣйствительности, доступная его разумѣнію, есть только иное, какъ осуществившіеся законы его-же собственнаго разума. И потому есть такъ называемыя прирожденныя идеи, которыя суть непосредственное сознаніе истины, заключающееся въ тайникѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя убѣдить, что дважды два—пять, а не четыре. А между тѣми есть истины и повыше этой, которыхъ сѣмя—въ душѣ ребенка и не думавшаго о нихъ». (Т. III, стр. 505—506). Еще ясньше то же самое высказано Бѣлинскимъ при другомъ случаѣ. («Основу, говорить онъ, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее ощущеніе безконечнаго, которое, какъ чувство, лежитъ въ организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія, зерно любви и благодати, живой электрическій проводникъ между чело-

вѣкомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ по глаголу Христа: «и далъ одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, каждому по его силѣ», но мѣрою глубины этого чувства измѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни — Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выговариваніемъ, переведеніемъ на понятія, опредѣленіемъ,—словомъ: сознаніемъ таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ котораго, поэтому, всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чувства безконечнаго въ человѣкѣ не можетъ быть и внутренняго духовнаго сознанія истины, потому-что непосредственное созерцаніе истины основывается, какъ на фундаментѣ, на чувствѣ безконечнаго Это чувство есть даръ природы, и потому свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ, какъ зародышъ» (Т. II. стр. 344—345). Понятно теперь само собой, что для человѣка съ такими убѣжденіями и вѣрой нравственный законъ и проявленіе его—совѣсть уже и не могли быть только пустыми словами, а дѣйствительно казались необходимыми и существенными принадлежностями природы человѣческой.

(Для Бѣлинскаго нравственный законъ имѣлъ полное и высшее значеніе и онъ зналъ и вѣрилъ, что нельзя жить безъ его водительства и нельзя выдти изъ-подъ этого водительства, какъ-бы ни хотѣлось этого инымъ. «Есть люди, говоритъ онъ, которые отрицаютъ существованіе совѣсти и почитаютъ ее за предразсудокъ, основываясь на безконечной разности понятій о добрѣ и злѣ у разныхъ народовъ. «У насъ, говорятъ они, уваженіе къ родителямъ и къ старости есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей, нарушеніе которой влечетъ за собою угрызеніе совѣсти, но у многихъ дикихъ дѣти вѣшаютъ родителей престарѣлыхъ и исполняютъ это варварское дѣло, какъ предписаніе закона или религіи, неисполненіе котораго влечетъ за собою угрызеніе совѣсти; у насъ человѣколюбіе оказывается даже личнымъ врагамъ, дикіе-же мучатъ и ѣдятъ своихъ плѣнниковъ; у насъ мщеніе есть порокъ, у варваровъ оно — добродѣтель, слѣдовательно чтожъ такое совѣсть, если она въ одномъ мѣстѣ награждаетъ за то, за что наказываетъ въ другомъ и на оборотъ? Здѣсь, продолжаетъ Бѣлинскій,—явная ошибка, происходящая оттого, что слѣдствіе принято за причину т.-е совѣсть за разумъ. У всѣхъ

народовъ могутъ быть различныя понятія о добрѣ и злѣ, смотря по степени ихъ сознанія но совѣсть вездѣ одна и та-же и отрицать ея существованіе различіемъ правилъ нравственности у разныхъ народовъ значитъ еще несомнѣннѣе утверждать ея существованіе (т. I стр. 290—292)». (Вотъ сила этого то сознанія, сила этого глубоко-положеннаго въ духѣ человѣка нравственнаго закона и проявляетъ себя каждый разъ, когда человѣкъ взумаетъ идти противъ него, когда только задумаетъ совершить злое дѣло. Какъ-бы ни желалъ человѣкъ остаться глухъ къ его голосу, онъ не избѣгнетъ кары и обличенія. Изъ глубины души слышится вопль и терзаетъ сердце среди всевозможныхъ удовольствій и благъ, когда, повидимому, ничто не угрожаетъ бѣдою. Вотъ примѣръ этой силы нравственнаго закона, очень-ловко подмѣченный Бѣлинскимъ. «Молодой человѣкъ, говоритъ онъ, увлекся мимолетнымъ и скоропреходящимъ чувствомъ любви къ дѣвушкѣ, которая могла ему только доставить нѣсколько минутъ блаженнаго упоенія, но не удовлетворить вполнѣ всѣхъ потребностей его духа, не быть половиною души его, жизнью сердца, словомъ— которая могла-бы быть только его любовни

цею, но не женою. Теперь положимъ, что эта дѣвушка, не имѣя такой глубокой натуры какъ онъ, и будучи ниже его своими понятіями, чувствованіями, потребностями и образованіемъ, тѣмъ не менѣе была-бы существомъ достойнымъ всякаго уваженія, могла-бы составить счастіе цѣлой жизни равнаго себѣ по натурѣ и образованію человѣка, быть вѣрною любящею женою и матерью и уважаемою въ обществѣ женщиною. Дѣвушка эта, не видя и не понимая своего духовнаго первенства съ этимъ молодымъ человѣкомъ, однакожъ любитъ его страстно, предана ему до самоотверженія до безумія и уже мать его дитяти. Она и не подозрѣваетъ даже конца своему счастію; ея любовь все сильнѣе и сильнѣе, а онъ ужь пресытается отъ сладкаго упоенія страсти, онъ уже съ ужасомъ не находитъ въ себѣ прежней любви, онъ ужь не въ силахъ отвѣчать на ея горячія лобзанія, на ея ласки, столь прежде обаятельныя столь прежде могучія для него. Она—вся любовь, упоеніе, нѣга; онъ весь—тяжелая дума, тревожное безпокойство. Наконецъ нѣтъ ему болѣе силъ притворяться, тяжело ее видѣть, страшно о ней вспомнить. А между-тѣмъ какъ-бы въ казнь самому себѣ, какъ-бы для усугубленія своихъ страданій онъ

понимаетъ всѣ ея достоинства, цѣнитъ всю ея любовь и преданность къ нему, даже видитъ въ ней болѣе, нежели что она есть на самомъ дѣлѣ. Онъ проклинаетъ и презираетъ себя, не видитъ въ мірѣ никого преступнѣе себя, онъ называетъ себя обманщикомъ, воромъ, подло укравшимъ любовь и честь женщины; о прошлыхъ своихъ увѣреніяхъ и клятвахъ въ любви онъ вспоминаетъ какъ объ умышленномъ, обдуманномъ вѣроломствѣ, забывъ, что въ то время восторговъ и упоеній онъ говорилъ и клялся искренно, горячо вѣрилъ дѣйствительности этого чувства. Отчего-жъ этотъ внутренній раздоръ, отчего это внутреннее раздвоеніе съ самимъ собою, этотъ жгучій огонь въ груди, эта мука, эта пытка души? Вѣдь эта дѣвушка только тихо плачетъ, безмолвно изнываетъ въ безотрадной тоскѣ отвергнутаго и оскорбленнаго чувства? Вѣдь она не грозитъ ему закономъ, не безпокоитъ его требованіями и страшная тайна останется между ними и ему нечего бояться ни мщенія гражданскаго закона, ни даже суда общественнаго мнѣнія? Но отъ всѣхъ этихъ утѣшеній его страданія только глубже и мучительнѣе; безропотное страданіе жертвы возбуждаетъ въ немъ только большее уваженіе къ ней и большее презрѣніе къ себѣ,

з безопасность внѣшняго наказанія только бо л ше увеличиваетъ въ его глазахъ собственное преступленіе. Отчего-же это? Оттого, что сердце этого молодаго человѣка есть почва, въ которую законъ нравственнаго духа такъ глубоко пустилъ корни, что онъ можетъ ихъ вырвать только съ кровью и тѣломъ, а слѣдовательно и съ потерей собственной жизни. Онъ оскорбилъ неходячія нравственныя сентенціи, онъ оскорбилъ достоинство собственнаго духа, нарушилъ незримо, но ощутительно пребывающіе въ его сущности законы его же собственнаго разума Что-же ему остается дѣлать? Жениться на ней—скажете вы. Но для такихъ людей чувствовать подлѣ себя біеніе сердца, трепещущаго любовью, чувствовать сжатіе этихъ горячихъ объятій и оставаться холоднымъ, мертвымъ—ужасно!... Для труна объятія живаго существа то-же что для живаго существа объятія труна Когда мы не связаны съ существомъ, на любовь котораго не можемъ отвѣчать, мы уважаемъ его, сострадаемъ ему, плачемъ и молимся о немъ; но когда мы связаны съ нимъ неразрывными узами брака и его страстная любовь вызываетъ нашу, которой въ насъ нѣтъ, мы отвѣчаемъ на нее ненавистью. Что-жъ тутъ дѣлать? Иногда по

любыя трагическія столкновенія разрѣшаются просто, во вкусѣ мѣщанской драмы. Красавица пострадаетъ, а потомъ допуститъ утѣшить себя другому, который заставитъ ее забыть горе для радости, но что, какъ въ то время какъ онъ боротся съ собою и носитъ въ душѣ своей адъ, въ самомъ разгарѣ этой безвыходной борьбы, до слуха его долетѣтъ страшная вѣсть, что она умерла, благословляя его и его имя было ея послѣднимъ словомъ? Неужели послѣ этого возможно для него счастіе на землѣ? А если и возможно, неужели на немъ не будетъ какого-то мрачнаго оттѣнка? Неужели въ часы упоенія любви изъ-за того прекраснаго, юнаго и полнаго жизни существа, которое такъ роскошно осѣнило лице его волнами длинныхъ локоновъ, ему не будетъ иногда являться блѣдный страдальческій призракъ, съ любовію въ очахъ, съ благословеніемъ на устахъ?... Но изъ той же возможности могла родиться и другая дѣйствительность: онъ могъ идя по улицѣ увидѣть толпу народа около какого-то трупа женщины, сейчасъ вытащеннаго изъ рѣки. Страшно.... Человѣческая природа содрогается передъ такимъ бѣдствіемъ.... Что-жъ значитъ это бѣдствіе? Вѣдь онъ могъ не признать этого трупа, могъ пройти мимо, не боясь мщенія за-

кона? Нѣтъ, есть другой законъ, еще ужаснѣе закона гражданскаго, законъ внутренній, въ немъ самомъ пребывающій,—законъ нравственности, и этотъ-то законъ караетъ его. Бывали примѣры, что преступники, убійцы—сами являлись въ судъ и признавались въ преступленіяхъ, давно совершенныхъ, давно забытыхъ, въ которыхъ ихъ и тогда никто не подозрѣвалъ и какъ облегченія своихъ страданій просили казни. Видите-ли, заключаетъ Бѣлинскій— какой страшный законъ!—этотъ нравственный законъ и какъ страшно его наказаніе; самая казнь въ сравненіи съ нимъ есть облегченіе, милость». (Т. III стр. 319—321).

Такъ Бѣлинскій вѣруетъ въ нравственное, какъ въ начало обще-человѣческое и невзятное и видитъ основаніе его не въ иномъ чемъ, какъ въ прирожденной человѣку идеи безконечнаго, частнѣе въ прирожденномъ человѣку чувствѣ добра, и въ этомъ отношеніи онъ сходится со всѣми лучшими философами. Законъ нравственный, лежащій въ глубинѣ человѣческаго духа, какъ мы видѣли, въ его глазахъ самый неумолимый и неотвязчивый судья, отъ котораго не скроешься и неубѣжишь и безъ которато — нѣтъ нужды и говорить—конечно ни чего не значили-бы никакіе законы гражданскіе

...ные узы и казни, только этимъ закономъ и держится человѣчество, только благодаря силѣ его міръ и не превращается въ жалкое зрѣлище убійствъ и крови и презрѣнія къ жизни. Бѣлинскій здраво смотрѣлъ на жизнь и что удивительнаго, если онъ ясно видѣлъ силу этого закона и слышалъ его голосъ, такъ постоянно обращающійся къ людямъ. Такимъ—образомъ мы видимъ Бѣлинскаго опирающагося на истинное и твердое начало. Но этимъ еще далеко не уясняется вопросъ о томъ, въ чемъ-же собственно состоитъ нравственность и къ чему должно стремиться нравственное образованіе? Намъ, очевидно, нужно знать частнѣйшее развитіе этой мысли, точнѣйшее и пространнѣйшее опредѣленіе этихъ понятій. Нравственность есть понятіе общечеловѣческое—прекрасно. Законъ нравственный требуетъ правды—еще лучше, но чтожъ дѣлать, чтобы быть сообразнымъ этому закону? Вотъ новый при этомъ рождающійся вопросъ. Онъ впрочемъ не представляетъ собой затрудненія читателю Бѣлинскаго. Въ сочиненіяхъ послѣдняго есть два мѣста, которыя даютъ на него прямой и ясный отвѣтъ. «Что такое нравственность? Въ чемъ должна состоять нравственность»? спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ Бѣлинскій, и отвѣчаетъ: «Въ

твердомъ, глубокомъ убѣжденіи, въ пламенной и непоколебимой вѣрѣ въ достоинство человѣка и въ его высокое назначеніе. Это убѣжденіе, эта вѣра есть источникъ [illegible] человѣческихъ добродѣтелей, всѣхъ дѣй[illegible] я твердо убѣжденъ въ томъ, что міръ — [illegible]ная торговая площадь, гдѣ люди обманютъ, и мытьемъ и катаньемъ, [illegible] другъ у друга [illegible] было и пѣть сладко, и [illegible], и гулять весело; площадь, на которой всякій думаетъ только о своихъ барышахъ и почитаетъ позволительными всѣ средства къ достиженію своей цѣли, и между-тѣмъ [illegible] мѣста морали, [illegible] вѣрѣ ей, то [illegible] ради, зачѣмъ-же я долженъ быть доб[illegible]нымъ, великодушнымъ, зачѣмъ осужу я себя на лишенія, страданія, когда могу наслаждаться благами жизни? Я былъ бы, въ такомъ [illegible], очень глупъ, не правда ли? — Развѣ [illegible] страха угрызеній совѣсти? Но зачѣмъ-же мнѣ и злодѣйствовать, зачѣмъ губить ближняго? Я буду толь[illegible]ь его служить мнѣ, предоставляя и ему какія-нибудь выгоды, но только помня твердо, что своя рубашка къ тѣлу ближе, и видя зло, угнетенія, неправосудіе, не буду вмѣшиваться не

въ свои дѣла, если меня не трогаютъ. Такъ г[illegible] маль XVIII вѣкъ [illegible]ъ писали и говорили [illegible] нравственности, и ни въ комъ не было нравственности, потому что никто не вѣрилъ [illegible] стоинству человѣка, величія его назначенія. Но сдѣлая я вѣрю, что я долженъ дать отчетъ въ моей жизни, долженъ употреби[illegible] ее на святое поприще, какъ завѣщалъ [illegible] намъ Галилеянинъ за насъ, — я могу и въ таковъ случаѣ заниматься мелочами жизни, быть пустымъ, даже злымъ человѣк[illegible] но уже простя счастье жизни. [illegible] невозможно для меня, простя счастливое само[illegible] [illegible], я не могу уже обманывать себя! Т[illegible] XIX вѣкъ, ибо онъ, если еще не вполнѣ увѣрилъ, то уже начинаетъ вѣрить въ достоинство человѣка, и въ великость его назначенія» (Т. 1 стр. 416—417). Въ другомъ-же мѣстѣ своихъ сочиненій Бѣлинскій даетъ этому опредѣленію еще болѣе пространное значеніе «Въ чемъ состоитъ—спрашиваетъ онъ—нравственное образованіе, нравственное развитіе»? и отвѣчаетъ: «такъ-какъ человѣкъ не только существуетъ, но еще и мыслитъ, то всякій предметъ, въ отношеніи къ нему, существуетъ не только практически, но и теоретически, и человѣкъ только тогда вполнѣ вла-

ного регистра-
чувствовать себя сы-
сфера нравственности есть
по преимуществу сфера практическая, а прак-
тическая сфера образуется преимущественно
изъ взаимныхъ отношеній людей другъ къ другу,
— то здѣсь-то, въ этихъ отношеніяхъ, и боль-
ше нигдѣ, должно искать примѣтъ нравствен-
наго или безнравственнаго человѣка, а не въ

томъ, какъ человѣкъ разсуждаетъ о нравственности, или какой системы, какого ученія и какой категоріи нравственности онъ держится. Слова, какъ-бы ни-были краснорѣчивы, хотя-бы произносились страстнымъ голосомъ и сопровождались не только порывистыми жестами, но, при случаѣ, и горячими слезами,—слов сами по себѣ все-таки стоятъ не больше всякой другой болтовни: здѣсь, какъ и вездѣ, дѣло—въ дѣлѣ. Одинъ изъ высочайшихъ и священнѣйшихъ принциповъ истинной нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ человѣкѣ, безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ человѣкъ, и потомъ уже за его личныя достоинства, по той мѣрѣ, въ какой онъ ихъ имѣетъ, — въ живомъ, симпатическомъ сознаніи своего братства со всѣми, кто называется человѣкомъ, и вотъ что разумѣется подъ словомъ «нравственно-развитый» человѣкъ». (Т. VIII, стр. 460—462). Сличая и сопоставляя оба приведенныя мѣста, не трудно уже становится само собой опредѣлить, что значитъ на языкѣ и по понятію Бѣлинскаго быть нравственнымъ или нравственно-развитымъ человѣкомъ. Очевидно онъ требуетъ отъ такого человѣка двухъ

условій: во 1-хъ, уважать въ себѣ самомъ человѣческое достоинство и стараться *поступать согласно ему и человѣческому назначенію*, и во 2-хъ, *уважать тоже человѣческое достоинство и въ другихъ*, поступая, во имя этого, съ ними по-братски. По такимъ опредѣленіемъ, понятно каждому, дѣло объясняется опять далеко не вполнѣ. Предстоятъ еще новые вопросы, именно: какъ понималъ Бѣлинскій назначеніе человѣка и что значитъ уважать человѣческое достоинство какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ. Только съ рѣшеніемъ и уясненіемъ этихъ послѣднихъ вопросовъ, очевидно, можетъ быть представленъ и ясный отвѣтъ на главный вопросъ. Итакъ обратимся снова къ [illegible]ь нашего моралиста.

Бѣлинскій совершенно не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые весь міръ строятъ изъ атомовъ и сцѣпленія частицъ матеріи, усвоятъ при этомъ въ кругу прочихъ тварей человѣку значеніе лишь какъ лучшей формѣ, въ которой удобнѣе другихъ сложилась и проявилась матерія. Бѣлинскій зналъ эту нечтательную теорію и смѣялся отъ души, какъ надъ дѣтьми, надъ тѣми, которымъ для объясненія происхожденія міра нужны блоки да веревки.

Нѣтъ, для Бѣлинскаго міръ являлся дѣйствіемъ всемогущей силы, произведшей все изъ ничего, а человѣкъ — «вѣнцомъ Божія созданія», «существомъ, созданнымъ по образу и подобію Божію», отсюда «сосудомъ духа Божія», «искрой божества», — существомъ вообще со[illegible] мученіемъ и смертью Христовой на крестѣ; однимъ словомъ всѣмъ, чѣмъ представляетъ намъ человѣка ученіе христіанское. Смотря такъ на человѣка, онъ, понятно само собой, не могъ уже ограничить назначеніе человѣка той сферы, какой ограничено оно новыми теоріями; онъ уже не могъ сказать, да навѣрно и не сказалъ-бы никогда человѣку того, что ему говорятъ теперь: «существуй-де для самого себя». Такое назначеніе было бы слишкомъ ничтожно и обидно для чувства Бѣлинскаго. Онъ какъ высоко смотритъ на человѣка, такъ высоко ставитъ и его цѣль. Эту цѣль онъ опредѣляетъ прежде всего въ стремленіи человѣка къ совершенству, — которое заключается въ Творцѣ. И эту мысль Бѣлинскій выражалъ прямо и энергично, какъ мысль глубоко прочувствованную, хорошо уясненную, мало того, какъ мысль, положенную имъ въ основаніе дѣятельности.

«Человѣкъ, говоритъ онъ, долженъ стремиться къ своему совершенству и поставлять свое блаженство только въ томъ, что сообразно съ его долгомъ,»—и въ то-же время это стремленіе къ совершенству онъ опредѣлилъ такъ: «Кто сознаетъ необходимость усовершенствованія и ежеминутно не улучшается столько, сколько можетъ, тотъ подлъ, хотя бы онъ былъ выше тысячи людей, хотя бы цѣлыя тысячи признавали въ немъ идеалъ благородства, — подлъ передъ самимъ собою, виновалъ и преступенъ передъ высшимъ судомъ нравственности, передъ судомъ своей совѣсти. Кто говоритъ: «я знаю то и то, съ меня довольно этого», или: «я возвысился до такой степени, что я лучше многихъ, съ меня этого довольно», —хотя богохульствуетъ, потому-что *идеалъ человѣческаго совершенства есть Христосъ, а всякій обязанъ стремиться до возвышенія себя до идеала.* Достигнетъ-ли онъ или нѣтъ, это не его дѣло; но крайней-мѣрѣ онъ долженъ работать надъ собой каждую минуту, чтобы съ лихвою возвратить Господу полученный отъ него талантъ. Кто-же отрицаетъ въ себѣ способность къ усовершенствованію по слабости ума или по недостатку чувства, тотъ отрицаетъ, что онъ созданъ по образу

и подобію Божію, тотъ оказывается отъ человѣческаго достоинства и не имѣетъ права называть людей своими ближними и братьями» (т. 1 стр. 295—296). Таково, по мнѣнію Бѣлинскаго, первое всего назначеніе человѣка и цѣль его. За этой цѣлью Бѣлинскій назначаетъ человѣку другую. Обязанный познавать Творца, человѣкъ долженъ въ тоже время, на его понятіе, уразумѣвать и общій ходъ жизни міровой, познавать дѣйствующую въ ней силу, какпріобщаться къ міровой жизни. Эта мысль, нужно сказать, вытекаетъ у Бѣлинскаго прямо и очень логично изъ его общаго взгляда на міръ, какъ твореніе.—«Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ, говоритъ онъ, есть ни что иное, какъ дыханіе единой вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, въ свои святыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечные, а кровь—чистый эфиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя, она живетъ безпрестанно, то есть безпрестанно—творитъ, чтобы разрушить, и разрушаетъ, чтобы творить. Она во-

площается въ блестящее со[illegible], въ великолѣпную планету, въ блуждающую комету; она живетъ и дышетъ въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаньи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ геніи.... Кружится колесо времени съ быстротою непостижимою, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся волканы и зажигаются новыя, на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть, силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ началъ и веществъ. Такъ—идея живетъ, мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, потому-что все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи, за наводненіемъ и за лавою ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительною грозою чистоту и свѣжесть воздуха, въ пустыняхъ песчаной Аравіи и Африки поселила верблюда и страуса, и въ пустыняхъ дикаго сѣвера поселила оленя. Вотъ ея мудрость, вотъ ея жизнь физическая; гдѣ-же ея любовь? Богъ сотворилъ

[illegible] Поэтому, [illegible]
[illegible] свою идею своимъ умомъ и знаніемъ, [illegible] пріобщается къ ея жизни въ живомъ и го[illegible] сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной [illegible] тамъ она не только мудра, но и [illegible]

[illegible] ваченемъ, но не забывай, что, божественная идея, тебя родившая, справедлива, что она дала тебѣ умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, и жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба; не забывай, что твое безконечное и высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего я въ чув[illegible]бви». (Т. II, ст. 19—20).

Чтобы яснѣе понять приведенныя нами мѣста, чтобы вообще понять и то, какъ такой взглядъ Бѣлинскаго не только мирится съ его взглядомъ на личность человѣческую, но даже прямо вытекаетъ изъ этого взгляда, мы должны привести здѣсь еще нѣсколько строкъ изъ сочиненій его. Вотъ что говоритъ Бѣлинскій.

«Всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастіе, какъ блаженство, къ которымъ, слѣдовательно, онъ имѣетъ полное право стре-

миться, сообразно съ с[illegible] потреб-
ностями, на[illegible]
[illegible]
[illegible]
и радости и т[illegible]
своего міра [illegible]
Это міръ внутренній, міръ субъективный человѣка, сфера, въ которой онъ самъ себѣ цѣль и, кромѣ себя и личнаго своего удовлетворенія имѣетъ право никого и ничего не знать. Субъективная сторона человѣка истинна и, слѣдовательно, дѣйствительна; но всякая односторонняя истина, доведенная до крайности, впадаетъ въ нелѣпость. Субъективность, оставаясь субъективностью, въ сферѣ знанія превратится въ ограниченность и произвольность понятій, въ сферѣ чувства въ сухой и безнравственный эгоизмъ, въ сферѣ дѣйствія въ преступленіе и злодѣйство. Субъектъ есть личность; но что-же такое эта личность, кого выражаетъ и опредѣляетъ она? Субъективная личность есть выраженіе и опредѣленіе духа, а духъ безконеченъ, слѣдовательно, субъективная личность не должна быть ограниченностію; духъ истиненъ, слѣдовательно субъективная личность не должна быть эгоистическою. А между-тѣмъ ограниченность есть условіе вся-

кой субъективности. Въ чемъ-же примиреніе этого противорѣчія, гдѣ выходъ изъ него? Въ столкновеніи субъективной личности человѣка съ объективнымъ (внѣ его находящимся) міромъ.

«Человѣкъ есть частное и случайное по своей личности, но общее и необходимое по духу, выраженіемъ котораго служитъ его личность. Отсюда выходитъ двойственность его положенія и его стремленій, его борьбы [illegible] имъ *я* и тѣмъ, что находится внѣ его *я*, составляетъ его *не-я*. Въ отношеніи къ его индивидуальной особности, міръ *не-я*, міръ объективный, есть враждебный ему міръ; но въ отношеніи къ его духу, какъ проблеску безконечнаго и общаго, міръ его *не-я*, міръ объективный, есть родной ему міръ. Что[illegible] быть дѣйствительнымъ человѣкомъ, а не призракомъ, онъ долженъ быть [illegible] раженіемъ общаго, или конечнымъ проявленіемъ безконечнаго. Вслѣдствіе этого онъ долженъ отречься отъ своей субъективной личности, признавъ ее ложью и призракомъ, долженъ смириться передъ міровымъ, общимъ, признавъ его только [illegible] дѣйствительностью. Но какъ это міровое или общее находится не въ немъ, а въ объективномъ мірѣ, онъ долженъ сродниться, слиться съ нимъ, чтобы послѣ,

усвоивъ объективный міръ въ свою субъективную собственность, ставъ силы субъективною [illegible]чностью, но уже действительною, уже [illegible]ражающую собою не случайную [illegible], но общее [illegible], [illegible], ставъ душою [illegible] плоти» (Т. III., стр. 228—229)

Такимъ-образомъ изъ выше представленнаго [illegible] Бѣлинскаго на назначеніе человѣка вы[illegible] у него уже и то, что уваженіе къ имени человѣческому, безконечная любовь къ человѣку за то только, что онъ человѣкъ, безъ всякихъ отношеній къ его личности [illegible] національности, [illegible] нему его достоинству или недостоинству. [illegible] конечное уваженіе и безконечн[illegible] человѣчеству также въ лицѣ [illegible] его членовъ, должно быть стимуломъ, возд[illegible] [illegible] человѣка, а [illegible] выраженіе поэта:

При мысли великой, что я человѣкъ [illegible]

[illegible]

[illegible] всей жизни его». (Т. III., стр. 525—526). Говоря яснѣе: Бѣлинскій требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ, если желаетъ быть въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ, былъ *человѣченъ*. Самую же человѣчность онъ опредѣляетъ такъ. «Подъ человѣчностью, говоритъ онъ, мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ

[illegible] тѣхъ общихъ элементовъ [illegible] равно необходимы для каждаго челов[illegible] бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ [illegible] при какихъ бы обстоятельствахъ ни на[illegible]лся, — тѣхъ общихъ элементовъ, кото[illegible] ставлять его внутреннюю жизнь, его [illegible]щѣннѣйшее сокровище и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ — доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости и [illegible] разованію каждаго. Человѣкъ есть [illegible] тельная сущность и органъ всего сущаго [illegible] отсюда получаетъ свое глубокое и высокое значеніе извѣстное выраженіе: «Homo sum, et nihil mihi alienum humani puto», т.-е. «Я чело[illegible] и ничто человѣческое не считаю [illegible] себѣ». Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радостный крикъ дитяти при видѣ пролетѣвшей птички, и бурное волненіе страстей въ волканической гр[illegible], и спокойное самообладаніе мужа, и созерцательное упоеніе старца, и жгучее отчаяніе, и дикую радость, и безмолвное страданіе, и затаенную грусть, и ве-

[illegible] ...нуси, и [illegible] высоко[illegible] [illegible] держения и сла-[illegible] [illegible]бытвы, и все [illegible]

[illegible]

вѣка». [illegible] [illegible] въ [illegible] на, что безъ нея въ ег[illegible] пре[д]ставлен[illegible] [illegible] — не человѣкъ, а трупъ, мер[illegible], а потому и неудивительно, что онъ ст[illegible]

назади: трескъ, громъ, пыль, мелкіе экипажи сворачиваютъ, прохожіе бѣгутъ и что-жъ? Вы думаете, тамъ, за полированными стеклами, на сафьянныхъ подушкахъ сидитъ какое-нибудь божество, доблесть, слава, геній? Нѣтъ, тамъ часто зѣваетъ пресыщенное честолюбіе, самолюбивая глупость, дряхлое ничтожество, которое не стоятъ сбруи, дешевле позолоты! А вотъ мчится легкая, воздушная коляска на парѣ вороныхъ; мостовая съ дробнымъ ропотомъ вертится изъ-подъ ней; Аполлонъ, свѣтозарный богъ искусствъ, съ охотою промѣнялъ-бы ее на свою древнюю колесницу въ древнемъ вкусѣ; въ ней сидятъ мужчина и женщина; вы думаете, чета влюбленныхъ, упивающаяся всею роскошью, всѣмъ избыткомъ и душевныхъ и вещественныхъ благъ, чета, дышащая атмосферой изъ радостей, восторговъ и наслажденій жизни? Нѣтъ, это не то; это лохматая борода, черные зубы, слои бѣлилъ и румянъ: это барышъ и торговля, обманъ и безсовѣстность, словомъ—это тѣ-же мочала, только въ позолотѣ другаго рода, эта та-же ветошь, тотъ-же отсѣдъ жизни, только подъ лакомъ другаго цвѣта. Куда-жъ обратиться? Гдѣ искать и находить безъ ошибки, безъ разочарованія? Э, постойте, вотъ ѣдетъ, или, лучше, вотъ ползетъ

на смирной клячѣ какая-то умильная фигура съ свертком въ рукахъ, въ одеждѣ служителя Немиды. Подойдемъ къ нему, поговорим съ нимъ. Можетъ-быть, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые могли бы ѣздить въ каретѣ, но ѣздятъ на калибергѣ, потому-что мысль и чувство всегда предпочитали общественному мнѣнію, а долгъ человѣка и христіанина мишурнымъ выгодамъ жизни, которые въ сознаніи своего человѣческаго достоинства находили для себя достаточное вознагражденіе за всѣ лишенія и страданія, добровольно имъ на себя наложенныя? О нѣтъ! это просто подъячій, человѣкъ, который никогда и не думалъ ни о мысли, ни о чувствѣ, ни о дѣлѣ, ни о человѣческомъ достоинствѣ; чувство всегда полагалъ онъ въ сытномъ обѣдѣ и рюмкѣ водки, мысль для него заключалась въ удобствахъ жизни, долгъ— въ повтореніи нѣсколькихъ пошлыхъ правилъ, затверженныхъ имъ съ юности, а человѣческое достоинство [illegible] коллежскаго асессора и въ выгодномъ мѣстѣ; ѣдетъ онъ на калибергѣ изъ трактира, гдѣ его угощалъ, по силѣ возможности, чѣмъ Богъ послалъ, усердный проситель.... Но я вижу, вы вообще несчастливы во всѣхъ вашихъ наблюденіяхъ надъ разъѣзжающими на лошадяхъ;—попытаемъ счастья надъ

мѣшеходами. Вотъ стоитъ нищій, подойдемъ къ нему, скажемъ ласковое слово, подадимъ копейку, онъ нашъ братъ по Христу, узнаемъ, почему онъ нищій, зачѣмъ онъ нищій. Можетъ-быть это одна изъ тѣхъ горделивыхъ и непреклонныхъ душъ, которыя хотятъ или всего или ничего, одинъ изъ этихъ крѣпкихъ и гордыхъ кедровъ человѣчества, которые, стоя на высочайшей вершинѣ мысли и чувства, могутъ скорѣе переломиться, нежели погнуться отъ бури несчастія, одинъ изъ тѣхъ людей, который любилъ людей, хотѣлъ имъ добра, требовалъ отъ нихъ сочувствія и, не получивъ его, захотѣлъ жить на ихъ счетъ, ничего не дѣлая имъ, презирая и ихъ хвалой и ихъ осужденіемъ, или это, можетъ быть, человѣкъ выстрадавшійся, падшій подъ бременемъ несчастія, для котораго нѣтъ ни добра, ни зла, ни чести, ни безчестія, ни горести, ни униженія, живой автоматъ, въ которомъ не погасъ одинъ инстинктъ жизни и развѣ сознаніе своей нравственной смерти; или можетъ-быть, это одно изъ тѣхъ дивныхъ существъ, которыхъ называютъ дервишами, юродивыми, для которыхъ нѣтъ на землѣ ни отечества, ни родныхъ, ни близъ, ни горестей, ни радости, которые не умѣютъ трехъ перечесть, а знаютъ, что насъ ждетъ за гро-

бомъ;—словомъ: одинъ изъ тѣхъ великихъ поэтовъ, которые не пишутъ въ жизнь свою ни одной строчки, и которые тѣмъ не менѣе великіе поэты? Нѣтъ, все не то. Это просто развратъ, прикрытый лохмотьями, живая спекуляція на состраданіе и милосердіе ближнихъ, лѣность, прикрывающаяся гримасою убожества и несчастія! — Гдѣ-жъ люди-то? Въ чемъ-же они ѣздятъ, какъ они ходятъ, во что одѣваются? Гдѣ жъ люди?—Вездѣ и нигдѣ—если хо- [illegible] гда и въ ру- [illegible] крестѣ» (т. II, стр. 253—255). [illegible] сокъ взглядъ Бѣлинскаго на человѣка. [illegible] всего сказаннаго уже само собой ста- [illegible] понятно, какъ серьезно Бѣлинскій долженъ былъ смотрѣть на жизнь и на ея задачу. Эта жизнь уже не могла казаться ему только какой-нибудь забавой или шуткой. Подобный взглядъ на жизнь могъ только оскорблять нашего мыслителя, но уже никакъ не могъ вы- [illegible] говоритъ прямо, есть не сонъ, не мечта, не греза; цѣль ея не наслажденіе, не счастіе, не блаженство; нѣтъ, она есть великій даръ Провидѣнія. Безумный хватается за этотъ даръ, какъ за игрушку и легкомысленно играетъ имъ какъ игрушкою; мудрый принимаетъ его съ по-

мысль, чѣмъ сильнѣе и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тѣмъ больше мы живемъ. Мгновеніе такой

[illegible]

[illegible] его блаженства! Что? Не рѣшаешься этотъ подвигъ твой свершить. Кажется не по силамъ? Ну такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ, ищи, дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно тебѣ приноситъ пользу. Помни это правило;

[illegible]

мена [illegible] честей и титлъ. Весела и блестяща будетъ [illegible]нь твоя, ты не узнаешь что такое холодъ и голодъ, что такое угнетенiе и оскорбленiе, все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность и услужливость, отвсюду лесть и хваленiе и поэтъ напишетъ тебѣ посланiе и оду, гдѣ сравнитъ тебя съ полубогомъ, и журналистъ про[illegible]ь во всеуслышанiе, что ты покровител[illegible] [illegible] слабыхъ, столпъ и опора отечества [illegible] а государя. Но за-то въ душѣ т[illegible] [illegible] минуту будетъ разыгрываться ужасная, грозная драма, ты будешь въ безпрестанномъ раздорѣ съ самимъ собою, въ душѣ твоей будетъ слишкомъ-жарко, а въ сердцѣ [illegible] холодно; вопли угнетенныхъ тобою [illegible] преслѣдовать тебя и на свѣтломъ пиру и на мягкомъ ложѣ сна, тѣни погубленныхъ тобою окружать твой боль[illegible]ный одръ, составятъ около него адскую пляску и съ страшнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими послѣдними предсмертными страданiями; передъ твоими

гаорами откроется ужасная картина нравственнаго уничтоженія за гробомъ, мукъ вѣчныхъ».
Г. I. стр. 21—22

Вотъ взглядъ Бѣлинскаго на назначеніе человѣка и его достоинство. Возвращаясь теперь къ нашему вопросу, мы и можемъ опредѣлить съ точки зрѣнія Бѣлинскаго нравственность такъ: быть нравственнымъ значитъ, сознавая себя существомъ, созданнымъ по образу и подобію Божію, — стремиться къ Творцу, какъ своему идеалу, стараться быть его отображеніемъ и въ то-же время, видя въ каждомъ человѣкѣ равное съ тобою существо, безконечно любить ближняго и быть готовымъ для него [illegible].

Мы выяснили понятіе Бѣлинскаго о нравственности. Понятіе это такъ высоко и такъ осязательно истинно, что, кажется, [illegible] пространяться объ этомъ и остается только [illegible] риться законности очковъ тѣхъ господъ, которые кричатъ о Бѣлинскомъ, какъ антиморалистѣ. Волей-неволей, а приходится предположить, что они или народъ очень ограниченный и скудоумный, или-же сами больны и хромаютъ нравственностью и первые должны быть обличены въ томъ, въ чемъ хотятъ обвинить другаго, оправдывая собой пословицу:

«съ больной головы на здоровую», — явленіе, впрочемъ, очень обыкновенное въ нашей жизни. Бѣлинскій ни на шагъ не отступалъ отъ того, что говоритъ нравственный законъ [illegible]. Но, основное имъ въ основаніе его воззрѣнія и ученія, — то-же высокое начало чистой и благородной любви къ человѣчеству, которое лежитъ и въ основаніи ученія Христова и которое ведетъ міръ къ спасенію и блаженству, къ братскому единенію. Уважайте человѣка т[illegible] его Бѣл[illegible]. смотрите на свой отн[illegible] къ нему съ той-же точки, съ какой смотрѣлъ на нихъ онъ, и вы не рѣшитесь, можно смѣло сказать, подставить ноги ближнему, вы не только сами не посягнете обидѣть его, но не дадите обидѣть его и другому. Не только бѣдность въ лохмотьяхъ не вызоветъ въ душѣ вашей презрѣнія, не только жалкое заблужденіе, порожденное слабостью воли, не возбудитъ въ васъ безжалостныхъ упрековъ и проклятій; нѣтъ, вы побоитесь этихъ чувствъ и въ виду самаго преступленія, какъ-бы велико оно ни было. Грустно вамъ будетъ видѣть и первое, тяжело и второе, но вы и въ бѣдякѣ и въ преступникѣ не забудете *человѣка*. Вы захотите тогда, можетъ-быть, оглянуться и на себя,

и повѣрить, все-ли вами сдѣлано въ отношеніи этихъ жалкихъ существъ, чтобы не имѣли они предлога обвинять и васъ въ своей горькой долѣ, чтобъ не могли они указать дня и случая, когда оттолкнули ихъ отъ себя братья—ближніе, и заставили ихъ по-міру или взяться безразсудно за ножъ и убійство. Съ другой стороны, если вы пересмотрите самыя эти преступленія, вы легко откроете, что они родились именно вслѣдствіе неуваженія къ себѣ къ человѣку. До чего-бы ни довела человѣка судьба его, но если-бы онъ,—въ минуту своего разъяреннаго и обманнаго гнѣва, или въ чаду своей злобы противъ другаго,—вспомнилъ [illegible] и твердо былъ увѣренъ, что онъ остановился бы въ своей рѣшимости, удержался-бы на краю пропасти [illegible] ся-бы въ кроткаго агнца. Въ силу такого сознанія нельзя не вѣрить, и все несчастіе для рода человѣческаго именно въ томъ, что оно не развито, и замѣняется и замѣняется другимъ сознаніемъ,— или сознаніемъ какого-то ничтожества или-же и сознаніемъ достоинства, но только внѣшняго, случайнаго. Кому, напримѣръ, не приходилось встрѣчать какого-нибудь

горькаго пьяницу, который рѣшительно не хочетъ ничего знать. Вы обращаетесь къ нему съ словомъ увѣщанія, говорите ему о стыдѣ, а онъ, слышите, твердитъ вамъ одно: «вѣдь я простой человѣкъ, простой рабочій, а не баринъ». Кому не приходилось встрѣчать съ другой стороны и господина, который считает себя вправѣ оскорблять другаго единственно только потому, что онъ господинъ. «Да ты знаешь-ли, кто я»? кричитъ онъ. И у того и у другаго, очевидно, есть сознаніе своего положенія, но горе въ томъ, что это сознаніе не того, чего слѣдуетъ. Но сознавай-ли тотъ и другой, что они люди, сортнымъ-же и господиномъ сдѣлалъ ихъ случай,—какъ вы думаете, могли-ли-бы они не стыдиться своихъ поступковъ? Имѣлп-ли-бы мѣсто и ихъ возгласы? Рабочій понялъ-бы тогда, что пьянство неприлично ему не потому, что онъ—рабочій, а потому, что онъ—существо, имѣющее высшее назначеніе, чѣмъ только ѣсть и пить; господинъ увидалъ-бы также, что онъ не смѣетъ оскорблять другаго не потому, что другой можетъ быть такой-же какъ и онъ господинъ, а потому, что онъ равенъ съ нимъ, какъ человѣкъ и оскорбляя этого другаго, онъ въ то-же время оскорбляетъ себя. Отсюда-то и становится понятно,

почему чѣмъ развитѣе въ извѣстномъ обществѣ уваженіе къ личности человѣка, тѣмъ менѣе въ этомъ обществѣ пошлостей.

Да, начало нравственности, признаваемое Бѣлинскимъ, высоко и истинно. Кратко оно можетъ быть выражено такъ: *Бѣлинскій былъ гуманистъ*. И вотъ почему онъ съ уваженіемъ относился къ каждому труду, гдѣ только видѣлъ то-же начало, гдѣ только находилъ, что человѣкъ стоитъ за права человѣка. Вотъ въ частности чѣмъ нравился ему и романъ Искандера: «Кто виноватъ». Если Бѣлинскій восхищался этимъ романомъ, то именно за мысль его, а эта мысль — какъ онъ объяснялъ — «страданіе, болѣзнь, при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ и еще больше безъ умысла». Но принимая начало *гуманности*, Бѣлинскій, должны мы замѣтить, никогда не думалъ этимъ проповѣдовать какого-то баснословнаго равенства уже и во всемъ — и въ общественныхъ рангахъ и положеніяхъ. Онъ былъ гуманистъ въ высшемъ значеніи этого слова и какъ-бы боясь и предчувствуя, что и изъ этого высокаго начала неразуміе можетъ вывести Богъ-вѣсть какія заключенія, онъ нашелъ нужнымъ пояснить свою мысль слѣдую-

щимъ: «Гуманность, говоритъ онъ, нисколько не находится въ противорѣчіи съ уваженіемъ къ высокимъ общественнымъ положеніямъ и рангамъ. Она охотно признаетъ общественное первенство людей, но только смотритъ на него не съ одной внѣшней, но болѣе съ внутренней стороны. Гуманность не только не обязываетъ — человѣка низшаго сословія, съ грубыми манерами, привычками, осыпать непривычными ему вѣжливостями, но даже запрещаетъ это, потому-что такое обращеніе поставило-бы его въ неловкое положеніе, заставило бы подозрѣвать въ немъ насмѣшку или дурной умыселъ. Гуманный человѣкъ обойдется съ низшимъ себя и грубо-развитымъ человѣкомъ, съ тою вѣжливостью, которая не можетъ показаться тому дикою или странною, но онъ не допуститъ его унижать передъ нимъ свое человѣческое достоинство, не позволитъ кланяться себѣ въ ноги, не станетъ называть его Ванькой или Ванюхой и тому подобными именами, похожими на собачьи клички, не будетъ легонько трясти его за бороду, въ знакъ своего милостиваго къ нему расположенія, чтобы тотъ, подло ухмыляясь, говорилъ ему съ подобострастіемъ: «за что изволите жаловать»? Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважаютъ въ дру-

гихъ человѣческаго достоинства и еще болѣе оскорбляется и страдаетъ, когда человѣкъ самъ въ себѣ не уважаетъ человѣческаго достоинства». (Т. XI, стр. 382 и 384).

Итакъ низшая братья можетъ по праву видѣть въ Бѣлинскомъ самаго краснорѣчиваго своего защитника и адвоката, а высшіе классы могутъ принимать его наставленія безъ боязни за свои чины и ранги. Нечего бояться, наконецъ, ученія Бѣлинскаго и проповѣдникамъ Евангелія. Они могутъ быть убѣждены, что онъ въ развитіи своего начала сойдется съ ними. Рѣдко у кого изъ свѣтскихъ писателей можно еще встрѣтить [illegible] благоговѣніе къ слову Евангелія какъ у него. Онъ не могъ говорить иначе объ этомъ словѣ, какъ съ самою горячею любовью, съ чувствомъ сердца, вполнѣ понимающаго всю высоту его. Относясь къ нему въ выраженіяхъ, дышащихъ чувствомъ, онъ тѣмъ самымъ именно какъ-бы хотѣлъ показать, что онъ скажетъ только то, что непро[illegible] этому небесному слову. «Есть книга, говорилъ онъ, въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, книга безсмертная, святая, книга вѣчной истины, вѣчной жизни,—Евангеліе. Весь прогрессъ человѣчества, всѣ успѣхи въ наукахъ,

въ философіи, заключаются только въ большемъ проникновеніи въ таинственную глубину это божественной книги, съ сознаніи ея живыхъ, вѣчно непреходящихъ глаголовъ. Основаніе Евангелія—откровеніе истины». (Т. XI, стр. 309). И такъ говоритъ Бѣлинскій противъ французовъ, думающихъ все основать только на понятіи о чести. Честь, говоритъ Бѣлинскій, дѣло условное, она — краеугольный камень мудрости человѣческой,—и потому нужно высшее начало—Евангеліе. Скажите-жъ, что можетъ быть выше приведенныхъ словъ? Не весь-ли здѣсь Бѣлинскій? За что-ли можно опасаться, что онъ скажетъ что-нибудь несогласное съ истиннымъ ученіемъ? Если мало приведенныхъ словъ, если они [illegible] не успокоивать сомнѣвающихся, мы укажемъ на другія, которыя всѣ поймутъ, что онъ если хотѣлъ что развивать, то именно только въ духѣ Евангелія и въ полной покорности ему. «Я вѣрилъ и вѣрю, говоритъ онъ, что какъ всякій народъ въ частности, такъ и человѣчество вообще, могутъ быть одолжены своимъ прав[illegible]ному вліянію христіанской вѣры, единой истинной вѣры на землѣ». (Т. XI, стр. 49). Болѣе же всего этотъ взглядъ Бѣлинскаго на хри-

стіанство и на необходимость человѣка становить жизнь свою именно подъ это начало, выразился въ слѣдующихъ словахъ: «Основаніе христіанскаго ученія, говоритъ онъ, есть любовь или то живое трепетное проникновеніе въ вѣчныя истины бытія, какъ явленія Духа Божія, которое наполняетъ душу человѣка неизреченнымъ, безконечнымъ блаженствомъ. Но до такого духовнаго погруженія въ таинственную сущность источника и виновника бытія—Бога, до такого живаго и трепетнаго проникновенія въ вѣчныя истины бытія, невозможно дойти черезъ посредство слабаго, ограниченнаго и конечнаго разсудка человѣческаго, который, куда ни оглянется, вездѣ видитъ одни противорѣчія и безсильный примирить ихъ или отчаявается познать истину, или принимаетъ за истину свои призрачныя и ложныя заключенія. Нѣтъ, не разсудкомъ, холоднымъ и ограниченнымъ, дается познаніе евангельской истины, выше которой нѣтъ истины въ мірѣ, но благодатію, которою вдохновляетъ Духъ Божій свое слабое созданіе, чтобы пріобщить его къ своей вѣчной жизни и сдѣлать его органомъ и тимпаномъ своей славы. Да, только тотъ постигалъ и чувствовалъ въ себѣ откровеніе вѣчныхъ таинъ бытія, только тотъ вкусилъ отъ безсмертнаго хлѣба божественной

истины, кто отрекся отъ самого себя, отъ своихъ личныхъ интересовъ, кто погружался въ сущность божества до уничтоженія своей личности и свою личность, какъ жертву, добровольно приносилъ Богу. Только тотъ воскреснетъ въ Богѣ, кто умеръ въ Немъ. Вѣчная жизнь достигается путемъ смерти, путемъ уничтоженія. А благодать дается только тому, кто, смиривъ порывы буйнаго разсудка и съ корнемъ вырвавъ изъ сердца своего сѣмена гордости и самообольщенія, билъ себя въ грудь и повторялъ съ мытаремъ: «Грѣшенъ, Господи! отпусти мнѣ грѣхи мои». Да, только тотъ прозрѣетъ и просвѣтлѣетъ и возблаженствуетъ въ трепетномъ сознаніи истины всѣхъ истинъ, кто, распростертый передъ Крестомъ въ таинственный часъ полуночи, молясь, плача и рыдая, взывалъ къ невидимому свидѣтелю нашихъ тайныхъ помышленій: «вѣрую Господи! помози моему невѣрію»! И тогда кончится брань духа съ плотію, кончится борьба истины со страстями, просвѣтлѣетъ страдальческое лице избранника кроткимъ свѣтомъ тихой и безмятежной радости, той свѣтлой радости, которая питаетъ не пресыщая, крѣпитъ не обременяя, той безконечной радости, отъ которой кротко движется духъ, не волнуясь мятежно,

видитъ даль безъ границъ, глубину безъ дна и не возмущается страхомъ, въ сердцѣ своемъ ощутитъ онъ ту безмятежную тишину, въ которой слышатся отдаленные хоры ангеловъ, тотъ священный сумракъ, сквозь который сіяетъ заря безсмертія и тусклымъ таинственнымъ мерцаніемъ своимъ сулитъ вѣчное успокоеніе, потому-что его сердце сдѣлается уже храмомъ Божіимъ, гдѣ величіе размѣровъ и благолѣпіе украшеній возвышаетъ и окрыляетъ духъ, а не подавляетъ его, гдѣ тишина не пугаетъ духа своимъ мертвымъ безмолвіемъ, а настраиваетъ его къ торжественности и благоговѣнію, какъ провозвѣстница таинственнаго присутствія Всевѣсущаго. И укрѣпитъ Богъ слабое твореніе свое и не будетъ въ немъ больше страха: любовь побѣдитъ и прогонитъ страхъ. .. И кончатся его ежедневныя заботы и опасенія за свой грядущій день, за свое настоящее и будущее счастіе, за свои личные и конечные интересы. Пусть будетъ мрачно небо надъ его головою, пусть бушуютъ вѣтры и раздаются громы, они не заглушатъ для него голоса Божія, не прервутъ его собесѣдованія съ нимъ въ молитвѣ; онъ никогда не забудетъ, что онъ сынъ Бога живаго, что у него есть Отецъ, который хранитъ его своею любовію и

безъ воли котораго не спадаетъ и волосъ съ главы его,—а такъ-какъ эта воля свята и справедлива, то съ любовію и безъ страха онъ подвергнется всѣмъ ея опредѣленіямъ. Не устрашитъ его и мысль о смерти; не отвратительный скелетъ уничтоженія, а свѣтлаго ангела успокоенія увидитъ онъ въ ней. Не возмутится душа его и потерею кровныхъ и ближнихъ; разлука съ ними будетъ для него залогомъ свиданія въ новомъ лучшемъ бытіи, на новой землѣ и подъ новымъ небомъ.... Въ колыбеляхъ и могилахъ будутъ видѣться ему волны великаго океана бытія; волна гонитъ волну, волна смѣняетъ волну, а океанъ все также великъ и глубокъ и также живетъ и движется въ своемъ безбрежномъ, необъятномъ ложѣ, а въ его кристаллѣ все также торжественно отражается лучезарное солнце и все также колышется и трепещетъ ночное небо, усыпанное міріадами звѣздъ,—а тѣ звѣзды своимъ таинственнымъ блескомъ какъ будто говорятъ о новыхъ мірахъ, гдѣ также приходятъ и проходятъ волны бытія, можетъ-быть, уже прошедшія здѣсь. Да, истинный христіанинъ есть тотъ, для кого на землѣ нѣтъ уже страданія, грѣха, нѣтъ страха, нѣтъ смерти; онъ еще здѣсь на землѣ живетъ уже на небѣ, потому-что въ его душѣ

живетъ любовь и блаженство, ибо душа его есть храмина Бога. Длится жизнь его, обремененная годами—онъ благодаритъ за нее Бога; смерть застигаетъ его на полудорогѣ жизни — онъ съ любовію бросается въ объятія тихаго ангела успокоенія, потому-что онъ понимаетъ значеніе словъ: «въ дому Отца моего обители [illegible]ветъ, потому-что любитъ, ибо любовь есть высшее знаніе. Онъ знаетъ: имѣлъ, какъ голубь, онъ мудръ, какъ змій, ибо за страданія, [illegible] за борьбу съ сомнѣніями разсудка, за вѣру, которая не оставляла его и среди сомнѣній, ему дана высшая мудрость, высшее знаніе. Истинно вѣрующій есть въ то-же время и знающій. Но, повторяемъ, это знаніе не принадлежитъ человѣку, не есть плодъ его человѣческой мудрости, но дается, ниспосылается ему свыше, какъ Откровеніе, какъ благодать, какъ любовь; отъ него зависитъ только неослабное стремленіе къ этому знанію, а это стремленіе выражается въ жертвахъ, въ борьбѣ, въ трудѣ, въ молитвѣ, въ отреченіи отъ себя для Бога, и отъ благъ земныхъ ради небесныхъ. Только тогда внутри его, въ таинственномъ святилищѣ его духа восходитъ свѣтлое солнце истины и лучами своими просвѣтляетъ свой темный плоскій го-

ризенитъ и даетъ человѣку сокровище, котораго ни червь не точитъ, ни ржа не ѣстъ, ни тать не похищаетъ». «Евангеліе, продолжаетъ нашъ авторъ, отличается [illegible] оно равно убѣдительно, равно ясно и понятно говоритъ всѣмъ сердцамъ, всѣмъ душамъ, всѣмъ умамъ, искреннимъ и жаждущимъ вкушать его истины, равно понимаетъ и царь и нищій, и [illegible] и невѣжа. Да, каждый изъ нихъ поймётъ равно, потому что одинъ поймётъ хотя и [illegible] и больше, нежели другой, но всѣ они [illegible] одну и ту-же истину и еще такъ, что [illegible], по гордыни своею мудростью, поймётъ ее [illegible] ше, нежели простолюдинъ, въ простотѣ и смиреніи своего сердца, жаждущаго истины и потому самому отзывающагося на нее». (Т. III, [illegible]—49). И на чемъ основывалъ свой гуманизмъ Бѣлинскій? На теоріяхъ-ли, на разсужденіяхъ-ли умозрѣніяхъ? Нѣтъ, Бѣлинскій отъ души не прочь былъ смѣяться надъ тѣми строителями, которые, какъ во Франціи послѣ польскихъ происшествій, думали и думаютъ доставить міру какое-то равенство. (Т. IX, стр. 10). Онъ строитъ свои убѣжденія на высшихъ основаніяхъ. Онъ указываетъ на примѣръ Іисуса Христа и имъ хочетъ тронуть сердце человѣка. «Искупитель рода человѣческаго, гово-

[illegible] приходилъ въ [illegible]ръ для всѣхъ лю-
[illegible] и образованныхъ, а простыхъ
[illegible] рыбаковъ призвалъ онъ быть
[illegible] богатыхъ и счастли-
[illegible] падшихъ [illegible]
[illegible]
за одну [illegible] ышалъ отъ него
слово прощенія и мира. А мы—сыны человѣ-
ческіе—мы хотимъ любить изъ нашихъ братій
только равныхъ намъ, отворачиваемся отъ низ-
шихъ, какъ отъ парій, отъ падшихъ, какъ отъ
прокаженныхъ»? (Т. XI, стр. 349). Такъ Бѣ-
линскій основаніе св[illegible] нравственному уче-
нію и вообще всему своему воззрѣнію пола-
гаетъ въ Евангеліи, ясно вмѣстѣ съ тѣмъ

свидѣтельствуя, что и всякое ученіе, чтобы быть истинныхъ, должно держаться того-же начала.

Но отдаваясь подъ такое водительство. Бѣлинскій въ то-же время не дошелъ до той крайности, чтобы презирать уже всѣмъ человѣческимъ, чтобы топтать уже въ грязь и науку и искусство. Нѣтъ у него и наука и искусство вполнѣ сохраняютъ свои права. И могъ-ли забыть ихъ онъ, который такъ хорошо умѣлъ цѣнить вездѣ и во всемъ изящное, который былъ такъ богато надѣленъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ? Могъ-ли забыть онъ и науку, когда вся жизнь его была служеніемъ ей и путемъ къ ней? И мы видимъ, что признавъ за главное основа е нравственной жизни Евангеліе, Бѣлинскій затѣмъ считаетъ и образованіе необходимою принадлежностью нравственности и во всякомъ случаѣ признаетъ за нимъ могучее вліяніе на нравственное воспитаніе человѣка. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскій не признавалъ за поступкомъ никакого значенія, если въ немъ не было сознанія. Онъ требовалъ добродѣтели только сознательной, и только такая добродѣтель имѣетъ значеніе въ глазахъ Бѣлинскаго и возноситъ человѣка надъ животными. Такъ,, разбирая сочиненіе нѣкоего

[illegible] «Опытъ нравственной фи-
[illegible] кій вполнѣ соглашается съ
тѣмъ, что «совершенно добрый поступокъ есть
принадлежность только человѣка съ образо-
ваннымъ умомъ и сердцемъ». «Есть люди,
продолжаетъ онъ, съ зародышемъ въ душѣ все-
го великаго и прекраснаго, но неразвившіе
этого зародыша сознаніемъ, и потому они спо-
собны только къ мгновеннымъ порывамъ къ
добру и дѣ[illegible] поступки, которые противо-
рѣчатъ всей ихъ остальной жи[illegible] Добрые по-
ступки ихъ безсознательны, и потому не имѣ-
ютъ никакого достоинства, никакой [illegible]ы, по-
тому-что они не суть слѣдствіе ихъ воли, а
слѣдствіе ихъ организма. Зародышъ всего пре-
краснаго можетъ скрываться въ нашемъ ор-
ганизмѣ и пока онъ не разовьется сознаніемъ,
всѣ хорошіе поступки будутъ плодомъ его жи-
вотности, будутъ безсознательны. Только тотъ
чувствуетъ человѣчески, а не животно, кто
понимаетъ свое чувство и сознаетъ его. У
такого человѣка прекрасный организмъ есть
средство, а не причина совершенства, по-
тому-что причина совершенства должна за-
ключаться въ сознаніи и волѣ. И потому-
то справедливо, что истинно добръ толь-
ко тотъ, кто разуменъ, слѣдовательно толь-

ко тѣ постушки, которые происходятъ подъ вліяніемъ сознающаго разума, могутъ называться добрыми, а не тѣ, которые проистекаютъ изъ животнаго инстинкта, иначе вѣрная собака и послушная лошадь были бы самыми добродѣтельными существами. И потому нѣтъ ничего жалче и ничтожнѣе тѣхъ людей, въ похвалу которыхъ нельзя сказать ничего, кромѣ того, что они «добрые люди». Вѣрно каждому случалось называть вслухъ кого-нибудь пустымъ малымъ и слышать въ защищеніе его тысячу голосовъ, которые кричатъ: «да онъ добрый человѣкъ». Конечно такой «добрый малый» точно добрый человѣкъ, но только въ смыслѣ французскаго «bon-homme» и очень хорошо напоминаетъ собой вѣрную собаку и послушную лошадь». (Т. I, стр. 293—294). «У насъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій, обыкновенно думаютъ, что дѣвственная чистота состоитъ в младенческомъ невѣдѣніи, ложная мысль! Если добродѣтель есть невѣдѣніе, то всѣ животныя—предобродѣтельныя созданія». (Т. IV, стр. 439). Такимъ-образомъ у Бѣлинскаго уже сама собой и вытекала необходимость, для нравственнаго развитія человѣка, просвѣщенія и образованія, какъ средствъ развитія его сознанія, какъ пути къ тому,

чтобы онъ могъ дѣлать добро, сознавая его. Съ другой стороны образованіе являлось въ его глазахъ вообще могучимъ средствомъ къ искорененію въ народѣ пороковъ и недостатковъ. Эту мысль онъ развиваетъ такъ: «Просвѣщеніе, говоритъ онъ, и образованіе никогда не могутъ лишить народъ его силы, но очень могутъ исправить или, по-крайней-мѣрѣ, смягчить его недостатки. Звѣрь родится почти готовымъ; какъ скоро молоко его матери поставило его на ноги, онъ совсѣмъ готовъ, его воспитаніе уже кончено. Въ устройствѣ своего тѣла и въ своемъ инстинктѣ онъ имѣетъ все, что нужно для поддержанія и охраненія его существованія. Чѣмъ больше похожъ онъ на звѣря своей породы, тѣмъ онъ лучше, совершеннѣе. Человѣкъ родится въ болѣе жалкомъ и слабомъ состояніи, чѣмъ звѣрь. Искусство, объ руку съ природой, встрѣчаетъ его у порога жизни и провожаетъ за порогъ жизни. Необходимость въ пеленкѣ, въ колыбели уже показываетъ его зависимость отъ искусственнаго, противоположнаго природѣ. Онъ [illegible] жетъ перенять отъ взрослыхъ—и языкъ, и понятія, и формы жизни. Предоставленный одной природѣ, отдаленный отъ всякой искусственности, онъ выростетъ звѣремъ, дурно воспи-

танным, онъ будетъ животнымъ, только не дикимъ, а домашнимъ, но если звѣрь долженъ походить на звѣря, то человѣкъ долженъ тѣмъ болѣе быть человѣкомъ. Не потому-ли обезьяны такъ и отвратительны, не въ примѣръ прочимъ животнымъ, что, будучи звѣрьми, похожи на людей? Что-же можетъ быть отвратительнѣе человѣка, похожаго на звѣря? Конечно все это не можетъ относиться ни къ какому народу, потому-что всякій народъ живетъ общественною жизнью, всегда искусственной въ самой ея естественности, стало-быть, никогда звѣриною. Но за-то посмотрите на вѣчно младенчествующія племена: много-ли въ нихъ человѣческаго, кромѣ всегда присущей человѣческой натурѣ возможности очеловѣчиться? И сколько у иного народа бываетъ дикихъ племенныхъ чертъ, [illegible] ужавается въ немъ все человѣческое и прекрасное рядомъ съ звѣринымъ и безобразнымъ? Ему-ли не нужно воспитаніе? Его-ли не надо учить, просвѣщать и об[illegible] ко родиться въ лѣсахъ, выходить только [illegible] головъ звѣриныхъ». (Т. XI, стр. 439). Не признавая просвѣщеніе необходимымъ двигателемъ въ жизни народа, признавая въ то-же время и необходимость для добродѣтели быть со-

знательной, Бѣлинскій въ то-же время понималъ, что тутъ могутъ встрѣтиться нѣкоторыя важныя столкновенія и противорѣчія, что тутъ человѣку легко ошибиться и впасть въ промахъ и бѣду, и вотъ онъ не одинъ разъ находитъ нужнымъ пояснить свою мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать знаніе. «Или міръ, говоритъ онъ, есть нѣчто отрывочное, само себѣ противорѣчащее, или единое цѣлое, но только въ безконечномъ разнообразіи являющееся. Въ первомъ случаѣ онъ недоступенъ знанію и не есть проявленіе вѣчнаго разума, который себѣ не противорѣчитъ; во второмъ-же случаѣ онъ долженъ быть разумнымъ явленіемъ, которое въ сознаніи отожествляется съ разумомъ. Здѣсь является новый рядъ враговъ знанія— люди, которые, имѣя чувство безконечнаго и сущу жьву, не могутъ примирить знанія съ чувствомъ, видя въ разумѣ и чувствѣ два враждебныя другъ-другу начала. Это заблужденіе свойственно иногда самымъ глубокимъ и сильнымъ умамъ. Чувство, продолжаетъ Бѣлинскій какъ-бы въ отвѣтъ на это, есть непосредственное созерцаніе истины, чувственное пониманіе истины. Безъ чувства нѣтъ разума; у кого нѣтъ чувства, у того только конечный разсудокъ, а не разумъ, и для того невоз-

можно высшее пониманіе жизни. Но человѣкъ — не животное и потому не можетъ [illegible] жетъ оставаться при одномъ чувственномъ, инстинктивномъ пониманіи; онъ долженъ понимать сознательно, т.-е. свои непосредственныя ощущенія переводить на понятія и выговаривать ихъ. Тогда не будетъ противорѣчія между умомъ и чувствомъ. Такъ точно любовь есть пониманіе, а [illegible] потому—что любовь есть присутствіе въ сокровенной сущности любимаго предмета, а присутствіе одного субъекта въ другомъ есть ничто иное, какъ пониманіе этого другаго субъекта. Понимать субъектъ только чувствомъ еще не значитъ быть въ немъ, потому—что, одно непосредственное чувство бываетъ часто очень обманчиво и вслѣдствіе нашей субъективности придаетъ предмету наше понятіе, а не видитъ въ немъ его понятія, т.-е. того значенія, которое онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Основаніе христіанской религіи есть любовь до самопожертвованія. Съ другой стороны пониманіе однимъ разумомъ, безъ участія чувства, есть пониманіе мертвое, безжизненное и ложное, и нисколько не разумное, а только разсудочное. И если въ религіи довѣріе къ одному непосредственному чувству доводитъ до фа-

натизма, то довѣріе къ одному только раз[illegible] доводитъ до невѣрія, которое есть отреченіе отъ своего достоинства, есть нравственная смерть». (Т. II, стр. 313). Эту мысль Бѣ[illegible] еще болѣе объясняетъ далѣе. «Въ человѣкѣ, говоритъ онъ, двѣ силы познанія: разсудокъ и разумъ. У [illegible]ждой изъ нихъ своя сфера: конечность есть сфера разсудка, безконечное понятно только для разума. Разумъ въ человѣкѣ необходимо предполагаетъ и разсудокъ, но разсудокъ не условливаетъ собой разума. Разсудокъ, когда онъ дѣйствуетъ въ своей сферѣ, есть также искра Божія, какъ и разумъ, и возвышаетъ человѣка надъ всей остальной природой, какъ ступень сознанія, но когда разсудокъ вступаетъ въ права разума, тогда для человѣка гибнетъ все святое въ жизни и жизнь перестаетъ быть таинствомъ, но дѣлается борьбою эгоистичныхъ личностей, азартною игрою, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Разсудокъ или то, что французы называютъ le bon sens, что они такъ уважаютъ и представителями чего съ такою гордостію провозглашаютъ себя,—разсудокъ уничтожаетъ все, что, выходя изъ сферы конечности, понятно для человѣка только силою благодати

Божіей, силою откровенія: въ своемъ мишурномъ величіи онъ гордо попираетъ ногами все это, только потому, что онъ безсиленъ проникнуть въ таинства безконечнаго. XVIII вѣкъ былъ именно вѣкомъ торжества разсудка, вѣкомъ, когда все переведено на ясныя, очевидныя и для каждаго доступныя понятія. Ра[illegible] переводить въ опредѣленныя поня[illegible], но уже не конечное, а безконечное, так[illegible] выговариваетъ опредѣленнымъ словомъ, но у[illegible] то, что не подлежитъ чувственному созерцанію, и его выговариванія и опредѣленія не оковы[illegible]ютъ значенія сущаго мертвою неподвиж[illegible]ностью разсудка, но, схватывая моментъ вѣчной жизни общаго и абсолютнаго, [illegible]чаютъ въ себѣ безконечную в[illegible]сть опре[illegible]йшихъ моментовъ. Въ опредѣленіяхъ разсудка смерть и неподвижность, въ опредѣленіяхъ разума жизнь и движеніе. Сознавать можно только существующее; такъ неужели-же конечныя истины очевидности и соображенія опыта существеннѣе, нежели тѣ дивныя, таинственныя потребности и порыванія и движенія нашего духа, которыя мы называемъ чувствомъ, благодатью, откровеніемъ, просвѣтлѣніемъ? Вотъ въ этомъ-то и заключается причина нападокъ на искусство и философію,

которыя кажутся нѣкоторымъ людямъ призра-[illegible] разстроеннаго воображенія» (стр. 341).

Изъ сказаннаго уже не трудно понять, [illegible] акое отношеніе Бѣлинскій хочетъ поставить научное знаніе къ откровенію и гдѣ [illegible] емъ видитъ онъ точку ихъ примир[illegible] [illegible]ій требуетъ сознанія и уза[illegible] [illegible]о для него выше ихъ откровеніе и мы видимъ, съ какою строгостью относится онъ к[illegible] [illegible] который такъ легко можетъ довести [illegible] При этомъ нельзя не указать и на [illegible]ія, которыхъ требуетъ Бѣлинскій отъ [illegible]ступающаго къ наукѣ. Наука—вещь очень серьезная и священная въ его глазахъ. Онъ самъ любилъ науку и хотѣлъ, чтобы любили и уважали ее другіе. Наука всѣмъ открываетъ [illegible]й храмъ, но, по словамъ Бѣлинскаго, нуж[illegible]ть, какъ войдти въ этотъ храмъ. Чело[illegible] [illegible]жетъ всю жизнь искать науки и не [illegible]ѣетъ ее. Таковъ былъ Фаустъ. Первое [illegible]е, чтобы постичь науку, — нужно вѣ[illegible] прогрессъ. «Для кого говоритъ онъ, настоящее не есть выше прошедшаго, а будущее не выше настоящаго, тому во всемъ будетъ казаться застой, гніеніе и смерть. Умы въ родѣ Фауста—истинные мученики науки; чѣмъ больше они знаютъ, тѣмъ меньше они владѣютъ

знаніемъ. Знаніе дѣлаетъ ихъ маятниками и они лучше весь вѣкъ будутъ качаться, чѣмъ на чемъ-нибудь остановятся, боясь остановиться не на истинѣ. Это люди, жаждущіе истины, съ благородною ревностію стремящіеся къ ней и въ то-же время скептики по неволѣ» (Т. IX, стран. 39).

Но вѣра въ прогрессъ—еще не единственное условіе для того, кто хочетъ черезъ науку достичь истины. За этимъ условіемъ Бѣлинскій указываетъ еще цѣлый рядъ другихъ. Такъ, разбирая типъ Вагнера, выведенный Гете, онъ находитъ его не болѣе какъ бѣднымъ и жалкимъ человѣкомъ, и чтобы доказать эту мысль, выставляетъ на видъ тѣ требованія, которыхъ требуетъ и ищетъ въ ученомъ наука и которыхъ нѣтъ въ Вагнерѣ. «Хуже всего, говоритъ онъ, въ немъ то, что онъ отъ души считаетъ себя великимъ ученымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ усердно занимается своимъ предметомъ, много прочелъ и перечелъ, знаетъ бездну фактовъ, — словомъ, по всѣмъ правамъ принадлежитъ къ числу самыхъ остервенѣлыхъ книгоѣдовъ. Но, несмотря на то, онъ такъ-же мало имѣетъ права претендовать на титло ученаго, какъ и на званіе умнаго человѣка. Это не потому только, что Вагнеръ ограниченъ и, какъ говорится, неда-

лекъ и пороха не выдумаетъ: и ограниченные люди могутъ быть учеными (эмпирически и фактически), и своими посильными трудами, очищая старые факты и натыкаясь на новые, приносить пользу наукѣ, но потому, что Вагнеръ, о которомъ мы говоримъ, въ наукѣ видитъ не науку, а свою мысль и свое самолюбіе. Онъ принимается за науку уже съ готовою мыслію, съ опредѣленною цѣлію, садится за науку, какъ на лошадь, зная впередъ, куда привезетъ она его. Мы этимъ не хотимъ сказать, чтобъ нельзя было приступить къ наукѣ изъ желанія оправдать ею свою задушевную мысль, въ которой человѣкъ убѣжденъ по чувству, предчувствію, a priori, и которой онъ хочетъ, путемъ науки, дать дѣйствительное, реальное существованіе. Нѣтъ, такъ приступалъ къ наукѣ не одинъ великій человѣкъ, и не безъ успѣха; но для этого нужно прежде всего, чтобъ задушевная, завѣтная, пророческая мысль родилась въ благодатной натурѣ, въ свѣтломъ умѣ, и чтобъ она носила въ себѣ зерно разумности; потомъ необходимо, чтобъ приступающій такимъ-образомъ къ наукѣ, для оправданія своей мысли въ собственныхъ глазахъ и глазахъ всего міра,—вошелъ въ святилище науки съ обнаженными и чистыми по-

гами, не завося въ него сора и пыли заранѣе принятыхъ на вѣру убѣжденій. Онъ долженъ, на все время изслѣдованія, отречься отъ всякаго пристрастія въ пользу своей идеи, долженъ быть готовъ дойдти и до убивающаго ее результата. Человѣкъ, который посвящаетъ себя наукѣ, не только можетъ, но долженъ быть живымъ человѣкомъ, въ тѣлѣ, съ кровью, съ сердцемъ, съ любовью; но у науки не должно быть тѣла, крови и сердца: она—духъ безтѣлесный, чистый отвлеченный разумъ, безъ крови и сердца, безъ страстей и пристрастій, холодный, строгій, суровый и безпощадный. У нея есть любовь, но своя особенная, ей только свойственная, духовная, идеальная любовь къ предмету безплотному, отвлеченному — къ истинѣ,—но къ той или вотъ этой истинѣ, заранѣе извѣстной, а къ такой, какая сама-собою явится результатомъ свободнаго изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ, типъ истиннаго ученаго—математикъ, который, ища неизвѣстной величины, нисколько не заботится, какая именно будетъ эта величина, и понравится она ему или нѣтъ: для него всѣ величины равно хороши и онъ добивается именно той, которая необходимо должна быть результатомъ рѣшаемой имъ задачи. У кого есть любимая мысль, и

кто такимъ – образомъ оправдаетъ ее черезъ науку, тотъ вполнѣ заслуживаетъ высокаго и благороднаго титла ученаго; равнымъ-образомъ какъ и тотъ, кто умѣетъ отказаться отъ любимаго убѣжденія, если увидитъ, что оно оказалось, черезъ ученое изслѣдованіе, предубѣжденіемъ или заблужденіемъ. Не таковы Вагнеры, о которыхъ мы говоримъ: они обращаются съ наукою какъ съ лошадью, которую заставляютъ насильно везти себя, куда имъ нужно или куда имъ угодно. Любимыя мысли ихъ всегда внѣ науки и ея интересовъ. Устремятъ–ли они свое исключительное вниманіе, напримѣръ, на русскую исторію, — не думайте, чтобъ ихъ цѣль была разработать ея матеріалы, разъяснить ея темные факты, или изложить въ стройномъ повѣствованіи ея событія. Нѣтъ, подобные труды и задачи они охотно предоставляютъ другимъ, а сами занимаются вопросами, которые столько–же легки для ученой болтовни, сколько пусты въ своей сущности». (Т. XI. стр. 395).

Кромѣ науки, какъ мы сказали, Бѣлинскій признаетъ полезнымъ и необходимымъ для нравственнаго воспитанія и искусство. Если и теперь еще приходится встрѣчать не мало людей, которые не только смотрятъ на искус-

ство какъ на развлеченіе отъ скуки и празд ную забаву, но и способны считать его без нравственнымъ, то во время Бѣлинскаго такихъ нашихъ самородныхъ мыслителей было еще болѣе. И не смотря на все это онъ не боялся говорить за искусство, какъ за одинъ изъ сильныхъ двигателей человѣка на путь добра, такъ что развитіе чувства изящнаго въ душѣ ребенка онъ считалъ одной изъ главныхъ заботъ и обязанностей родителей. «Это чувство, говоритъ онъ, есть условіе человѣческаго достоинства, только при немъ возможенъ умъ, только съ нимъ ученый возвышается до міровыхъ идей, понимаетъ природу и явленія въ ихъ общности; только съ нимъ гражданинъ можетъ нести въ жертву отечеству и свои личныя надежды и свои частныя выгоды; только съ нимъ человѣкъ можетъ сдѣлать изъ жизни подвигъ и не сгибаться подъ его тяжестію. Безъ него, безъ этого чувства, нѣтъ генія, нѣтъ таланта, нѣтъ ума, остается одинъ пошлый «здравый смыслъ», необходимый для домашняго обихода жизни, для мелкихъ расчетовъ эгоизма. Кто откликается на одну плясовую музыку, откликается не сердцемъ а ногами, чью грудь не томитъ, чью душу не волнуетъ музыка; кто видитъ въ картинѣ только

галантерейную вещь, годную для украшенія комнаты, и дивится въ ней одной отдѣлкѣ; кто не любилъ стиховъ смолоду, кто видитъ въ драмѣ только театральную пьесу, а въ романѣ сказку, годную для занятія отъ скуки, тотъ не человѣкъ, хотя-бы онъ умѣлъ болтать о Россини, о Робертѣ-Дьяволѣ, чугунныхъ дорогахъ и паровыхъ машинахъ. Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности. Пусть процвѣтаетъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ гражданское благоденствіе, пусть цивилизація дошла до послѣдней степени, пусть тюрьмы тамъ пусты, трибуналы праздны: но если тамъ, какъ увѣряютъ насъ, нѣтъ искусства, нѣтъ любви къ изящному, я презираю этимъ благоденствіемъ, я не уважаю этой цивилизаціи, я не вѣрю этой нравственности, потому-что это благоденствіе искусственно, эта цивилизація безплодна, эта нравственность подозрительна. Гдѣ нѣтъ владычества искусства, тамъ люди не добродѣтельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борются со зломъ, а избѣгаютъ его, избѣгаютъ его не по ненависти ко злу, а изъ разсчета. Цивилизація тогда только и имѣетъ цѣну, когда помогаетъ просвѣщенію, а, слѣдовательно и добру—единственной цѣли бытія

человѣка, жизни народовъ, существованія человѣчества. Погодите, и у насъ будутъ чугунныя дороги и, пожалуй, воздушныя почты, и у насъ фабрики и мануфактуры дойдутъ до совершенства, народное богатство усилятся; но будетъ-ли у насъ религіозное чувство, будетъ-ли нравственность—вотъ вопросъ! Будемъ плотниками, будемъ слесарями, будемъ фабрикантами; но будемъ-ли людьми—вотъ вопросъ». (Т. II, стран. 66).

И Бѣлинскій смотритъ на развитіе этого чувства съ той-же высокой точки, какъ и на развитіе сознанія. «Эстетическое чувство, по его понятію, есть источникъ всего прекраснаго, великаго, потому-что человѣкъ, лишенный этого чувства, стоитъ на степени животнаго» (стр. 221) И признавая за истинно-художественнымъ произведеніемъ эту возможность возвышать и развивать духъ человѣка до созерцанія безконечнаго, примирять его съ дѣйствительностью, а не возстановлять противъ нея, и укрѣплять его на великодушную борьбу съ невзгодами и бурями жизни»,—Бѣлинскій именно къ превосходству человѣка надъ животными и относитъ то, что ему дана возможность наслаждаться красотой «Есть люди, говоритъ онъ, которые отъ всей души

убѣждены, что красота возбуждаетъ чувственность; бѣдные не понимаютъ, что красота есть явленіе духа и что гдѣ красота родитъ любовь, тамъ ужь нѣтъ чувственности. Для животныхъ красота не существуетъ и это составляетъ одно изъ преимуществъ человѣка надъ животными» (Т. III, стр. 15 и 332). Но спрашивается, какимъ-же образомъ красота можетъ нравственно воспитывать человѣка?

Представленный вопросъ принадлежитъ къ числу вопросовъ очень важныхъ и въ то же время издавна спорныхъ. Исторія этого вопроса — исторія вѣковой борьбы между искусствомъ и моралью, начавшейся едва-ли не съ первыхъ вѣковъ христіанства и къ несчастію неокончившейся и въ настоящее время; да едва-ли предвидятся скорый конецъ ей и въ будущемъ. Дѣло здѣсь, говоря словами Бѣлинскаго, въ томъ, что «искусство издавна навлекло на себя нападки моралистовъ, этихъ вампировъ, которые мертвятъ жизнь холодомъ своего прикосновенія и силятся заковать ея безконечность въ тѣсныя рамки и клѣточки своихъ разсудочныхъ, а не разумныхъ опредѣленій». (Т. III, стр. 330). Эти вампиры не только не хотятъ признать за искусствомъ какого-нибудь значенія, напротивъ положительно

объявляютъ его вреднымъ для нравственнаго развитія народа, растлѣвающимъ народное чувство и умъ, и если отводятъ ему мѣсто, то только въ мірѣ язычества, но никакъ не въ мірѣ христіанскомъ. «Какъ, говорятъ они, и эта статуя Венеры или вакханки, и эта картина разгульнаго пира и этотъ романъ, толкующій о любви—все это можетъ быть назидательно! пощадите, помилуйте!» И безъ внимательнаго изслѣдованія, по первому впечатлѣнію, легко принять этотъ крикъ и въ самомъ дѣлѣ за голосъ здраваго разума, за порывъ честнаго чувства. А между-тѣмъ когда вы переноситесь въ область искусства и начинаете пересматривать лучшія его произведенія, вашъ языкъ нѣмѣетъ передъ словомъ его осужденія, ваше чувство идетъ противъ зловѣщей проповѣди, и вы видите, что какъ ни кричатъ моралисты, а ни одинъ еще народъ, ни одно еще общество не осмѣливается посягнуть ни на эти произведенія кисти художника, ни на эти произведенія его ума, называемыя эпопеями, драмами и т.—п., и не осмѣливается и не думаетъ торжественно отречься отъ искусства, какъ отъ предмета ему совершенно ненужнаго, изгнать его, уничтожить, стереть съ лица земли. И если-бы нашелся такой народъ—выхо-

децъ.—думаете-ли вы, что онъ единогласно не былъ-бы признанъ всѣми за дикаря и варвара, и увѣрены-ли вы въ томъ, что жизнь его тогда, безъ этого вліянія на него искусства, была-бы также полна и гармонична, какъ и теперь, когда онъ стоитъ подъ этимъ вліяніемъ? Какой-то тайный голосъ говоритъ вамъ, что нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Напротивъ, вы видите, что чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ развитѣе его понятія, тѣмъ болѣе отдаетъ онъ почета произведеніямъ искусства, тѣмъ выше ихъ цѣнитъ, тѣмъ болѣе дорожитъ ими и воздвигаетъ въ честь геніевъ въ этой области такіе-же памятники, какъ и въ честь великихъ администраторовъ, полководцевъ и просвѣтителей народа. Что жь это значитъ? Не можетъ-же быть это только заблужденіемъ? Если-же это заблужденіе, то скажите-жъ намъ, строгій моралистъ, отчего такъ безплоденъ вашъ голосъ? отчего никто не слушаетъ его, если въ немъ, какъ вы увѣряете, одна истина и правда? Не понимаютъ васъ, отвѣтите вы, не хотятъ слушать, потому-что отвыкли отъ правды? Но не много-ли вы возьмете этимъ на себя? Не выскажется-ли здѣсь лишь одно ваше самолюбіе и самообольщеніе? Обвиняя другихъ въ непониманіи дѣла, не страдаете-ли вы сами близо-

рукостью? И дѣйствительно, если прослѣдить весь споръ моралистовъ съ поклонниками и защитниками искусства, не трудно замѣтить, что въ немъ, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, вся бѣда въ томъ, что и та и другая сторона вдаются въ крайности, что не хотятъ опредѣленно поставить вопросъ и взглянуть на него прямо и безпристрастно. А между-тѣмъ на самомъ дѣлѣ вопросъ можетъ быть легко рѣшенъ и безобидно для обѣихъ сторонъ. Такъ именно и рѣшенъ онъ Бѣлинскимъ. Преданный нравственности и въ то-же время поклонникъ искусства, онъ умѣлъ отыскать ту общую точку, съ которой художество не только не грозитъ бѣдой нравственному чувству, напротивъ помогаетъ его развитію. И рѣшеніе именно этого-то вопроса составляетъ едва-ли не одно изъ лучшихъ доказательствъ геніальности нашего критика Прослѣдить его безспорно очень интересно, тѣмъ болѣе, что здѣсь мы невольно должны будемъ изложить, хотя и кратко, почти весь взглядъ Бѣлинскаго на искусство.

Бѣлинскій положительно держится того мнѣнія, что «въ царствѣ искусства, какъ въ созерцаніи абсолютной истины, нравственная точка зрѣнія есть самая фальшивая, потому-что въ

этомъ благодатномъ и безконечномъ царствѣ есть явленія общей жизни, но нѣтъ ни героевъ добродѣтели, ни злодѣевъ, а то и другое существуетъ въ субъективности авторовъ». (Т. II, стр. 369). Если спорятъ о художественномъ, какъ о чемъ-то противо-нравственномъ то это именно потому, что вопросъ о самомъ художественномъ оставляютъ въ сторонѣ, не думая и не желая разрѣшить, что такое оно и въ чемъ состоитъ, а вмѣсто рѣшенія этого вопроса становятся прямо на точку зрѣнія морали и немудрено,если съ нея видятъ дѣло не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ должно. При неопредѣленности двухъ понятій, конечно, нечего и ожидать, чтобы вышло что-нибудь основательное въ выводѣ. «Тѣ, говоритъ Бѣлинскій, которые смотрятъ на искусство съ нравственной точки зрѣнія, обыкновенно смѣшиваютъ нравственность съ моральностью, а какъ моральныя понятія зависятъ отъ ограниченной личности и случайнаго произвола каждаго, то каждый и судитъ по своему о произведеніяхъ искусства, требуя отъ нихъ то того, то другаго, но никогда не требуя отъ нихъ того, чего должно требовать. Исключительность и односторонность господствуютъ въ этомъ взглядѣ. Чего не понимаетъ господинъ моралистъ или го-

сходинъ резонеръ, то и объявляетъ безнравственнымъ» (Т. III, стр. 323). Ошибка этихъ людей, по мнѣнію его, заключается именно въ томъ, что они навязываютъ искусству свои цѣли, что хотятъ видѣть въ немъ не зеркало дѣйствительности, а какой-то идеальный, никогда не существовавшій міръ, чуждый всякой возможности, всякаго зла, всякихъ страстей, всякой борьбы, но полный усыпительнаго благоденствія и резонерскаго нравоученія, требуютъ не живыхъ лицъ и характеровъ, а ходячихъ аллегорій съ ярлычками на лбу, на которыхъ было-бы написано: умѣренность, аккуратность, скромность и т. п.» (Тамъ же). Робкіе, подозрительные, суровые,— эти резонеры требуютъ отъ искусства, чтобы оно только и дѣлало, что предлагало имъ прямыя и открыто выраженныя нравоученія, какъ нѣкогда въ баснѣ, въ родѣ того, что «помогай бѣдному, потому-что добро во вѣкъ не пропадетъ», «будь со всѣми вѣжливъ и учтивъ, потому-что это пригодится» (Т. V, стр. 389—390). Нѣтъ, искусство не можетъ имѣть такихъ цѣлей. Искусство не затѣмъ существуетъ, чтобы служить обществу, или чтобы быть проповѣдью; у него своя цѣль. «Нашъ Менцель, говоритъ Бѣлинскій, не Платонъ. Что не подходитъ подъ его маленькую идею—онъ

погибаетъ подъ нее; а не гнется—онъ ломаетъ. Искусство не далось ему, не пошло подъ тѣсныя рамки его идеальнаго построенія—долой искусство—оно грѣхъ, преступленіе, безнравственность!... Вотъ такъ-то: что долго думать! А другой какой-нибудь чудакъ готовъ уничтожить общество, разрушить промышленность, торговлю, словомъ, всю практическую сторону жизни, чтобы обратить людей къ исключительному служенію искусству и подѣлать изъ нихъ художниковъ и амателровъ. „Дайте имъ только возможность и силу приложить къ жизни свою теорію. Одинъ завопитъ: «общество! все погибай, что не служитъ къ пользѣ общества»! а другой зарычитъ: «искусство! все погибай, что не живетъ въ искусствѣ»!... Но истинно мудрый кротко и безъ крика говоритъ: «да живетъ общество и да процвѣтаетъ искусство! то и другое есть явленіе одного и того-же разума, единаго и вѣчнаго, и то и другое въ самомъ себѣ заключаетъ свою необходимость, свою причину и свою цѣль

«Да! общество не должно жертвовать искусству своими существенными выгодами, или уклоняться для него отъ своей цѣли. Искусство не должно служить обществу иначе, какъ служа самому себѣ. Пусть каждое идетъ своей

дорогой, не мѣшая другъ-другу. Дѣло Питтовъ, Фоксовъ, О'Коннелей, Талейрановъ, Каунницевъ и Меттерниховъ—участвовать въ судьбѣ народовъ и испытывать свое вліяніе въ политической сферѣ человѣчества. Дѣло художниковъ—созерцать «полное славы творенье» и быть его органами, а не вмѣшиваться въ дѣла политическія и правительственныя. Иначе придется воскликнуть:

Бѣда коль пироги начнетъ печь сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ!

«Все велико на своемъ мѣстѣ и въ своей сферѣ, и всякій имѣетъ значеніе, силу и дѣйствительность только въ своей сферѣ, а заходя въ чужую, дѣлается призракомъ, иногда только смѣшнымъ, иногда отвратительнымъ, а иногда смѣшнымъ и отвратительнымъ». (Т. III, стр. 314—315).

Итакъ искусство и общество, по понятію Бѣлинскаго, каждое можетъ существовать отдѣльно и потому совершенно ложно ставить цѣль искусства только въ томъ, чтобы оно учило общество. Это значитъ унижать искусство, дѣлать его чѣмъ-то служебнымъ; скажемъ болѣе—уничтожать его, признавать не нужнымъ. «Когда поэтъ, разсуждаетъ Бѣлин-

скій, своими сочиненіями старается заставить васъ смотрѣть на жизнь съ его точки зрѣнія, въ такомъ случаѣ онъ уже и не поэтъ, а мыслитель, и мыслитель дурной, злонамѣренный, достойный проклятія, потому-что поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя. Довольно поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенія, довольно онъ и поэтъ; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ ужъ философъ, мыслитель, моралистъ; онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если, при истинномъ талантѣ, имѣетъ и похвальную цѣль, и презирать себя, если силится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей». (Т. 1, стр. 25). «Когда мы будемъ требовать отъ искусства послѣшествованія общественнымъ цѣлямъ, а на поэта смотрѣть, какъ на подрядчика, которому можно заказывать въ одно время воспѣвать святость брака, въ другое—жертвовать своею жизнью за отечество, въ третье—обязанность честно платить долги, то вмѣсто изящныхъ созданій наводнимъ литературу риѳмованными диссертаціями объ отвлеченныхъ и разсудочныхъ предметахъ, сухими аллегоріями, подъ которыми будетъ скрываться-

ся не живая истина, а мертвое резонерство, или наконецъ угарными исчадіями мелкихъ страстей и бѣсованія партій». (Т. III, стр. 304—305). Отсюда уже само собой и вытекаетъ то положеніе, что «мораль еще не поэзія» (Т. V, стр. 359), и проповѣдывать нравственныя истины не значитъ быть поэтомъ, да этого и не нужно поэту, и не слѣдуетъ ему о томъ думать, потому-что какъ скоро онъ только станетъ заботиться объ этомъ, то изъ̀ънитъ своему назначенію.

Но это въ понятіи Бѣлинскаго не значитъ еще отрывать совершенно искусство отъ дѣйствительности или отвергать и не признавать за нимъ никакого вліянія на общество. «Пора, говоритъ самъ-же Бѣлинскій, перестать думать, что можно возвысить искусство, представляя его то какимъ-то бродягою, безъ дома и отечества, то цыганкою то прелестницею не изъ денегъ, а по страсти къ ремеслу». (Т. VI, стр 298). «И служитъ, объясняетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, искусство обществу, выражая его же собственное сознаніе и питая духъ составляющихъ его индивидуумовъ возвышенными впечатлѣніями и благородными помыслами блага и истиннаго, но оно служитъ обществу не какъ что-нибудь для

него существующее, а какъ нѣчто существующее по себѣ и для себя и въ самомъ себѣ имѣющее цѣль и свою причину» (Т. III, стр 303—304). Это значитъ, что само искусство не имѣетъ въ виду поучать и исправлять насъ, но если мы, съ своей стороны станемъ приближаться къ нему, разсматривать, изучать его, то-непремѣнно почувствуемъ на себѣ это вліяніе, непремѣнно вынесемъ для себя нѣчто. И это нѣчто и это вліяніе не могутъ иначе отразиться и быть иными, какъ только благодѣтельными, потому-что, по понятію Бѣлинскаго, все что *художественно, то и нравственно*. Въ этомъ положеніи повидимому только простая перестановка словъ, сравнительно съ тѣмъ, что говорятъ моралисты, но на самомъ дѣлѣ между тѣмъ и другимъ, какъ мы увидимъ, огромная разница. И вотъ это-то положеніе составляетъ главную основу взгляда Бѣлинскаго на отношеніе нравственности къ искусству и оно-то краснорѣчивѣе всего говоритъ за то, что хранителямъ нравственности нечего бояться за вредъ отъ искусства, нечего и вооружаться противъ него, а нужно лишь стараться смотрѣть на то, дѣйствительно-ли извѣстное произведеніе — художественно. «Нравственность, го-

воритъ Бѣлинскій, принадлежитъ къ сферѣ человѣческихъ дѣйствій, и въ отношеніи къ волѣ человѣка есть то же самое, что истина въ мышленіи, что красота въ искусствѣ. Основаніе нравственности лежитъ въ глубинѣ духа—источника всего сущаго. Все, что выходитъ изъ одного начала, изъ одного общаго источника, все то родственно, единокровно и нераздѣльно въ своей сущности, хотя и различается средствомъ, путемъ и формою своего проявленія. Слѣдовательно, отдѣлить вопросъ о нравственности отъ вопроса объ искусствѣ такъ-же невозможно, какъ и разложить огонь на свѣтъ, темноту и силу горѣнія. По потому-то самому и должно раздѣлить эти два вопроса. Когда вамъ скажутъ, что въ каминѣ разведенъ огонь—вы вѣрно не спросите, обожжетъ-ли этотъ огонь ваши руки, если вы положите ихъ на него, и будутъ-ли вамъ видны предметы, освѣщенные имъ. Такой вопросъ приличенъ только ребенку, едва начинающему говорить, или человѣку сумасшедшему. Когда вамъ говорятъ, что женщина родила дитя, вы вѣрно не спросите, есть-ли у этого дитяти тѣло, или есть-ли у него душа; когда онъ живъ, у него есть и душа и тѣло, ибо онъ самъ есть ни что иное, какъ

явившійся или воплотившійся духъ. Но вы можете сдѣлать вопросъ объ огнѣ, разведенъ ли онъ въ каминѣ, чтобы могъ и грѣть и освѣщать, или еще только разводится; а о младенцѣ — жѝвъ-ли онъ или родился мертвымъ, или умеръ родившись. Итакъ, видите-ли, вы раздѣляете два вопроса, именно потому, что они нераздѣльны, что отвѣтъ на одинъ есть уже необходимо и отвѣтъ на другой, хотя-бы вы другаго и не дѣлали. Такъ и въ искусствѣ что художественно, то уже и нравственно, что нехудожественно, то можетъ быть безнравственно, но не можетъ быть нравственно. Вслѣдствіе этого, вопросъ о нравственности поэтическаго произведенія долженъ быть вопросомъ вторымъ и вытекать изъ отвѣта на вопросъ—дѣйствительно-ли оно художественно. Произведеніе искусства, художественность котораго не выдержитъ высшей пробы вкуса и критики, можетъ быть положительно безнравственно, какъ оскорбляющее нравственность, и можетъ быть отрицательно-безнравственно, какъ только неоскорбляющее нравственности; но великое истинно или дѣйствительно-художественное произведеніе не можетъ не быть положительно-нравственнымъ. Доказать, что произведеніе искусства положи

тельно-безнравственное, значитъ доказать, что оно положительно-нехудожественно, а для этого сперва должно разсмотрѣть его въ его собственной сферѣ, т.-е. въ сферѣ искусства, и доказать изъ него-же самаго, что оно нехудожественно, или, по-крайней-мѣрѣ, прежде вопроса о нравственности, принять это за утвержденное и очевидное. Единосущное не противорѣчитъ единосущному, и истина не раздѣляется на самое-же себя, чтобы уничтожать самое-же себя» (Т. III, стр. 315—317). Такъ твердо вѣруетъ Бѣлинскій въ чистоту искусства, такъ онъ судитъ о немъ, и эта мысль у него повторяется не одинъ разъ, а постоянно. Онъ такъ вѣруетъ въ чистоту искусства, что, по его понятію, и въ самыхъ своихъ поэтическихъ шалостяхъ истинный талантъ не можетъ дойти до грязи, потому-что и въ нихъ найдется у него грація» (Т. I, стр. 270). Какъ на доказательство своей мысли онъ указываетъ на древнее искусство грековъ, которое «въ самой прекрасной наготѣ своей дышетъ цѣломудріемъ и какою-то святостью и чистотою мысли, и нагія статуи котораго успокоиваютъ и умиряютъ волненія страсти, а не возбуждаютъ ихъ, такъ-что и осквернённый отходитъ отъ нихъ очищеннымъ, за исключеніемъ, разумѣется, лю-

дей чуждыхъ эстетическаго чувства, непонимающихъ красоты». «Красота, говоритъ по этому поводу Бѣлинскій, не истина, нравственность, но красота родная сестра и истинѣ, и нравственности. Красота не служитъ чувственности, но освобождаетъ насъ отъ чувственности, возвращая духу нашему права надъ плотію. Животное не требуетъ отъ своей самки красоты, но требуетъ только, чтобы она была самкою. Грустно думать, что требованія многихъ людей въ этомъ отношеніи нисколько не разнятся отъ такихъ требованій; но еще грустнѣе думать, что на многихъ людей-самцевъ и людей-самокъ красота производитъ дѣйствіе возбудительнаго настоя? Кто-жъ виноватъ въ этомъ — красота или люди? Конечно послѣдніе, потому-что человѣкъ долженъ быть мужчиною, а не самцомъ, женщиною, а не самкою. Торжество духа (ибо красота есть явленіе духа) особенно поразительно въ благородныхъ натурахъ. Грубая сила мужчины смиряется при кроткомъ и ясномъ взорѣ слабой красоты. Забывая обаянія наслажденія, онъ ищетъ блаженства въ одномъ присутствіи красоты, которое вѣетъ миромъ и прохладою на бурю чувствъ его. Чувство его полно религіознаго благоговѣнія, любовь его похожа на обо-

жаше, самое наслажденіе кротко, цѣломудренно и чисто. Неправда-ли, что здѣсь красота производитъ, повидимому, обратное и неестественное дѣйствіе? Нѣтъ, только такое дѣйствіе красоты истинно и естественно».

Итакъ мы пришли къ тому убѣжденію Бѣлинскаго, что все художественное въ то-же время не можетъ не быть нравственнымъ. Утѣшительная мысль! прекрасный взглядъ на дѣло! Но этимъ еще вопросъ не разрѣшенъ вполнѣ; мы еще не знаемъ и не видимъ, почему жъ именно это такъ должно быть? А этотъ послѣдній вопросъ, очевидно, можетъ быть разрѣшенъ только тогда, когда мы раскроемъ понятіе Бѣлинскаго о самомъ художественномъ. Когда уяснится это понятіе, тогда уяснится и то, въ чемъ грѣшатъ моралисты, взводя на искусство обвиненіе въ какой-то порчѣ нравовъ.

Что-жъ такое художественное, по понятію Бѣлинскаго? На этотъ вопросъ можно-бы отвѣчать цѣлымъ рядомъ статей. Всѣ двѣнадцать томовъ сочиненій Бѣлинскаго въ сущности— ничто иное, какъ отвѣтъ именно на этотъ вопросъ, какъ развитіе именно идеи изящнаго. Намъ нѣтъ нужды и основанія пускаться въ такой далекій путь; мы постараемся дать отвѣтъ короче. Для этой цѣли мы изъ сочине-

ніи Бѣлинскаго возмемъ во вниманіе одно прекрасное и для всякаго ясное и понятное опредѣленіе поэзіи, поэта и вдохновенія. Что такое поэзія? спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: «Поэзія есть жизнь по преимуществу, есть сущность, такъ сказать, тончайшій эѳиръ, тріпль-экстрактъ капитъ-эссенція жизни. Поэзія не что иное какъ роза, которая такъ пышно цвѣтетъ въ саду, но, отбросивъ грубое вещество, изъ котораго она составлена, береть отъ нея только ея ароматическій запахъ, нѣжные переливы ея цвѣта, и создаетъ изъ нихъ свою розу, которая еще лучше и пышнѣе. Поэзія—это невинная улыбка младенца, его ясный взоръ, его звонкій смѣхъ и живая радость. Поэзія—это стыдливый румянецъ на ланитахъ прекрасной дѣвушки, кроткій блескъ ея глубокихъ, какъ море, какъ небеса, голубыхъ очей, или яркій огонь ея черныхъ глазъ, волны кудрей, разбѣжавшихся по ея мраморнымъ плечамъ, волненіе ея нѣжной груди, гармонія ея серебрянаго голоса музыка ея чарующихъ рѣчей, стройность ея стана, художественная рельефность и роскошь ея живыхъ формъ, грацюзность и нѣга ея плѣнительныхъ движеній.... Поэзія—это огненный взоръ юноши, кипящаго избыткомъ силъ: это его отвага и дерзость, его жажда желаній по-

удержимые порывы его стремленія—сжать въ пламенныхъ объятіяхъ и небо и землю, разомъ осушить до дна неистощимую чашу жизни.... Поэзія—это сосредоточенная, овладѣвшая собою сила мужа, вполнѣ созрѣвшаго для жизни, искушеннаго ея опытами съ уравновѣшенными силами духа, съ просвѣтленнымъ взоромъ, готоваго на битву и на подвигъ.. . Поэзія—это тихій блескъ безцвѣтныхъ глазъ старца, кроткое какъ ласка, глубокое какъ дума выраженіе сіяющаго блескомъ незѣшней жизни морщиноватаго лица его, спокойный и полный души звукъ его дрожащаго и прерывающагося голоса, его тихая и важная рѣчь, любящая и величавая улыбка его мудрыхъ устъ.... Поэзія —это свѣтлое торжество бытія, это блаженство жизни, нежданно посѣщающее насъ въ рѣдкія минуты; это упоеніе, трепетъ, млѣніе, нѣга страсти, волненіе и буря чувствъ, полнота любви, восторгъ наслажденія, сладость грусти, блаженство страданія, ненасытимая жажда слезъ; это страстное, томительное, тоскливое порываніе куда-то, въ какую-то всегда обольстительную и никогда недостигаемую сторону,—это вѣчная и никогда неудовлетворимая жажда все обнять и со всѣмъ слиться; это тотъ божественный наосъ, въ которомъ сердце на-

ше бьется въ одинъ ладъ со вселенною, передъ упоеннымъ взоромъ летаютъ безъ покрова безплотныя видѣнія высшаго бытія, а очарованному слуху слышатся гармонія сферъ и міровъ, —тотъ божественный хаосъ, въ которомъ земное сіяетъ небеснымъ, а небесное сочетается съ земнымъ, и вся природа является въ брачномъ блескѣ, разгалашнымъ іероглифомъ помирившагося съ нею духа.... Весь міръ, всѣ цвѣты, краски и звуки, всѣ формы природы и жизни, могутъ быть явленіями поэзіи; но сущность ея — то, что скрывается въ этихъ явленіяхъ, живитъ ихъ бытіе, очаровываетъ въ нихъ игрою жизни. Поэзія —это біеніе пульса міровой жизни, это ея кровь, ея огонь, ея свѣтъ и солнце»

Кто-жъ такой поэтъ?

«Поэтъ, отвѣчаетъ Бѣлинскій, благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, таинникъ природы, золова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни. Еще дитя, онъ уже. сильнѣе другихъ сознаетъ свое родство со вселенной, свою кровную связь съ нею; языкъ—онъ уже переводитъ на понятный языкъ ея немую рѣчь, ея таинственный лепетъ. . Но послушаемъ лучше самого поэта:

свидѣтельство, которому нельзя не повѣрить. Онъ говоритъ:

Все волновало нѣжилій умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ вѣтхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ летал
Мнѣ звуки лживые шепталъ
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна [illegible]
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль волнъ ночѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой
Иль шопотъ рѣчи тихоструйной.

«Есть еще другіе стихи Пушкина, прибавляетъ Бѣлинскій, болѣе чудные, болѣе глубокіе, и потому самому незнаемые толпою и извѣстные только немногимъ истиннымъ поклонникамъ и жрецамъ изящнаго; въ этихъ

стихахъ заключается полнѣйшая характеристика поэта и высочайшая апооеоза художника. Поэтъ обращается къ эху:

Ревётъ–ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ–ли рогъ, гремитъ–ли громъ,
Поетъ–ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ–жь нѣтъ отзыва.... Таковъ
И ты, поэтъ!

«Да, все, чѣмъ живетъ міръ и что живетъ въ мірѣ—находитъ свой отзывъ во всеобъемлющей груди поэта; и ни одно существо на землѣ не имѣетъ бо́льшаго права примѣнить къ себѣ слова Фауста:

Всевышній духъ! Ты все, ты все мнѣ далъ,
О чемъ тебя я умолялъ;
Не даромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ сіяющій въ огнѣ.
Ты далъ природу мнѣ, какъ царство, во вла-

Ты далъ душѣ моей
Даръ чувствовать ее, далъ силу наслаждаться
Иной едва скользитъ по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленья;
Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга заглянуть»

«Кто-же самъ поэтъ, въ отношеніи къ прочимъ людямъ»? Это отвѣчаетъ Бѣлинскій организація воспріимчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ; словомъ — глубже чувствуетъ; натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны духа—и пассивная и дѣятельная. Уже по самому устройству своего организма, поэтъ больше, чѣмъ кто-нибудь, способенъ вдаваться въ крайности, и, возносясь превыше всѣхъ къ небу, можетъ-быть, ниже всѣхъ падаетъ въ грязь жизни. Но и самое паденіе его не то, что у другихъ людей: оно слѣдствіе ненасытимой жажды жизни, а не животной алчбы денегъ, власти и отличій. Эта жажда жизни въ немъ такъ велика, что за одну минуту упоенія страсти, за одинъ мигъ полноты чув-

ства, онъ готовъ жертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, всѣми надеждами, всею остальною жизнью. У него — по выраженію Гезіода — «пѣснь всегда на умѣ, а въ груди сердце безъ-заботное». Когда онъ чувствуетъ приближеніе Бога и обдумываетъ зарождающееся въ немъ новое созданіе, тогда —

Пройди безъ шума близь него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!

«Когда онъ творитъ—онъ царь, онъ властелинъ вселенной, повѣренный тайнъ природы, прозирающій въ таинства неба и земли, природы и духа человѣческаго, только ему одному открытыя; но когда онъ находится въ обыкновенномъ земномъ расположеніи—онъ *человѣкъ*, но человѣкъ, который можетъ быть ничтожнымъ, и никогда не можетъ быть низкимъ, который чаще другихъ можетъ падать, но который такъ-же быстро возстаетъ, какъ падаетъ,—который всегда готовъ отозваться на голосъ, несущійся къ нему отъ его родины—неба. Но послушаемъ его собственной исповѣди:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ.
Въ широкошумныя дубровы....

«Какая цѣль поэзіи? — продолжаетъ спрашивать Бѣлинскій и отвѣчаетъ: «поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, такъ-же, какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. Не все-ли намъ равно — знать или не знать, что

не относится къ нашей жизни или нашимъ выгодамъ, что и высоко и далеко отъ насъ, какъ это небо, котораго и безконечно малой частицы никогда не придвинемъ мы къ себѣ всѣми телескопами? Однакожъ астрономъ посвящаетъ всю жизнь свою этому небу,—и открытіе новой звѣзды, которая не прибавитъ ни полтины къ его годовому доходу, дѣлаетъ его счастливымъ и блаженнымъ. Развѣ потому должны мы любить добро, что насъ за него хвалятъ или награждаютъ? Развѣ мы должны отрекаться отъ него и сворачивать на широкую дорогу зла, какъ скоро увидимъ, что добро не только не приноситъ намъ никакихъ процентовъ, но еще подвергаетъ насъ гоненіямъ и несчастіямъ? Подобно истинѣ и благу, красота есть сама себѣ цѣль и по праву царствуетъ надъ вселенной только властію своего имени, неотразимымъ обаяніемъ своего дѣйствія на душу людей. Вотъ въ ярко освѣщенную, великолѣпную залу входитъ красавица,—и трепещетъ пылкая юность, разглаживаются морщины на челѣ старости, улыбка радости проясняетъ сонныя отъ пустоты и скуки лица: кажется, царства мало за одинъ взглядъ ея; лавровый вѣнокъ героя, лучезарный ореолъ поэта готовы пасть къ ногамъ ея, лишь-бы только захотѣла

она замѣтить ихъ.... А между-тѣмъ, вы въ лицѣ ея тщетно отыскиваете выраженіе какой-нибудь опредѣленной идеи, оттѣнка какого-нибудь опредѣленнаго чувства: ничего, ничего, кромѣ безбрежнаго моря красоты и граціи, въ которомъ тонутъ ваши очарованные взоры, исчезаетъ все существо ваше.... Объясните мнѣ: для чего такая красота, какая цѣль ея,—и я объясню вамъ со всевозможною ясностію и даже «точностію», для чего существуетъ поэзія, какая цѣль ея.... И еслибы нашлись люди, надъ которыми красота не имѣетъ никакой власти, не будемъ спорить съ ними! Хладные скопцы (по выраженію Пушкина), лишенные огня Прометеева,—стоятъ ли они словъ, и имъ ли можно растолковать, почему дилеттантъ такъ благоговѣйно и цѣломудренно любуется обнаженною красотою Венеры Медицейской, и за обломокъ древней капители, барельефа, или камею, готовъ жертвовать всѣмъ достояніемъ своимъ, съ безумною горячностію любовника, которому и жизни не жаль за одну улыбку возлюбленной....

И затѣмъ какъ-бы въ оправданіе себя Бѣлинскій ссылается на слѣдующее опредѣленіе красоты Платономъ:

«Наслажденіе красотою въ этомъ земномъ

мірѣ возможно ли человѣку только по воспоминанію той единой, истинной и совершенной красоты, которую душа припоминаетъ себѣ въ первоначальныя ея родины. Вотъ почему зрѣлище прекраснаго на землѣ, какъ воспоминаніе о красотѣ горней, содѣйствуетъ тому, чтобъ обращать душу къ небесному и возвращать ее къ божественному источнику всякой красоты. Красота была свѣтлаго вида въ то время, когда мы, счастливымъ хоромъ, слѣдовали за Діемъ, въ блаженномъ видѣніи и созерцаніи, другіе же за другими богами; мы зрѣли и совершали блаженнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ; пріобщались ему всецѣлые, непричастные бѣдствіямъ, которыя въ позднее время насъ посѣтили; погружались въ видѣнія совершенныя, простыя, нестрашныя, но радостныя, и созерцали ихъ въ свѣтѣ чистомъ, сами будучи чисты и не запечатаны тѣмъ, что мы, нынѣ влача съ собою, называемъ тѣломъ, заключенные въ него, какъ въ раковину. Красота одна получила здѣсь этотъ жребій: быть пресвѣтлою и достойною любви. Не вполнѣ посвященный; развратный стремится къ самой красотѣ, не взирая на то, что носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а, подобно четвероногому ищетъ одного чув-

ственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ.... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лице, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ созерцая прекрасное, какъ Бога, онъ обожаетъ, и если-бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому»...

«Какъ красота, такъ и поэзія—выразительница и жрица красоты, продолжаетъ Бѣлинскій, сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка къ небесному, настроиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ — это уже не цѣль ея, а прямое дѣйствіе, свойство ея сущности; это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта. Поэтъ есть живописецъ, а не философъ. Всегдашній предметъ его картинъ и изображеній есть «полное славы твореніе»—міръ со всею безконечностію и разнообразіемъ его явленій. Поэзія говоритъ душѣ образами—и ея образы суть выраженія той вѣрной красоты, первообразъ которой блещетъ въ мірозданіи и во всѣхъ частныхъ явленіяхъ и формахъ природы. Поэзія не терпитъ отвлеченныхъ идей въ ихъ безтѣлесной

наготѣ, но самыя отвлеченныя понятія воплощаетъ въ живые и прекрасные образы, въ которыхъ мысль сквозитъ, какъ свѣтъ въ граненомъ хрусталѣ. Поэтъ видитъ во всемъ формы, краски и всему даетъ форму и цвѣтъ, овеществляетъ невещественное, дѣлаетъ земнымъ небесное —да свѣтитъ земное небеснымъ свѣтомъ! Для поэта, всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ; онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнію, и съ любовію лелѣетъ ихъ на своей груди, такъ какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности. Это не значитъ, чтобъ поэтъ не могъ отрываться отъ созерцанія міра, взятаго въ самомъ себѣ, и вносить въ него свой идеалъ, чтобъ лиру пѣснопѣнія, кинжалъ трагедіи и трубу эпопеи не могъ онъ мѣнять на громы благороднаго негодованія и даже на свистокъ сатиры; молитву оставлять для проповѣди, и прошедшее міровое и вѣчное забывать на минуту для современности и общества; но смѣшно требовать, чтобъ въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль своей жизни и за долгъ себѣ поставилъ подчинить свое вдохновеніе разнымъ «текущимъ потребностямъ». Свободный какъ вѣтеръ, онъ повинуется только внутреннему своему призванію, таинственному голосу двужущаго имъ Бога, а на крики

тупой черви, которая-бы стала приставать къ нему, въ своей дикой слѣпотѣ:

Нѣтъ, если ты небесный избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздится клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя,—

онъ можетъ и долженъ отвѣчать, если только стоитъ она отвѣта:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ

Сметаютъ соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

«Поэтъ не подражаетъ природѣ, но соперничествуетъ съ нею, — и его созданія исходятъ изъ того-же источника, и тѣмъ-же самымъ процессомъ, какъ и всѣ явленія природы, съ тою только разницею, что на сторонѣ процесса его творчества есть еще и сознаніе, котораго лишена природа и ея дѣятельность. Вся природа со всѣми ея явленіями есть плодъ вдохновеннаго порыва духа—изъ идеальной области возможнаго перейдти въ реальную область дѣйствительнаго, стать фактомъ, чтобъ потомъ въ разумнѣйшемъ своемъ явленіи—человѣкѣ, взглянуть на себя, какъ на нѣчто особое, сознать себя. И всякое произведеніе искусства есть плодъ вдохновеннаго усилія художника—вывести наружу, осуществить во внѣ внутренній міръ своихъ безплотныхъ идеаловъ. Итакъ, вдохновеніе есть источникъ всякаго

творчества; но искусство выше природы на столько, на сколько всякое сознательное и свободное дѣйствіе выше безсознательнаго и невольнаго. Но сознаніе при актѣ творчества, есть не дѣятель, а только какъ-бы свидѣтель, дабы творчество было художнику въ наслажденіе и награду. Конечно, всякое дѣйствіе есть уже необходимо и сознаніе; но подъ сознаніемъ въ творчествѣ не должно разумѣть дѣятельность разсудка, трудъ соображенія, разсчета и механическую работу: вдохновеніе, которое Платонъ называетъ маніею, — вотъ единственный дѣятель творчества, а разсудокъ враждебенъ творчеству и мертвитъ его. «Кто—говоритъ Платонъ—безъ маніи, внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзіи, убѣжденный въ томъ, что искусствомъ (ἐχ τέχνης) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда не будетъ совершеннымъ, и поэзія его, какъ поэзія безумнаго, будетъ отличаться отъ [illegible].

И всю эту тираду Бѣлинскій заключаетъ слѣдующими словами Платона:

«....Не искусствомъ (*техникою*), но энтузіазмомъ, великіе эпическіе поэты сочиняютъ свои прекрасныя произведенія. Славные

лирики также, подобно людямъ, волнуемымъ безумiемъ сорибантовъ, плящущихъ внѣ себя, не остаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнiя: какъ скоро вошли они въ ладъ гармонiи и ритма, то преисполняются безумiемъ, объемлются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакханокъ, которыя въ минуту упоенiя черпаютъ въ рѣкахъ млеко и медъ, чего не бываетъ съ ними во время покоя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ на самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, что, подобно пчеламъ, летаютъ они по садамъ и долинамъ музъ, и въ нихъ собираютъ пѣсни, которыя поютъ намъ. Они говорятъ правду. Поэтъ въ самомъ дѣлѣ есть существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его объемлетъ, когда онъ выйдетъ изъ себя и разсудокъ покинетъ его. Но покамѣстъ онъ съ нимъ, человѣкъ неспособенъ творить все и произносить пророчества.

«Итакъ, если не искусствомъ, а божественнымъ вдохновенiемъ творятъ поэты, — то каждый изъ нихъ, по жребiю Божiю, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ. Одинъ превосходенъ въ дифи-

рамбѣ, другой въ похвальной одѣ, третій въ плясовой пѣснѣ, четвертый въ эпосѣ, пятый въ ямбахъ, и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому-что не искусство, а сила божественная внушаетъ ихъ. Еслибы искусствомъ они умѣли творить, то могли-бы успѣть въ разныхъ родахъ. А конецъ, на какой Богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ какъ служителей своихъ наравнѣ съ пророками и гадателями, есть тотъ, чтобъ мы, внимая имъ, познавали, что не сами собою они говорятъ намъ вещи дивныя, ибо они внѣ своего разума, но самъ Богъ чрезъ нихъ къ намъ глаголетъ» (Т. VI, стр. 268—278).

Приведенное нами мѣсто, кажется, такъ ясно, что не требуетъ поясненій; ясно, что искусство въ глазахъ Бѣлинскаго есть созерцаніе и раскрытіе таинства жизни, когда изъ недоступной чувствамъ области мысли вызываются свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и когда окружающая насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачная и нестройная, является просвѣтлѣнною и гармонической. И вотъ въ чемъ Бѣлинскій видитъ тожество искусства съ наукой (Т. IV, стр. 249), и вотъ въ чемъ онъ видитъ тождество или, лучше, соприкосновеніе художественнаго съ нрав-

ственнымъ. «Все, что есть, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, то необходимо, разумно и дѣйствительно. Посмотрите на природу, прииикните съ любовію къ ея материнской груди, прислушайтесь къ біенію ея сердца, и увидите въ ея безконечномъ разнообразіи удивительное единство, въ ея безконечномъ противорѣчіи удивительную гармонію, потому-что кто можетъ найти хоть одну погрѣшность, хотя одинъ недостатокъ въ твореніи предвѣчнаго художника или кто можетъ сказать, что вотъ эта былинка не нужна, это животное лишнее?» И развивая эту мысль, онъ продолжаетъ: «искусство есть воспровзведеніе дѣйствительности; слѣдовательно, его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Только при этомъ условіи поэзія и нравственность тождественны. Произведенія неистовой французской литературы не потому безнравственны, что представляютъ отвратительныя картины прелюбодѣянія, кровосмѣшенія, отцеубійства и сыноубійства; но потому,что они съ особенною любовію останавливаются на этихъ картинахъ и, отвлекая отъ полноты и цѣлости жизни только эти ея стороны, дѣйствительно ей принадлежащія, исключительно выбираютъ ихъ. Но такъ-

какъ въ этомъ выборѣ, уже ложномъ по своей односторонности, литературные санкюлоты руководствуются не требованіями искусства, которое само для себя существуетъ, а для подтвержденія своихъ личныхъ убѣжденій, то въ изображеніи и не имѣютъ никакого достоинства вѣроятности и истины, тѣмъ болѣе, что они съ умысломъ клевещутъ на человѣческое сердце. И въ Шекспирѣ есть тѣ-же стороны жизни, за которыя неистовая литература такъ исключительно хватается, но въ немъ онѣ не оскорбляютъ ни эстетическаго, ни нравственнаго чувства, потому—что, вмѣстѣ съ ними, у него являются и противоположныя имъ, а главное, потому—что онъ не думаетъ ничего развивать и доказывать, а изображаетъ жизнь, какъ она есть». И высказавъ за тѣмъ снова мысль о томъ, что искусство возвышаетъ человѣка до созерцанія безконечнаго, Бѣлинскій сейчасъ-же и нашелъ нужнымъ замѣтить, что «оно достигаетъ этого тогда только, когда въ частныхъ явленіяхъ показываетъ общее и разумно-необходимое, и когда представляетъ ихъ въ объективной полнотѣ, цѣлости и оконченности замкнутыми въ самихъ себѣ. Если, продолжаетъ онъ, въ трагедіи гибель и смерть ея героевъ явились какъ внутренняя необхо-

имость изъ ихъ характеровъ и дѣйствій, какъ разрѣшеніе ими-же произведенной дисгармоніи въ гармонической сферѣ духа, для осуществленія нравственнаго закона,—мы примиряемся съ нею и умиленною душою предаемся тихой и глубокой думѣ о поразительномъ урокѣ; но когда гибель и смерть героевъ трагедіи являются вслѣдствіе страсти поэта къ ужаснымъ и поражающимъ эффектамъ, какъ у какого-нибудь Гюго, или по другой, внѣшней, случайной, а слѣдовательно, и безсмысленной причинѣ, — это возбуждаетъ въ насъ отвращеніе и омерзѣніе, какъ зрѣлище казни или пытки. Такъ точно и страданія субъективнаго духа могутъ быть предметомъ искусства, а слѣдовательно и не оскорблять нравственности, если они изображены объективно, просвѣтлены мыслію, свидѣтельствующею о разумной необходимости ихъ явленія. Но когда они суть воплі самого поэта, то и не могутъ быть художественны, потому что кто вопитъ отъ страданія, тотъ не выше своего страданія,— слѣдовательно и не можетъ видѣть его разумной необходимости, но видитъ въ немъ случайность, а всякая случайность оскорбляетъ духъ и приводитъ его въ раздоръ съ самимъ собою, слѣдовательно и не можетъ быть прод-

ветомъ искусства. Гете, въ своемъ «Вертерѣ», по собственному признанію, выразилъ моментальное состояніе своего духа, тяжко страдавшаго; «Вертеромъ», по собственному же его признанію, онъ и вышелъ изъ своего мучительнаго состоянія. И вотъ истинная причина, почему чтеніе «Вертера» производитъ на душу такое тяжкое, дисгармоническое впечатлѣніе, не услаждая, а только терзая ее; вотъ почему «Вертеръ» и представляется чѣмъ то неполнымъ, какъ-бы неоконченнымъ. Это не художественное произведеніе, а рѣжущій, скрипучій диссонансъ духа. Поэтому, если онъ не есть безнравственное произведеніе, то и нисколько не есть нравственное произведеніе. Гете измѣнилъ въ немъ самому себѣ, явился невѣрнымъ своей художнической натурѣ» (Т. III, стр. 327, 329—330 и 333—334).

Итакъ вопросъ о вліяніи искусства на нравственность разрѣшенъ и каждому изъ насъ оставалось бы только повторить съ Бѣлинскимъ: «прекрасна и любезна истина и добродѣтель, но и красота также прекрасна и любезна и одно другаго стоитъ, одно другаго замѣнить не можетъ, но то и другое въ одинаковой степени составляетъ потребность нашего духа» (Т. VIII, стр. 369), но моралисты—народъ не такъ то

успѣшный и для окончательно-полнаго рѣшенія избраннаго вопроса, намъ приходится еще нѣсколько остановиться на немъ. Именно моралисты могутъ согласиться съ тѣмъ, что искусство, понимаемое въ смыслѣ откровенія таинства жизни, дѣйствительно можетъ нравственно улучшать и возвышать человѣка, но они могутъ предложить при этомъ такого рода вопросъ: «зачѣмъ-же все-таки рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ чувствованій природы и любви и трогать сердце и поучать умъ»? Возраженіе это, нужно сказать, съ перваго взгляда таково, что имѣетъ весь видъ основательности. И въ самомъ дѣлѣ, отчего-жь искусству не дѣлать выбора между явленіями жизни? Отчего-жь ему не останавливаться именно только на успокоивающемъ душу и поучающемъ умъ? Вѣдь это лучше, повидимому, и полезнѣе? И моралисты дѣйствительно любятъ останавливаться на такой мысли, придавая ей всю важность чего-то не ультраразумнаго. Бѣлинскій съ своей стороны предвидѣлъ это возраженіе и потому постарался и на него отвѣтить. Называя его старой пѣснью на столько-же, на сколько стара пѣсня: «Выйду ль я на рѣченьку», онъ основы-

ваетъ силу своего доказательства на томъ, что вся польза и нравственность заключаются для человѣка не въ иномъ чемъ, какъ только въ истинѣ, а она только въ сущемъ. «Литература, говоритъ Бѣлинскій, восьмнадцатаго вѣка была по преимуществу моральною и разсуждающею; въ ней не было другихъ повѣстей, какъ contes moraux и contes philosophiques, однако-жь эти нравственныя и философскія книги никого не исправили, а вѣкъ все-таки былъ по преимуществу безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства, какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные, или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда или природой отказано въ нравственномъ чувствѣ или оно искорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнью, тогда его разсудокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственно-

сти. Говоримъ: разсудокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія, а разсудокъ, лишенный содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ; они не обращаютъ никакого вниманія на то, что есть, и не предчувствуютъ его необходимости; они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство, еще за долго до XVIII вѣка,—искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ неужели мѣсто дѣйствія расиновскихъ и корнелевскихъ трагедій—земля, а не воздухъ; ихъ дѣйствующія лица—люди, а не марьонетки? Принадлежатъ ли эти цари, герои, царедворцы, и вѣстники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? Говорилъ-ли кто-нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ? Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости; онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло

навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находитъ своихъ магическихъ витязей. Такъ думали быть поэтами, воспѣвая Хлой, Филлидъ, Дорид въ фижмахъ и мушкахъ, и Меналковъ, Даметовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилисовъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ, выхваляли мирную жизнь подъ соломенною кровлею у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милой подругой, невинной пастушкою, въ то время, какъ сами жили въ позолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ овечекъ и для доставленія себѣ оныхъ благъ готовы были на всяческая. Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемѣріемъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понялъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости. Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина — въ сущемъ, т.-е. въ томъ, что есть. Потому и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности Задача нашего не

кусства не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлію, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково-бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, — его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благодатно, и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою». (Т. III, стр. 603—606).

Да притомъ и самое понятіе о прекрасномъ и безобразномъ явленіи Бѣлинскій считаетъ только понятіемъ относительнымъ. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, развѣ вы можете назвать то или другое явленіе прекраснымъ, а это безобразнымъ безъ отношеній?... Развѣ не одинъ и тотъ-же духъ Божій создалъ кроткаго агнца и кровожаднаго тигра, статную лошадь и безобразнаго кита, красавицу-черкешенку и урода-негра? Развѣ онъ больше любитъ голубя, чѣмъ ястреба, соловья, чѣмъ лягушку, газель, чѣмъ удава? Для чего-же поэтъ долженъ изображать вамъ одно прекрасное, одно умиляющее душу и сердце? Если Гамъ-Исландецъ можетъ существовать въ природѣ, то я право не понимаю, чѣмъ онъ хуже какого-нибудь Карла Моора, или даже маркиза Позы? Я люблю Карла Моора, какъ человѣка, обожаю По-

зу, какъ героя, и ненавижу Гана-Исландца, какъ чудовище; но какъ создание фантазии, какъ частныя явления общей жизни, они для меня всѣ равно прекрасны. Если поэтъ изображаетъ вамъ, подобно какому-нибудь Сю, одно ужасное, одно злое природы, это доказываетъ, что кругозоръ его ума тѣсенъ, что его творческій геній ограниченъ, а ничуть не обнаруживаетъ въ немъ дурнаго, безнравственнаго человѣка. Вотъ, когда онъ своими сочиненіями старается заставить васъ смотрѣть на жизнь съ его точки зрѣнія, въ такомъ случаѣ онъ уже и не поэтъ, а мыслитель, и мыслитель дурной, злонамѣренный, достойный проклятія, потому-что поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя. Вамъ нравится ода «Богъ» Державина? Но этотъ-же Державинъ написалъ «Мельника». Вы осуждаете Пушкина за многія вольности въ «Русланѣ и Людмилѣ»? Но этотъ же Пушкинъ создалъ вамъ «Бориса Годунова». Отчего-же такія противорѣчія въ ихъ художественномъ направленіи? Оттого, что они хорошо помнятъ правило:

Теперь гонись за жизнью дивной,
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

«Да—искусство есть выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ! Прекрасно было гдѣ-то сказано, что повѣсть есть краткій эпизодъ изъ безконечной поэмы судебъ человѣческихъ! Подъ это опредѣленіе повѣсти подходятъ всѣ роды художественныхъ созданій Все искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы поставить читателя на такую точку зрѣнія, съ которой-бы ему видна была вся природа въ сокращеніи, въ миніатюрѣ, какъ земной шаръ на ландкартѣ, чтобы дать ему почувствовать вѣяніе, дыханіе этой жизни, которая одушевляетъ вселенную, сообщить его душѣ этотъ огонь, который согрѣваетъ ее. Наслажденіе-же изящнымъ должно состоять въ минутномъ забвеніи нашего я, въ живомъ сочувствіи съ общею жизнію природы; и поэтъ всегда достигнетъ этой прекрасной цѣли, если его произведеніе есть плодъ возвышеннаго ума и горячаго чувства, если оно свободно и безотчетно вылилось изъ его души» (Т. I, стр. 25—26)

Но моралисты—люди запасливые на всякій случай. Такъ они готовы послѣ долгихъ споровъ, пожалуй, признать и то, что поэтъ дѣйствительно имѣетъ право равно изображать всѣ явленія жизни, но они твердо настаиваютъ, по-крайней-

чѣрѣ, на томъ, чтобы искусство ясно при этомъ говорило, что добродѣтель награждается, а порокъ наказывается, чтобы и романъ, и драма, и поэма непремѣнно выводили въ концѣ именно это заключеніе, а не относились-бы къ явленію безучастно. Изображать иначе, по ихъ мнѣнію, не только безнравственно, но и составляетъ преступленіе передъ обществомъ. А между-тѣмъ по взгляду Бѣлинскаго на искусство это выходить не такъ и искусство не должно имѣть такой цѣли. Обращаясь къ художественнымъ произведеніямъ, мы видимъ тоже отступленіе отъ этого правила. Тутъ какъ быть? Тутъ какъ выйдти изъ затрудненія? Не бойтесь, читатель; Бѣлинскій предвидѣлъ и это затрудненіе и съумѣетъ вывести насъ изъ него. «Какое мнѣ дѣло, говоритъ онъ прежде всего въ отвѣтъ этимъ моралистамъ, что въ романѣ или драмѣ добродѣтельный погибаетъ, а порочный торжествуетъ? Если добродѣтельный боится пасть за правду, если онъ ропщетъ на Провидѣніе за то, что оно попускаетъ торжествовать надъ нимъ пороку, онъ уже не добродѣтельный, онъ поденьщикъ, просящій платы за труды; онъ любитъ добро не для добра, а изъ желанія награды. Нѣтъ, если онъ добродѣтеленъ истинно,

то благодари Провидѣніе за бѣдствіе, лобызай карающую руку. Если во мнѣ есть чувство добра, меня не испугаетъ зрѣлище ужасовъ и страданій, вопль проклятій и богохуленій, представляемыхъ мнѣ Евгеніемъ Сю, Бальзакомъ, Лакруа и другими, ибо царство добраго не отъ міра сего. Вотъ другое дѣло литература XVIII вѣка, она не такъ глубока и ужасна; она напротивъ очень весела и снисходительна къ слабостямъ человѣческимъ, но за-то и убійственна для чувства нравственности, соблазнительна и развратна. Эти сцены сладострастія, набросанныя игривою кистью съ чувствомъ самоуслажденія, эти невинныя эпиводіи, отъ которыхъ замираетъ молодая кровь юноши и волнуется грудь дѣвушки, — вотъ она — «ядовитая отрава нравовъ». (Т. I, стр. 417). Ложность взгляда моралистовъ въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Бѣлинскаго, состоитъ именно въ томъ, что они хотятъ видѣть непремѣнно видимое, внѣшнее торжество добродѣтели и наказаніе порока, а «близорукіе и косые — они и не понимаютъ, что добродѣтель всегда награждается и зло всегда наказывается, но только внутренно, а внѣшнимъ-образомъ торжество чаще остается за зломъ, чѣмъ за добромъ». И вотъ этого-то внутренняго торжества

добра и наказанія зла и слѣдуетъ искать въ художественномъ произведеніи и мы найдемъ его непремѣнно «Они, говоритъ онъ о моралистахъ, не понимаютъ, что добро есть лучшая награда за добро, и зло ж сточайшее наказаніе за зло. Въ душѣ человѣка и его небо, и его адъ Прочтите, напр., высоко-художественное созданіе Вальтеръ-Скотта: «Ламмермурскую Невѣсту», эту великую трагедію, достойную генія самого Шекспира, эту высокопоразительную картину, въ формѣ романа, осуществившую трагическую борьбу, разрѣшившуюся въ торжество нравственнаго закона. Мать губитъ собственную дочь для удовлетворенія своей суетно ти и грѣховныхъ побужденій холодной и искаженной души; обманомъ и хитростію разрываетъ она святой духовный союзъ юнаго дѣвственнаго существа съ избраннымъ ея сердца, съ родною ей душою. Бѣдную, кроткую дѣвушку увѣрили, что милый изъѣнилъ ей, что жданный и желанный не придетъ уже къ ней, и указали безотвѣтной жертвѣ на чуждаго ей человѣка какъ жениха, а молчаніе ея умышленно приняли за согласіе. И вотъ коварство и злоба восторжествовали: брачный контрактъ уже подписанъ безответственною жертвою, священникъ уже тутъ,

а милый супругъ далеко, далеко, за синимъ моремъ, на чужой землѣ, подъ чуждымъ небомъ.... Резонеры готовы вопіять противъ поэта, говоря, что онъ сдѣлалъ зло сильнымъ и торжествующимъ, а добро — немощнымъ и погибающимъ.... Но вотъ раздается на дворѣ замка топотъ коня и въ залу входитъ человѣкъ, закрытый плащомъ и шляпою.... Вотъ онъ открываетъ лице—и мать въ бѣшенствѣ бросается къ нему съ вопросомъ: какъ онъ осмѣлился нанести ихъ дому это новое оскорбленіе?... Видите-ли: зло покарало зло — нравственный законъ осуществился; коварство, такъ глубоко обдуманное, такъ легко и непредвидѣнно разрушилось. Братъ Люсіи вызываетъ его на дуэль, женихъ тоже; онъ не отказывается, но спокойно проситъ у матери позволенія объясниться съ дочерью....«Ваша ли рука это, Люсія? безъ принужденія-ли вы подписали этотъ контрактъ?» Люсія блѣднѣетъ и умирающимъ голосомъ отвѣчаетъ: «Безъ принужденія....». Отчего-же она поблѣднѣла? Оттого, что и на ней совершилось осуществленіе нравственнаго закона, и она наказана за вину собственною вліою, потому-что въ мигомъ сердца своего увидѣла грознаго судію. Она не имѣла права подписывать

контракта и нести чуждому человѣку холодную душу, мертвое сердце, блѣдное лицо и потухшія очи, потому-что и церковь, освящающая своимъ благословеніемъ союзъ сердецъ, изрекаетъ его только на условіи свободнаго выбора сердца; повиновеніе волѣ родительской не есть причина для нарушенія воли Божіей, Богъ выше родителей.... «Такъ возвратите-же мнѣ половину моего кольца, Люссія....». Она тщетно силилась дрожащею рукою вынуть шнурокъ, на которомъ хранилось на груди кольцо, мать помогаетъ ей, и Равенсвудъ бросаетъ обѣ половинки переломленнаго кольца въ каминъ и тихо выходитъ.... Долго ѣхалъ онъ шагомъ, но лишь исчезъ изъ глазъ смотрѣвшихъ на него враговъ, какъ молніею помчался на своемъ конѣ. Лэди Астонъ снова восторжествовала; вотъ кончены и обряды; вотъ тянется отъ церкви къ замку блестящій поѣздъ и три вѣдьмы, три нищія толкуютъ между собою о событіи, а одна пророчитъ близкія похороны. Вотъ начался и балъ; онъ уже во всемъ разгарѣ, но вдругъ въ спальнѣ новобрачныхъ раздается вопль.... выламываютъ дверь: новобрачный лежитъ на постели съ перерѣзаннымъ горломъ, а сумасшедшую новобрачную едва нашли въ каминѣ, и черезъ два дня новый по-

ѣздъ отъ замка къ церкви, и отъ церкви къ замку.. . Поздравляемъ васъ, гордая и благородная лэди Астонъ! вы побѣдили, вы торжествуете, вы поставили на своемъ; вы даже пережили и мужа, и всѣхъ дѣтей, и того, кто одинъ могъ сдѣлать счастливою дочь вашу, вы остались одинѣ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ надгробный памятникъ нѣсколькихъ вырытыхъ вами могилъ; говорятъ, что вы держали себя все-такою - же гордою, такою-же непреклонною, какъ и прежде, что никто не слышалъ отъ васъ ни стона, ни жалобы, ни раскаянія; но къ этому прибавляютъ, что на вашемъ благородномъ и гордомъ лицѣ читали что—то другое, нежели что хотѣли вы показать, и что ваше присутствіе оледенило улыбку на лицѣ младенца, умерщвляло всякую радость, всякое чувство человѣческое, и оцѣпеняло души людей, какъ появленіе мертвеца или страшнаго призрака.... И вотъ въ чемъ торжество нравственности, а не въ счастливой развязкѣ!.... Поэтому нужно было показать, а не доказать; въ искусствѣ что показано, то уже и доказано. Поэту не нужно было излагать своего мнѣнія, которое читатель и безъ того чувствуетъ въ себѣ по впечатлѣнію, которое произвелъ на него разсказъ поэта. Моральныя сен-

тенціи и правоученія со стороны поэта только ослабили-бы силу впечатлѣнія, которое одно тутъ и нужно и дѣйствительно. Да! въ дѣйствительности зло часто торжествуетъ надъ добромъ, но вѣчная любовь никогда не оставляетъ чадъ своихъ; когда страданіе переполняетъ чашу ихъ терпѣнія, является успокоительный ангелъ смерти, и братскимъ поцѣлуемъ освобождаетъ «добрыхъ» отъ бурной жизни и кроткою рукою смежаетъ ихъ очи, и мы читаемъ на просіявшемъ лицѣ страдальцевъ тихую улыбку, какъ будто уста ихъ, договаривая свою теплую молитву прощенія врагамъ, привѣтствуютъ уже тотъ новый міръ блаженства, предощущеніе котораго они всегда носили въ себѣ! И надъ могилою совершается торжество примиренія: человѣчество благословляетъ ихъ память, и повѣстію объ ихъ страданіяхъ не возмущается противъ жизни, а мирится съ нею въ умиленномъ сердцѣ, и укрѣпляется въ силѣ великодушно бороться съ бурями бѣдствій. А— злые? Страшно ихъ торжество, и только безсмысленные могутъ завидовать ему.... Но резонеры говорятъ свое; ихъ ничѣмъ не увѣришь, потому—что они чужды духа и духъ чуждъ ихъ; они понимаютъ одно внѣшнее и безсильны заглянуть въ таинственную лабораторію чувствъ

и ощущеній; они готовы любить добро, но за вѣрную мзду въ здѣшней жизни, и мзду земными благами. Они громче всѣхъ кричатъ о Богѣ, — но потребуй отъ нихъ Богъ жертвы, пошли на нихъ тяжелое испытаніе — они перейдутъ на сторону Ваала и поклонятся до земли тельцу златому». (Т. III, 323—327).

Итакъ искусство не можетъ не дѣйствовать нравственно на человѣка, ибо что изящно, то и нравственно, хотя никакъ нельзя сказать того же наоборотъ, т. е. что нравственно, то уже и художественно. И вотъ, понятно, изъ какого начала вытекала мысль Бѣлинскаго о театрѣ, какъ мѣстѣ высокихъ наслажденій, какъ о такомъ мѣстѣ, откуда, разумѣется, при условіяхъ благопріятныхъ, народъ можетъ выносить высокія ощущенія, благородныя мысли и гдѣ онъ можетъ учиться, какъ-бы въ школѣ Эта мысль, какъ видите, не съ вѣтра, но такъ себѣ сказана, но имѣетъ твердое основаніе, вытекаетъ изъ самаго понятія объ искусствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сама собой изъ предложеннаго взгляда вытекала и мысль Бѣлинскаго о необходимости для родителей развивать въ своихъ дѣтяхъ чувство изящнаго, знакомить ихъ съ замѣчательными произведеніями художества. Онъ вѣрилъ глубоко

и не могъ не вѣрить въ пользу такого воспитанія. Чувство изящнаго въ его понятіи, [illegible] и являлось необходимымъ условіемъ достоинства человѣческаго (Т. II, стр. 6[illegible]).

Все до-сихъ-поръ нами сказанное приводитъ къ тому заключенію, что Бѣлинскій, признавая основаніемъ для нравственности книгу евангелія, въ то-же время, какъ на очень важныя въ этомъ дѣлѣ пособія, смотритъ и на просвѣщеніе и искусство. Они помогаютъ, по его взгляду, нравственному развитію человѣка при нихъ это развитіе можетъ идти лучше и быстрѣе. Это, конечно, значитъ не то, чтобы человѣкъ простой и необразованный [illegible] быть нравственнымъ человѣко[illegible] [illegible] не согласится и съ тѣмъ, что онъ не можетъ-же такъ твердо знать и такъ хорошо понимать сущности нравственнаго поступка и возвышаться до такой его чистоты, [illegible] человѣкъ просвѣщенный? Но судя такъ о дѣлѣ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, мы, еще нужно сказать, не вышли изъ противорѣчій, мы еще не на томъ пути, гдѣ-бы намъ никто не могъ сдѣлать возраженія. Намъ могутъ сказать слѣдующее: «вы соединяете евангеліе и христіанство съ наукой и искусствомъ, но они сами по себѣ несоединимы: христіан

ство не допускаетъ ни того ни другаго. А такіе мыслители и были и найдутся теперь. Имъ нравится почему-то представлять христіанство чѣмъ-то безсодержательнымъ, неимѣющимъ твердаго основанія ни государству, ни общественности, ни наукѣ, ни искусству, такъ-что все это находитъ будто-бы свое оправданіе и пріютъ себѣ только внѣ христіанства, за чертой его. Грустно слушать такія сужденія, но—что дѣлать?—приходится; приходится потому и отвѣчать на нихъ. Бѣлинскій впрочемъ и здѣсь предупредилъ насъ. Именно вотъ что говоритъ онъ въ отвѣтъ подобнымъ мыслителямъ «Нѣкоторые, пишетъ онъ, поверхностные мыслители говорили и писали, что будто христіанство отрицаетъ государство, общественность, науку и искусство, потому-что въ евангеліи ни о чемъ этомъ не говорится. Что христіанство не отрицаетъ государства, какъ необходимой формы существованія человѣчества, это ясно изъ словъ Спасителя: «воздадите кесарева кесареви, Божія Богови», и изъ многихъ мѣстъ евангелія, гдѣ говорится о земныхъ властяхъ Но и это еще не главное, еще не причина, а только слѣдствіе, все дѣло въ сущности основной идеи; такъ-какъ основная идея евангелія—идея божественной любви, осуществив

шейся страданіями и кровью за чадъ своихъ, такъ-какъ эта идея есть идея всеобъемлющая, все въ себѣ заключающая, все собою условливающая, и въ себѣ самой носящая, какъ зерно, растительную силу, всѣ свои будущіе моменты и проявленія, — то благодатно-оплодотворяла она историческое развитіе и производила и производитъ и никогда не перестанетъ производить всѣ цвѣты и всѣ плоды небесные. Поэтому-то христіанская религія дала обновленному міру такое богатое содержаніе жизни, которое не изжить ему въ вѣчность, потому-что все, что ни есть теперь чѣмъ ни гордится, чѣмъ ни наслаждается современное человѣчество,—все это вышло изъ плодотворнаго съмени вѣчныхъ, неприкосновенныхъ глаголовъ божественной жизни новаго завѣта. Только въ ней и можетъ и должно искать торжества христианской Европы надъ всѣмъ остальнымъ нехристіанскимъ міромъ, слабымъ и ничтожнымъ въ своей громадной величинѣ передъ этою малѣйшею частію свѣта. Не изъ христіанства ли вышло все гражданское устройство среднихъ вѣковъ? Римляне завѣщали намъ гражданское право, вышедшее изъ чисто-отвлеченной мысли, и юридическія формы; но уваженіе къ личности человѣка, котораго Самъ

Богъ взялъ сыномъ своимъ, уваженіе къ внутреннему человѣку вышло изъ евангелія, изъ идеи равенства людей передъ судомъ Божіимъ, изъ идеи равенства права на отеческую любовь и милость Божію. Въ евангеліи ничего не говорится объ искусствѣ, но божественный Спаситель называлъ себя сыномъ царственнаго пѣвца и пророка Давида и христіанству обязано своими блистательнѣйшими вдохновеніями искусство среднихъ вѣковъ; ему обязана своимъ возникновеніемъ и развитіемъ и готическая архитектура — этотъ образъ безконечнаго стремленія въ царство духа, и живопись съ музыкою. — эти по преимуществу (особенно послѣдняя) романтическія искусства... И вотъ въ средніе вѣка живопись сдѣлалась орудіемъ религіи, ея служительницею; возникла — Искусство романтическое по самой своей сущности, какъ выраженіе внутренней жизни субъективнаго духа и ея гармонія загремѣла гимномъ Богу» (Т. III, стр. 346—349)

Итакъ вопросъ объ отношеніи нравственности христіанской къ наукамъ и искусствамъ мы можемъ считать за вполнѣ рѣшеный Бѣлинскимъ. Но интересно послѣ этого взглянуть, — въ какія отношенія ставитъ Бѣлинскій нравственнаго человѣка — къ обществу, къ его

обычаямъ, правамъ и какое положеніе онъ считаетъ для него здѣсь возможнымъ. Вопросъ опять—очень интересный и живой. Относительно его понятія моралистовъ едва-ли еще не болѣе спутаны, чѣмъ относительно вопроса о связи нравственности въ наукой и искусствомъ. Строгіе, суровые, проникнутые духомъ аскетизма и его образцы берущіе за мѣрку сужденія обо всемъ, они съ понятіемъ о нравственности неразрывно соединяютъ понятіе о ней, какъ о какой-то бездомницѣ и лохмотницѣ, ровно ничего у себя неимѣющей и ничѣмъ невладѣющей. Она по ихъ понятію, въ мірѣ безприятная сирота, загнанная, забитая, осмѣянная, — и иной быть не можетъ. Понятіе богатства въ ихъ глазахъ рѣшительно несовмѣстимо въ ней. Нравственный человѣкъ не можетъ быть богатымъ и среди довольства нечего искать его. Онъ, по ихъ понятію, непремѣнно долженъ быть и нищъ и наг; иначе въ ихъ головѣ не укладывается понятіе о немъ. И послушайте ихъ—этихъ строгихъ моралистовъ, они вамъ представятъ много доказательствъ въ пользу своей мысли. Можетъ-ли, говорятъ они, отказывать себѣ въ удовольствіяхъ тотъ, кому они даются вообще такъ легко! Пойметъ-ли и

успѣха другаго. Крестьянинъ, жилище котораго не лучше хлѣва, который раздѣляетъ его съ домашними животными и который дурно одѣтъ, дурно ѣстъ, такой крестьянинъ не можетъ быть нравственнымъ человѣкомъ: если онъ не воръ, то лѣнтяй и во всякомъ случаѣ существо оскотинившееся. Добродѣтель въ нищетѣ есть явленіе исключительное, достояніе тѣхъ сильныхъ организацій, тѣхъ энергическихъ характеровъ, которые такъ же рѣдки, какъ и геній. Добродѣтель гораздо хуже уживается съ нищетою, чѣмъ съ чрезмѣрнымъ богатствомъ, хотя она и рѣдка въ б[illegible] (Т. X. стр. 173). Какая опять смѣлая мысль и какое опять видимое противорѣчіе съ моралистами! И какой въ то-же время новый прекрасный случай для нихъ уличать Бѣлинскаго и въ матеріализмѣ и въ эпикуреизмѣ и въ чемъ угодно. «Чувственныя удовольствія-де проповѣдуетъ»—кричи да и только. Но остановимся на высказанной мысли повнимательнѣй и посмотримъ, не дойдемъ-ли и здѣсь до результатовъ въ его-же пользу.

Богатство, довольство, говорятъ моралисты, не даетъ человѣку чувствовать нужды и страданія другаго, не даетъ ему силъ отказывать себѣ въ удовольствіи, говоря проще, отума-

пвастъ человѣка. Мысль—вѣрная. Тотъ, кто привыкъ постоянно спать на мягкомъ ложѣ, конечно, плохо пойметъ положеніе того, кто спитъ на голомъ полу, и самъ спокойный станетъ ли безпокоить себя мыслью о другихъ? Счастливый жизнью станетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ думать о своемъ самоусовершеніи? Даются блага—значитъ достоинъ ихъ, вотъ мысль, которая такъ и готова забраться въ голову всякаго счастливца. Но вопросъ: развѣ Бѣлинскій непремѣнно всякаго богача такъ безъ разбора и считаетъ человѣкомъ нравственнымъ? Напротивъ онъ самъ-же находитъ нравственность рѣдкою въ богатствѣ. Да къ тому-жъ нужно замѣтить и то, что между отуманивающимъ богатствомъ и матеріальнымъ благосостояніемъ есть много посредствующихъ степеней. А съ другой стороны — уклоненіе человѣка отъ цѣли своего назначенія вслѣдствіе внѣшняго благоденствія есть-ли прямое и непремѣнное слѣдствіе этого благосостоянія? Такъ ли здѣсь тѣсна и тверда связь, чтобъ за однимъ непремѣнно слѣдовало другое. Напротивъ это уклоненіе отъ цѣли не есть ли уже крайность? На самомъ дѣлѣ ея легко можетъ и не быть; и мало того, что можетъ не быть этого уклоненія; можетъ быть, напротивъ, еще лучшее,

тчащее достиженіе цѣли назначенія. Человѣкъ обезпеченный не видитъ повода роптать на Бога и на людей и находитъ для себя постоянный случай и благодарить Творца, и любить родъ человѣческій; любя-же ближняго, онъ имѣетъ болѣе средствъ проявить эту любовь. Не имѣя нужды заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба, онъ этимъ самымъ имѣетъ всю возможность быть тѣмъ внимательнѣе къ себѣ, и тѣмъ сосредоточеннѣе въ дѣлѣ своего воспитанія. Онъ не развлекается, его не безпокоятъ ни стоны жены, ни вопли голодныхъ дѣтей, ни какое-нибудь несчастное и разстроенное состояніе; — кратко: его добродѣтели менѣе соблазновъ и болѣе средствъ проявить себя, такъ-что сохранить при довольствѣ добродѣтель не составляетъ чего либо исключительнаго. Человѣкъ, значитъ, не забылся и только. То-ли съ бѣдностью и нищенствомъ? Человѣкъ, нуждающійся въ кускѣ насущнаго хлѣба, терпящій голодъ, дрожащій за будущій день, необходимо тѣмъ самимъ постоянно привязанъ къ мірскому и не имѣетъ возможности и свободы отрѣшиться отъ заботъ о немъ. Нужды матеріальныя постоянно требуютъ отъ него попеченій, постоянно напоминаютъ о себѣ и тѣмъ не даютъ ему времени подумать о чемъ-

нибудь высшемъ. Вотъ отчего и видимъ мы, что развитіе въ извѣстномъ обществѣ образованія идетъ всегда въ уровень съ развитіемъ матеріальнаго его благосостоянія. Бѣдному не до науки,—точно такъ, какъ ему и не до нравственнаго самоусовершенія. И сколько препятствій должна встрѣтить бѣдность на пути нравственнаго развитія! Сколько для бѣднаго поводовъ и къ ропоту на Провидѣніе и къ ненависти людей! Сколько выпадаетъ минутъ полнаго отчаянія! Сколько соблазна къ преступленію! Голодъ не терпитъ. А между-тѣмъ вся обстановка жизни бѣдняка лишь служитъ соблазномъ, а не поддержкой. Жизнь въ какомъ-нибудь подвалѣ, среди пьяницъ и мошенниковъ, не можетъ-же служить такой поддержкой. И вотъ романисты говорятъ совершенную правду, когда хотятъ намъ представить развитіе порока изъ бѣдности. За романистовъ въ этомъ случаѣ ручается статистика. Эта неумолимая наука, вся основанная на фактахъ и цифрахъ, которыхъ уже не отвергнешь, и которые однакожъ говорятъ краснорѣчивѣй всякихъ словъ, доказываетъ несомнѣнно, что изъ 100 преступленій болѣе чѣмъ половина имѣютъ основаніемъ своимъ и началомъ бѣдность и неразлучное съ ней необразованіе. Говорить о терпѣніи, о твер-

дости воли легко, но трудно на самомъ дѣлѣ и представить чтобы человѣкъ, два дня ничего неѣвшій, не посягнулъ на карманъ ближняго, если только можно. Мало того, знаменитый статистикъ и ученый Бокль пришелъ къ тому выводу, что и число ежегодно заключаемыхъ браковъ зависитъ не отъ характера и отъ же [illegible]

«Теперь, говоритъ онъ, уже извѣстно, что браки имѣютъ постоянное и опредѣленное отношеніе къ цѣнѣ на хлѣбъ, а въ Англіи опытъ цѣлаго столѣтія доказалъ, что браки вмѣсто того, чтобы находиться въ какой-либо [illegible] личными чувствованіями, зависитъ просто отъ средняго размѣра заработковъ въ массѣ народа, такъ-что это важное общественное и религіозное учрежденіе находится не только въ связи съ цѣнами на хлѣбъ и размѣромъ задѣльной платы, но и въ полной отъ нихъ зависимости» (Ист. Цив. Англіи Бокля, Т. I, вып. 1). Итакъ бѣдность, какъ видимъ, ставитъ со всѣхъ сторонъ преграды нравственному развитію человѣка; но имѣетъ-ли за то она хоть что-нибудь въ себѣ и благопріятствующее этому развитію? Богатство, какъ мы указали, имѣетъ такія въ себѣ стороны,—а бѣдность? Въ ней ихъ нѣтъ. Слѣдовательно вотъ ужъ первое ос-

нованіе для того, чтобы признать мысль Бѣ-
линскаго вѣрною. А если посмотрѣть глубже на
дѣло, то и окажется, что эта мысль—чистая
аксіома; за нее статистика и политическая
экономія. Какъ существу разумно-свободному
человѣку возможна нравственность и въ нище-
тѣ, но [illegible] здѣсь ему придется бороться
на каждомъ шагу съ препятствіями, на что [illegible]
[illegible]ся можетъ не всякій, то [illegible]
[illegible] можно [illegible]
[illegible] не многихъ. И вотъ почему
Бѣлинскій находилъ истинной и благородной
[illegible]
[illegible], хотя и судилъ [illegible]
[illegible] части. «У на[illegible]
Бѣлинскій въ раскрытіи своего взгляда [illegible]
на [illegible]—въ Россіи, гдѣ выраженіе «умереть с
голоду» [illegible] потому,
что въ Россіи не [illegible]
[illegible]
[illegible] возможности умереть съ
голоду. У насъ въ Россіи не всѣ понѣ[illegible]
безъ труда, что въ Англіи и во Франціи го-
лодная смерть для бѣдныхъ—самое обыкновен-
ное и нисколько не необыкновенное дѣло. Нѣсколь-
ко недѣль, два-три мѣсяца болѣзни или не-
достатка въ работѣ и бѣдный пролетарій до

женъ умереть съ семействомъ, если не прибѣгнетъ къ преступленію, которое должно повести его на гильотину» (Т. IX, стр. 11).

Послѣ всего сказаннаго нами уже, кажется, нѣтъ нужды объяснять то, какъ съ понятіемъ Бѣлинскаго о нравственности могла вязаться и мысль о свѣтскости. Вѣрный себѣ самому, Бѣлинскій не могъ обращаться къ ней съ бичемъ гонителя, да и не видѣлъ причины; напротивъ онъ вѣритъ, что она можетъ только улучшить человѣка, а не испортить. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу, разбирая типъ Онѣгина: «Мы знаемъ, разсуждаетъ онъ, что наши литераторы не любятъ свѣта и свѣтскихъ людей, хотя и помѣшаны на страсти изображать ихъ. Что касается лично до насъ, мы совсѣмъ не свѣтскіе люди и въ свѣтѣ не бываемъ, но не питаемъ къ нему никакихъ мѣщанскихъ предубѣжденій. Когда высшій свѣтъ изображается такими писателями, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, мы любимъ литературное изображеніе большаго свѣта такъ же, какъ и изображеніе всякаго другаго свѣта и не-свѣта, съ талантомъ и знаніемъ выполненное. Только въ одномъ случаѣ не можетъ терпѣть большаго свѣта,

менно, когда изображаютъ его сочинители, которымъ должны быть гораздо знакомѣе нравы кандитерскихъ и чиновничьихъ гостиныхъ, чѣмъ аристократическихъ салоновъ. Позвольте сдѣлать одну оговорку: мы отнюдь не смѣшиваемъ свѣтскости съ аристократизмомъ, хотя и чаще всего они встрѣчаются вмѣстѣ. Будьте вы человѣкомъ какого вамъ угодно происхожденія, держитесь какихъ вамъ угодно убѣжденій,—свѣтскость васъ не испортитъ, а только улучшитъ. Говорятъ: въ свѣтѣ жизнь тратится на мелочи, самыя святыя чувства приносятся въ жертву разсчету и приличіямъ. Правда; но развѣ въ среднемъ кругу общества жизнь тратится только на одно великое, а чувство и разумъ не приносятся въ жертву разсчету и приличію? О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Вся разница средняго свѣта отъ высшаго состоитъ въ томъ, что въ первомъ больше мелочности, претензій, чванства, ломанія, мелкаго честолюбія, принужденности и лицемѣрства. Говорятъ: въ свѣтской жизни много дурныхъ сторонъ. Правда; а развѣ въ несвѣтской жизни — одни только хорошія стороны? Говорятъ: свѣтъ убиваетъ вдохновеніе, и Шекспиръ и Шиллеръ не были свѣтскими людьми. Правда, но они не были и ни купцами, ни

мѣщанами, они были просто людьми, такъ-же точно, какъ и Байронъ—аристократъ и свѣтскій человѣкъ — своимъ вдохновеніемъ болѣе всего обязанъ былъ тому, что онъ былъ человѣкъ. Вотъ почему мы не хотимъ подражать нѣкоторымъ нашимъ литераторамъ въ ихъ предубѣжденіяхъ противъ страшнаго для нихъ невидимки—большаго свѣта, и вотъ почему мы очень рады, что Пушкинъ героемъ своего романа взялъ свѣтскаго человѣка. И что же «тутъ дурнаго»? (Т. VIII, стр. 535). Очевидно, въ глазахъ Бѣлинскаго свѣтскость имѣетъ такое-же отношеніе къ нравственности, какъ грація въ поэтическомъ произведеніи, какъ вѣжливость въ обращеніи, какъ лоскъ и блескъ въ вещи; т.-е. это вещи второстепенныя, неимѣющія какого-нибудь важнаго значенія, но во всякомъ случаѣ не такія, которыя могли-бы приносить вредъ, напротивъ онѣ въ состояніи придать нѣсколько цѣны предмету. И вотъ изъ того-же самаго взгляда родился прямо и взглядъ Бѣлинскаго на моды. Какъ и на свѣтскость, Бѣлинскій на моды смотритъ не только снисходительно, но даже видитъ въ нихъ пользу для общества. Такъ разбирая «Провинціальныя бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова», Бѣлинскій

противъ его нападокъ на моду говорить слѣдующее: «Моды нисколько не вредятъ обществу. Кто, при большомъ состояніи, разоряется отъ моды, тотъ мотъ, расточитель, который разорился-бы, если-бы и не было моды; кто, не имѣя состоянія, гонится за модами, тотъ сумасшедшій, который остался бы сумасшедшимъ, если-бы и не было моды. Притомъ, если отъ модъ разоряется одно сословіе, то богатѣетъ другое, слѣдовательно для государства нѣтъ вреда. Сверхъ того, нынѣче уже признано, что и подъ модянымъ фракомъ изъ дорогаго англійскаго сукна и подъ золотистымъ жилетомъ можетъ быть благородное и пламенное сердце, что модная шелковая шляпа можетъ покрывать голову великаго и глубокаго ума. Нынѣче всѣ согласны въ томъ, что странность и непристичіе въ одеждѣ обличаетъ скорѣе суетное желаніе отличиться, выказать себя странностію, обратить на себя общее вниманіе, чѣмъ истинную мудрость. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, который сшилъ бы себѣ долгополый сюртукъ съ высокимъ лифомъ, на гълевьги, на которыя онъ могъ-бы сшить модный сюртукъ, этотъ человѣкъ оказалъ бы себя или чудакомъ, что разумѣется, непредосудительно, или глупцомъ, что очень предо-

судительно. Такъ что же значитъ ваши нападки на моды, почтеннѣйшій старецъ? Знаете-ли вы, что Россія, какъ и всякое государство, обязана своимъ образованіемъ, въ числѣ многихъ другихъ причинъ, наиболѣе модѣ? Петръ Великій обрилъ наши бороды и перемѣнилъ нашъ костюмъ, что было необходимо для нашего сближенія съ Европою и въ умственномъ отношеніи; онъ заставилъ насъ учиться языкамъ и наукамъ. На кого прежде всего пало бремя тягостной, но необходимой реформы? Разумѣется, на дворъ. Двору стало подражать богатое дворянство, этому — мелкое дворянство, этому и разночинцы, а теперь купцы и мѣщане. Если теперь ради образованія, то тогда учились просто изъ моды, чтобъ не отстать отъ высшихъ себя. Общество можетъ идти впередъ только благоразумнымъ и тихимъ отстраненіемъ стараго и замѣненіемъ его новымъ. Да! мода есть благодѣтель общества» (Т. II, стр. 198).

При этомъ мы не можемъ обратить не вниманія и еще на одну очень важную мысль Бѣлинскаго. Именно съ его точки зрѣнія все высокое и благородное и выросло и можетъ вырости только на почвѣ европейской». Годъ для Европы—вѣкъ для Азіи, и вѣкъ для Европы—

вѣчность для Азіи. Все великое, благородное, человѣческое, духовное, взошло, выросло, расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ и принесло роскошные плоды на европейской почвѣ. Разнообразіе жизни, благородныя отношенія половъ, утонченность нравовъ, искусство, наука, порабощеніе безсознательныхъ силъ природы, побѣда надъ матеріею, торжество духа, уваженіе къ человѣческой личности, свѣтость человѣческаго права,—словомъ: все, во имя чего гордится человѣкъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, черезъ что считаетъ онъ себя владыкою всего міра, возлюбленнымъ сыномъ и причастникомъ благости Божіей, — все это есть результатъ развитія европейской жизни. Все человѣческое есть европейское и все европейское—человѣческое». (Т. IV, стр. 352). Эта мысль, какъ не трудно видѣть, стоитъ въ прямой связи съ общимъ взглядомъ Бѣлинскаго и вообще прямо вытекаетъ уже изъ предъидущаго, и замѣтно, составляетъ святое и дорогое убѣжденіе его. Востокъ и западъ въ его глазахъ—двѣ противоположности, и вотъ почему онъ видитъ въ одномъ тьму, въ другомъ свѣтъ. «Азія, говоритъ онъ,—сторона такъ-называемой естественной непосредственности; Европа—страна сознанія; Азія—страна

созерцанія, Европа—воля и разсудка. Вотъ главное и существенное различіе востока и запада, причина и исходный пунктъ исторіи того и другаго. Азія была колыбелью человѣческаго рода и до-сихъ-поръ осталась его колыбелью: дитя выросло, но все еще лежитъ въ колыбели, окрѣпло, но все еще ходитъ на помочахъ. Въ жизни, дѣйствіяхъ и самомъ сознаніи азіятца видна только первобытная естественность—и больше ничего. Азіятца нельзя назвать животнымъ, ибо онъ одаренъ смысломъ и словомъ, но онъ животное въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно назвать животнымъ младенца. Младенецъ есть возможность человѣка въ будущемъ, но въ настоящемъ что такое жизнь его? —растительность и животность. Вопль и слезами изъявляетъ онъ страданіе и горесть; крикомъ и смѣхомъ—радость и удовольствіе. Источникъ его радостей и страданій—его организмъ: здоровъ онъ и сытъ—онъ доволенъ можетъ лакомиться—онъ счастливъ; боленъ и голоденъ—онъ страдаетъ; есть у него пища, но нѣтъ лакомствъ—онъ спокоенъ, но унылъ, страсти его молчатъ, живость ощущеній притупляется; увидитъ лакомство—онъ испускаетъ вопли радости, глаза его сверкаютъ огнемъ и странною живостію. Таковъ и азія-

тецъ. Основа его общественности есть обычай, освященный древностію, давностію и привычкою. «Такъ жили отцы наши и дѣды»— вотъ основное правило и высшее разумное правданіе азіата въ его бытъ и образъ жизни. Прекрасное правило, все оправдывающая причина! Это альфа и омега всякой мудрости, это послѣдній отвѣтъ на всѣ вопросы разума! И къ тому-же оно такъ легко для уразумѣнія, такъ коротко! Спросите черкеса, зачѣмъ онъ свято соблюдаетъ права гостепріимства въ своей саклѣ, и грабитъ, рѣжетъ своего гостя на дорогѣ, подстрѣливаетъ его изъ-подъ куста, какъ дикую птицу, или хватаетъ на аркапъ, заковываетъ въ желѣзо и заставляетъ всю жизнь пасти стада, онъ отвѣтитъ вамъ: «такъ дѣлали отцы и дѣды наши». Хорошо-ли это, худо-ли, разумно или безсмысленно, подобные вопросы не приходятъ ему въ голову; это слишкомъ тяжелая, слишкомъ неудобоваримая пища для его головы. Такъ точно насколько не думаетъ азіатецъ о своей человѣческой личности и о значеніи ея и правахъ. Сегодня богатъ онъ, завтра нищъ; сегодня онъ неограниченный повелитель милліоновъ, завтра—рабъ презрѣнный и безгласный; сегодня движеніе руки его и малѣйе бровей его изрекаютъ войну и миръ,

жизнь и смерть,—завтра поднесутъ ему шелковый снурокъ, который онъ самъ надѣнетъ себѣ на шею. Почему все это такъ, а не иначе, и должно-ли все это быть такъ, а не иначе,—онъ объ этомъ никогда не спрашивалъ ни себя, ни другихъ. Такъ было задолго до него, такъ бываетъ не съ однимъ имъ, а со всѣми, слѣдовательно, такова воля аллаха! И потому, онъ такъ-же хладнокровно распоряжается счастіемъ или несчастіемъ, жизнію и смертію ближнихъ, какъ хладнокровно самъ подчиняется велѣніямъ судьбы. Вслѣдствіе этого, цѣнность человѣческой крови для него нисколько не выше цѣнности крови домашнихъ животныхъ. Отсюда неограниченный деспотизмъ и безусловное рабство. Отсюда-же совершенный произволъ съ одной стороны, и совершенное отсутствіе чувства законной привержености и непоколебимой вѣрности съ другой. Турокъ не ропщетъ, если дурное расположеніе духа властелина сажаетъ его на колъ, или вѣшаетъ на петлѣ; но туркъ-же не задумается ни на минуту пристать къ смѣлому мятежнику противъ законнаго властителя, къ сыну противъ роднаго отца. Вотъ нерушимость одинхъ естественныхъ связей, несозданныхъ посредствомъ разсудка! Семействен-

ность есть общая форма азіатскаго быта; самое государство на востокѣ—семейство въ огромномъ размѣрѣ. Но посмотрите, какъ ничтожны тамъ узы родства! У дѣтей нѣтъ матери, потому что мать ихъ не человѣкъ, не женщина, а самка и матка; но у дѣтей нѣтъ и отца, потому что и отецъ ихъ только самецъ, владѣющій извѣстнымъ числомъ самокъ, и притомъ господинъ и повелитель своихъ самокъ и своихъ дѣтенышей, неограниченный властелинъ, при которомъ они, какъ рабы, должны безмолвно потуплять глаза въ землю, приложивъ руку къ груди. И потому, кровавыя сцены въ семействѣ на востокѣ — обыкновенныя событія, и далеко не возбуждаютъ такого мистическаго ужаса, какъ въ безправственной и безбожной (по мнѣнію китайскихъ мандариновъ пятой степени) Европѣ. Въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ земляхъ повелитель, восходя на тронъ отца своего, умерщвляетъ всѣхъ своихъ братьевъ, а въ нѣкоторыхъ, только велитъ имъ выкалывать глаза. Разумѣется, половое право не простирается на частныхъ людей; но что освящено употребленіемъ и обычаемъ, то не можетъ казаться особеннымъ преступленіемъ, не можетъ внушать особеннаго ужаса. Вотъ что значатъ естественныя

права крови, неосвященныя любовію и духомъ, несознанныя разумѣніемъ! Кажется никто такъ не близокъ къ природѣ, какъ животныя, и, слѣдовательно, ни у кого узы крови не должны быть такъ крѣпки и нерушимы, какъ у животныхъ; но у нихъ-то и нѣтъ совсѣмъ никакихъ узъ родственныхъ: тигръ пожираетъ дѣтей своихъ даже безъ крайней необходимости, тигрица пожираетъ дѣтей въ голодѣ, и вообще самка какого-бы то ни было животнаго только до-тѣхъ-поръ мать своимъ дѣтямъ, пока кормитъ ихъ грудью, а ея порожденія только до-тѣхъ-поръ ея дѣти, пока сосутъ ее; послѣ же этого термина, взаимныя отношенія дѣтей къ матери и матери къ дѣтямъ какъ то странно измѣняются

«Почти все то можно видѣть и между людьми на востокѣ: торговля дѣтьми (особенно дочерьми)—одинъ изъ главнѣйшихъ промысловъ у нѣкоторыхъ азіятскихъ племенъ. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и взаимной довѣренности, а узы родства тамъ только увеличиваютъ взаимную недовѣрчивость, потому-что интересы родныхъ чаще всего сталкиваются враждебно. Сила личнаго самохраненія не можетъ ослабѣвать или усиляться отъ родства, если любовь не освобождаетъ отъ подозрѣнія и стра-

ха. Въ Европѣ власть родительская основана на правѣ любви сознательной и разумной, вышедшей изъ любви естественной; и потому въ Европѣ право родства утрачиваетъ всю силу свою, какъ скоро перестаетъ опираться на право любви. Объ исключеніяхъ говорить нечего; но можно почитать общимъ правиломъ, что отецъ не имѣетъ права жаловаться на дурныхъ дѣтей, потому-что только у дурныхъ родителей могутъ быть дурныя дѣти. А такъ-какъ отношенія столь близкихъ между собою людей, какъ родные, не могутъ быть предметомъ вѣрнаго и непогрѣшительнаго суда посторонняго, то эти отношенія и приведены въ общія и законныя формы. Законъ смотритъ только на внѣшнее, на форму, на приличіе, не позволяя себѣ проникать во внутреннее, которое переходитъ въ высшую инстанцію — въ судилище совѣсти. И потому гражданскій законъ въ Европѣ требуетъ отъ дѣтей только внѣшняго уваженія къ родителямъ, но не любви, для которой нѣтъ гражданскихъ законовъ. Съ другой стороны, права родителей надъ дѣтьми ограничены общественнымъ мнѣніемъ; въ извѣстныя лѣта, дѣти судятся съ своими родителями, или родители съ дѣтьми; но только въ Азіи можно видѣть примѣры дѣтоубійства и отцеубій-

ства; въ Европѣ тѣ и другія—чудовищныя и [illegible] исключенія.

«Сознаніе азіятца спитъ, потому-что заключено въ магическомъ кругу младенческой естественности, непосредственности. Мысль его преимущественно проявляется въ религіозной сферѣ; но и тутъ далѣе естественнаго пантеизма она не восходила. Исключеніе остается за одними евреями, которымъ Высшая Воля поручила храненіе сокровища, цѣны котораго они сами не умѣли цѣнить. Поэтому, и христіанство могло развиться только въ Европѣ. Но въ исламизмѣ Азія увидѣла полное выраженіе своего духа. «Ни о чемъ не думай, ибо за тебя думаетъ святая книга; наслаждайся чувственными удовольствіями и властью, если предопредѣленіе дастъ тебѣ ихъ; погибай безъ ропота, ибо такъ написано на доскахъ предопредѣленія; губи безъ смущенія, ибо такъ написано на доскахъ предопредѣленія твоей жертвы» — вотъ основаніе исламизма. Коранъ предписываетъ любовь къ ближнему, гостепріимство; высшимъ блаженствомъ называетъ онъ созерцаніе безконечныхъ совершенствъ аллаха; но эта любовь къ ближнему уничтожается понятіемъ о предопредѣленіи и простирается только на право вѣрныхъ, а не на

поганыхъ гнуровъ, которыхъ истинный мусульманинъ долженъ фанатически ненавидѣть; но это созерцаніе божескихъ совершенствъ переходитъ въ дремоту души, утомленной чувственностію, и въ безсмысленную формалистику, которая предписываетъ извѣстное число повтореній «нѣтъ Бога, кромѣ Бога» и пр., намазы, и т. п.

«Основаніе всѣхъ религій, возникшихъ въ Азіи (кромѣ одной—единой, безусловной и божественной) есть физическій пантеизмъ (всебожіе), или обожествленіе субстанціальныхъ силъ природы. Какъ скоро этотъ пантеизмъ истощаетъ все свое содержаніе и отъ природы долженъ возвыситься до духа,—онъ тотчасъ же и уничтожается, впадая въ отвлеченную случайность и мертвый формализмъ. Онъ движется, но въ ограниченной сферѣ самого себя или, лучше сказать, кружится на одномъ мѣстѣ, а не движется отъ исходнаго пункта своего вдоль по прямой линіи. По крайней мѣрѣ, въ индійскомъ пантеизмѣ были видоизмѣненія, была борьба сектъ, были свои секты, тогда-какъ исламизмъ явился чѣмъ-то опредѣленнымъ, безъ всякой возможности даже круженія, не только развитія,—въ стоячей и мертвенной неподвижности. Отвергнувъ, повидимому,

всякій формализмъ служенія, всякое чувственное представленіе божества, и чрезъ то, повидимому, ставъ исповѣданіемъ въ духѣ, онъ въ существѣ своемъ—тотъ-же индійскій пантеизмъ, то-же рабское обожествленіе природы, а не духа, только болѣе ограниченное, и уже совершенно непосредственное и безсознательное. Это самые крѣпкіе оковы для ума человѣческаго; это самый мягкій и роскошный диванъ для его лѣни и усыпленія. Исламизмъ нисколько не допускаетъ въ себя элемента свободнаго и разумнаго мышленія; отъ этого дикій фанатизмъ и ожесточенное невѣжество есть его опора, сила и характеръ. Поэтому-же самому неподвижность есть условіе исламизма; онъ сгніетъ и разрушится дѣйствіемъ собственнаго гніенія, но не измѣнится, не обновится, не приметъ въ себя новыхъ элементовъ, онъ предлагаетъ свои догматы и законы какъ повелѣнія, а не какъ истины, на основаніи какихъ-бы то ни было [illegible]тельствъ. Послѣ сего удивительно-ли, что христіанство не могло укорениться на востокѣ: оно убѣждаетъ, а не порабощаетъ, оно отвергло матерію и поставило надъ нею Духа Святаго, который есть любовь и разумъ . .

«Та-же неподвижность и въ общественномъ

бытѣ азіятцевъ. Условія его немногосложны и просты, какъ условія стадъ и табуновъ: соединенныя родственнымъ инстинктомъ, животныя спокойно пасутся, не мѣшая другъ другу; а когда въ нихъ разыграются страсти, то рѣшаютъ дѣйствительность правъ своихъ превосходствомъ силы, крѣпостію рогъ и копытъ. Право возмездія—древнѣйше изъ всѣхъ правъ, потому-что оно самое «естественное право». Христіанство отвергло его съ особенною энергіею; но это потому, что христіанство было освобожденіемъ человѣчества отъ оковъ грубой естественности. Для азіятца право личности не въ законѣ, а въ кинжалѣ; его обидѣли, кровь закипѣла—и кинжалъ въ груди оскорбителя; убійца не всегда даже и хлопочетъ о спасеніи: если на доскахъ предопредѣленія не написано умереть ему отъ казни, его не казнятъ, а написано — ничѣмъ не спастись. Судилищъ и судейской процедуры азіятецъ не терпитъ: судъ совершается въ домѣ судьи, рѣшеніе зависитъ не отъ силы и разума закона, а отъ мудрости судьи. Тутъ-же и благодѣтельная фалака, а если нужно, и висѣлица—дѣло только въ петлѣ, висѣлицею же можетъ служить первое попавшееся на глаза окно мирнаго гражданина. Азіятецъ лучше хо-

чтъ быть невинно битъ по пятамъ палками, повѣшенъ, посаженъ на колъ, только чтобъ сію-же минуту, безъ проволочки, — чѣмъ подвергаться судебному слѣдствію, которое лишило-бы его возможности сидѣть поджавъ ноги, дѣлать кейфъ, или творить намазъ. Турокъ отъ искренняго сердца дивился глупости невѣрныхъ франковъ, проклятыхъ гяуровъ, которые, попавшись подъ судъ, хотятъ, чтобъ ихъ судили, и не требуютъ того, чтобъ ихъ поскорѣе отколотили по пятамъ, или посадили на колъ».

Не такова въ глазахъ Бѣлинскаго Европа.

«Еще во времена язычества, говоритъ онъ, въ древнемъ мірѣ, характеръ Европы былъ противоположенъ характеру Азіи. Противоположность эта состояла въ нравственной движимости и измѣнимости Европы, которыхъ причина заключалась въ вѣчномъ усиліи европейскихъ народовъ силою сознанія посредствовать съ собою всѣ отношенія свои къ міру и жизни. Воспользовавшись чувствомъ и вдохновеніемъ, какъ моментомъ развитія, какъ необходимымъ элементомъ жизни, европеецъ издревле далъ полную волю своей мыслящей способности, судительной и анализирующей силѣ своего ума, привелъ въ движеніе свой разсудокъ,

разрывающiи полноту всякой непосредственно-сти. Созерцанiе помирилъ онъ дѣйствiемъ и въ созерцанiи своей дѣятельности нашелъ свое высочайшее блаженство. — Дѣятельность его состояла въ томъ, чтобъ безпрестанно вносить въ жизнь свои идеалы и осуществлять ихъ въ этой жизни. Для Грека жить значило мыслить: другой жизни не понималъ онъ. Его вѣрованiе было тотъ-же пантеизмъ, но не отвлеченный и неподвижный, а [illegible] на множество [illegible] прекрасныхъ божественныхъ личностей. Грекъ всегда предчувствовалъ больше чѣмъ понималъ: доказательство — воздвигнутый имъ въ Аѳинскомъ храмѣ алтарь Богу невѣдомому. Грекъ [illegible] свое вѣрованiе, довелъ до точки [illegible] щетъ. Онъ перепробовалъ [illegible] общественной и гражданской [illegible] жалъ и семейству, но жилъ на [illegible] храмахъ, въ мастерскихъ художниковъ, въ садахъ академiи и ликеевъ, слушая ораторовъ и [illegible] конецъ его внутренней жизни былъ концомъ и его политическаго существованiя. Суровый римлянинъ развилъ своимъ политическимъ существованiемъ идею права, основаннаго на авторитетѣ чистаго мышленiя, отвлеченнаго разсудка. Для римлянина легче было

увидѣть себя ложно обвиненнымъ и несправедливо осужденнымъ, нежели оправданнымъ не по формѣ суда, не на основаніи закона, а по произволу судящихъ. Законъ для него былъ не преданіемъ и не обычаемъ, но сознаніемъ,— и вмѣстѣ съ развитіемъ его сознанія развивалось и его право, такъ-что, не зная исторіи Рима при какихъ-нибудь Горацiяхъ и Куріанiяхъ, нельзя знать, откуда и какъ явилось то или другое узаконеніе при томъ или другомъ императорѣ до Юстиніана Развивъ вполнѣ отвлеченное понятіе положительнаго права, Римъ совершилъ свое назначеніе, изжилъ всю свою жизнь,—а его исторія отъ эпохи собранія законовъ въ кодексы до паденія отъ мечей варваровъ, есть журналъ смертельной болѣзни, который врачъ ведетъ, наблюдая своего паціента до послѣдней его минуты Христіанство возродило Европу и дало ей неизживаемый запасъ жизни» (Т. IV, стр. 341 — 352).

Таково вообще понятіе Бѣлинскаго о нравственности и объ условіяхъ нравственнаго образованія человѣка. Но этимъ еще далеко не исчерпывается все содержаніе ученія Бѣлинскаго, какъ моралиста. Есть и другія стороны и другіе вопросы, на которые мы найдемъ у него не менѣе глубокіе отвѣты. Такъ напря-

мѣръ съ вопросомъ о нравственности тѣсно соединенъ вопросъ о побужденіяхъ къ ней. Побужденія къ исполненію закона, предлагаемыя тѣмъ или другимъ ученіемъ, не безъ основанія давно уже принято считать однимъ изъ лучшихъ признаковъ достоинства или недостоинства этого ученія. Чѣмъ выше ученіе, тѣмъ чище и его побужденія, чѣмъ оно ниже, тѣмъ корыстнѣе и его цѣли. Чувственный Магометъ ничего не придумалъ лучше для привлеченія къ себѣ послѣдователей, какъ только цѣлые роп гуріи; Небесный-же учитель поставилъ главнымъ побужденемъ для дѣлъ вѣрующаго въ Него чистую любовь. И побужденіе много значитъ въ нравственномъ поступкѣ, такъ много, что и самый нравственный по виду поступокъ можетъ рѣшительно потерять всякое значеніе именно отъ побужденія. Прекрасно, напримѣръ, молиться, но молитва становится грѣхомъ, если приносится только затѣмъ, чтобы показаться предъ человѣки; благородно спасти утопающаго, но не тогда только, если это дѣлается лишь изъ желанія получить медаль на шею. Вотъ почему враги христіанства, желая въ безсмыслін своемъ чѣмъ-нибудь уронить его, и начинаютъ обыкновенно съ того, что навязываютъ ему корыстныя побужденія. Итакъ,

повторяемъ, вопросъ о побужденіяхъ къ нравственно-доброму дѣлу слишкомъ важенъ въ ученіи моралиста, такъ важенъ, что одинъ можетъ разрушить все его значеніе. Какъ-же думаетъ Бѣлинскій? Здѣсь не явился-ли онъ какимъ-нибудь эгоистомъ, преслѣдователемъ корысти? Здѣсь онъ не забрасываетъ-ли въ душу мысли и желанія служить какому-нибудь золотому тельцу или иному богу? Здѣсь онъ не полагаетъ-ли начала развращенію сердца, захотѣвшаго-бы идти за нимъ? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ. Напротивъ, и въ этомъ отношеніи онъ согласуется вполнѣ съ тѣмъ, что говоритъ ученіе Христово и ни чьи иныя указываетъ онъ побужденія къ добродѣтели, какъ побужденія его— ученія Христова. Какъ въ дѣлѣ красоты Бѣлинскій видитъ цѣль въ самой красотѣ, такъ и для чистаго, нравственнаго дѣла онъ поставляетъ цѣлію самое добро и чистоту его. «Добро, по его ученію, тогда только добро, когда оно само себѣ цѣль». (Т. I, стр. 294). Развивая эту мысль, онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «развѣ можно прибѣгать къ божбѣ для увѣренія въ чистотѣ и безкорыстіи своихъ дѣйствій? Развѣ за благородный порывъ должно требовать награды отъ общественнаго мнѣнія?

Развѣ мысль не есть высокая и прекрасная награда тому, кто служитъ ей? О нѣтъ! пусть толкуютъ ваши дѣйствія кому какъ угодно, пусть не хотятъ понять ихъ источника и цѣли, но если мысль и убѣжденіе доступны вамъ,—идите впередъ и да не совратятъ васъ съ пути ни разсчетъ эгоизма, ни отношенія личныя и житейскія, ни боязнь непріязни людской, ни обольщенія коварной дружбы, стремящейся въ замѣнъ своихъ ничтожныхъ даровъ лишить васъ лучшаго вашего сокровища—независимости мнѣнія и чистой любви къ истинѣ» (Т. II, стр. 152). «Человѣкъ нравственный и любящій живетъ для идеи, составляющей основу цѣлаго его существованія» (Т. VIII, стр. 476). И Бѣлинскій ясно не придаетъ никакого значенія эгоистамъ, хотя бы они и дошли до страсти къ добрымъ дѣламъ, до самопожертвованія въ пользу ближнихъ; «бѣда здѣсь, говоритъ онъ, именно въ томъ, что они въ добрѣ хотятъ искать то счастія, то развлеченія, тогда—какъ въ добрѣ имъ слѣдовало бы искать только добра» (Т. VIII, стр. 548). И вотъ почему, уважая Диккенса, какъ истиннаго художника Бѣлинскій не утерпѣлъ въ то-же время, чтобы не поставить ему въ укоръ подчиненія имъ нравственности общественнымъ

цѣлямъ (Т. IX, стр. 27). Человѣкъ долженъ быть причастенъ общественной жизни, но онъ долженъ смотрѣть на нее не глазами эгоизма.

Благо, говоритъ Бѣлинскій, тому, кто непраздным зрителемъ смотрѣлъ на этотъ океанъ шумно несущейся жизни, кто видѣлъ въ немъ не одни обломки кораблей и яростно вздымающіяся волны, да мрачную, лишь молніями освѣщенную ночь, кто слышалъ въ немъ не одни вопли отчаянія и крикъ гибели, но кто не терялъ при этомъ изъ вида и путеводной звѣзды, указывающей на цѣль борьбы и стремленій, кто не былъ глухъ къ голосу свыше: «борись и побѣдай, если надо, блаженство впереди тебя и если не ты, братья твои насладятся имъ и восхвалятъ вѣчнаго Бога правды и силъ». Благо тому, кто не довольствуясь настоящею дѣйствительностью, носилъ въ душѣ своей идеалъ лучшаго существованія, жилъ и дышалъ одною мыслію, поспѣшествовать, по мѣрѣ данныхъ ему природою средствъ, осуществленію на землѣ идеала,—рано по утру выходилъ на общую работу и съ мечемъ, и словомъ, и съ заступомъ, и съ метлою, смотря потому, что было ему по силамъ, и кто являлся къ своимъ братіямъ не на одни пиры веселія, но и на плачъ и на сѣтованія. Благо тому, кто, падая въ борьбѣ за

святое дѣло совершенствованія, съ упованіемъ страстнаго блаженства погружался въ успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дѣло жизни и восклицалъ въ священномъ восторгѣ: «все Тебѣ и для Тебя, а моя высшая награда: да святится имя Твое и да пріидетъ царствіе Твое»! (Т. VIII, стр. 220—221). Какъ цѣль добра заключается, по мнѣнію Бѣлинскаго, въ самомъ-же добрѣ, такъ въ немъ-же и высшая его награда. «Наказаніе за худое дѣло, разсуждаетъ онъ, производится самымъ этимъ дѣломъ и состоитъ въ отсутствіи изъ души благодатной любви, мира и гармоніи—единственныхъ источниковъ истиннаго счастія, такъ наоборотъ и награда за доброе дѣло происходитъ отъ самаго этого дѣла, которое даетъ человѣку сознаніе своего достоинства, сообщаетъ его душѣ спокойствіе, гармонію, чистую радость и черезъ-то дѣлаетъ ее храмомъ Божіимъ, потому-что Богъ тамъ, гдѣ безмятежная, чистая радость, гдѣ любовь. Счастье не во внѣшнихъ призрачныхъ случайностяхъ, а въ глубинѣ души; не блестящій, не богатый, не знатный любимъ Богомъ, но «сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнномъ украшеніи кроткаго и спокойнаго духа, что драгоцѣнно передъ Богомъ», какъ говоритъ св. апостолъ Петръ». (Т. III, стр. 518).

та, чинолюбіе и прочія подобныя прелести одолѣли родъ человѣческій и за ними легко и часто забывается добро для добра. Бѣлинскій понималъ это и вотъ у него, какъ необходимый аттрибутъ добродѣтели, вытекаетъ необходимость борьбы для нея. Нравственный и добродѣтельный человѣкъ непремѣнно долженъ бороться и только борьбой завоевывать доброе дѣло. «Проявленіе вѣчной идеи, говоритъ онъ, борьба между добромъ и зломъ, [illegible]бовію и эгоизмомъ, какъ въ жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительно [illegible] слуги нѣтъ награды, а безъ дѣйствованія нѣтъ жизни» (Т. I, стр 22). Добродѣтели апатичной, тихой, безболѣзненной Бѣлинскій и не признаетъ; что будетъ еще понятнѣе, если мы вспомнимъ и требованіе его отъ добродѣтели сознанія. «Не понимаю, говоритъ онъ въ чемъ достоинство такъ-называемаго спокойствія, которое не видитъ безпокойствія другихъ, а само есть подарокъ вялой природы, инстинктуальная способность неподвижныхъ натуръ. Странствовать по свѣту съ одной сорочкой на тѣлѣ и съ неограниченнымъ довѣріемъ къ судьбѣ, когда все ограничивается лишь этимъ довѣріемъ и когда нѣтъ другихъ побуж

[illegible] къ странствію кромѣ желанія ходить или [illegible] заняться дѣломъ. [illegible] (Т. XI, стр. [illegible]). Отсюда выте[illegible] и та мысль Бѣлинскаго, что «кто грѣшилъ противъ нравственности, стремясь къ нравственности, тотъ нравственнѣе того, что родился и умеръ нравственнымъ» (Т. III, стр. 332). Мысль опять необыкновенно-вѣрная! Что удивительнаго, если мы видимъ кротость и воздержаніе въ флегматикѣ? Но не будетъ ли это воздержаніе—особенностью въ томъ человѣкѣ, у кого кровь кипитъ въ жилахъ? Что удивительнаго въ томъ, если потому только человѣкъ не кутитъ, что ему не на что? Удивительно-же это тогда, когда человѣкъ и имѣетъ всѣ средства кутить и все-таки не ку-

Но говоря о добродѣтели и такъ строго опредѣляя ея достоинство, Бѣлинскій не зоветъ-ли тѣмъ самимъ человѣка на подвигъ, который не каждому по силамъ? Не дѣлаетъ-ли онъ, говоря проще, добродѣтель удѣломъ только нѣкоторыхъ? Нѣтъ. Онъ считаетъ и находитъ добродѣтель возможной для каждаго и въ той сферѣ и въ томъ кругу жизни, въ какой онъ поставленъ. Если, по понятію Бѣлинскаго, отвратительно все невыполнившее своего назначенія, то

съ другой стороны гадокъ и тотъ, кто беретъ на себя болѣе того, сколько можетъ взять. Каждый долженъ быть тѣмъ, чѣмъ можетъ и чѣмъ опредѣлено ему быть, и какъ-бы сфера и рамка его жизни ни была тѣсна, — ему нечего [illegible]ится этого, а нужно стараться быть лишь вѣрнымъ слугою на своемъ поприщѣ. «Если, говоритъ Бѣлинскій, человѣкъ чувствуетъ въ груди своей тревогу генія, если во внутреннемъ слухѣ души раздается какой-то таинствен[illegible] мановеніи его, подобно колокольчику [illegible], въ туманную, неизвѣданную даль, — онъ перомъ, кистью, рѣзцомъ, звуками вызываетъ изъ души своей новые миры, и [illegible] очаровываетъ, или углубляется въ природу [illegible] ваетъ ея тайны и сообщаетъ ихъ [illegible] живомъ знаніи или властвуетъ ими, двигая ихъ-же силою, мечемъ, волею, дѣломъ и словомъ. Если же природа не дала ему генія, то и тогда [illegible] его поприще, велико его назначеніе: ему остается честнымъ, безкорыстнымъ трудомъ, благороднымъ презрѣніемъ личныхъ [illegible] въ дѣлѣ правды, водворять добро въ томъ маломъ и тѣсномъ кругу, который назначило Провидѣніе для его дѣятельности, по мѣрѣ его душевныхъ силъ. Кто не можетъ быть мар-

кизомъ Нозою, тотъ можетъ быть Феликсомъ Фенемъ, ибо сила въ безсиліи, величіе въ ничтожествѣ, безконечность въ ограниченности, ибо овому талантъ, овому два, и дѣло въ томъ, чтобы не закопать въ землю своего таланта а возвратить его Виноградарю съ ростомъ. Тотъ подлъ, кто беретъ на себя трудъ выше силъ своихъ или, обольщаясь ложнымъ [illegible] томъ, идетъ наперекоръ врожденнымъ склонностямъ и дарованію. Высочайшая мудрость состоитъ въ смиренной покорности своему назначенію. Кто противится ему, тотъ бунтовщикъ противъ вѣчныхъ и справедливыхъ законовъ Провидѣнія Если тебѣ едва подъ силу должность секретаря въ какомъ-нибудь судѣ уѣзднаго города, не лѣзь въ губернаторы, хотя-бъ ты и имѣлъ возможность добиться этого мѣста, но предоставь его достойнѣйшему себя: если природа осудила тебя на смиренную производительныхъ бумагъ и приходо-расходныхъ книгъ, занимайся честно и добросовѣстно этою прозою, а не надѣвай на себя, подобно самозванцу, вѣнка поэта, хотя-бъ ты и могъ сдѣлаться предметомъ удивленія не только для своего муравейника, но и для всего современнаго человѣчества и комарно вымазить у него незаслуженные лавры: тогда ты будешь великъ,

ностию великъ, оставаясь малымъ и неизвѣстнымъ. Найдешь и безъ того средство быть полезнымъ и свершить свой подвигъ, было-бы стремленіе, а міръ и жизнь безконечны» (Т. I, стр. 402 — 403)

Такъ Бѣлинскій признаетъ самымъ приличнымъ для каждаго человѣка мѣстомъ то, къ которому онъ призванъ, считая всякое стремленіе быть выше себя и своихъ средствъ не благороднымъ порывомъ, а претензіей жалкой посредственности и бѣднаго самолюбія украситься внѣшнимъ блескомъ. «Цѣль нашихъ стремленій, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть удовлетвореніе и всякій удовлетворяется ни больше ни меньше, какъ тѣмъ что ему нужно, а кто нашелъ свое удовлетвореніе въ ограниченномъ поприщѣ, тотъ счастливѣе того, кто, обладая большими духовными средствами, не можетъ найти своего удовлетворенія. Честный и по своему умный сапожникъ, который въ совершенствѣ обладаетъ своимъ ремесломъ, и получаетъ отъ него все что нужно ему для жизни, выше плохаго генерала, хотя-бы онъ былъ самъ Меласъ, выше недакта—ученаго, выше дурнаго стихотворца. Главная задача человѣка во всякой сферѣ дѣятельности, на всякой ступени въ лѣстницѣ

общественной іерархіи—быть человѣкомъ» (Т III, стр. 504). «Въ мірѣ все имѣетъ свое назначеніе, все прекрасно въ предѣлахъ своего назначенія и дурно внѣ его,—это вѣчный, непзмѣняемый законъ провидѣнія. Женщина-амазонка, какая-нибудь храбрая Брамаданта въ поэмѣ можетъ быть не больше какъ смѣшна, но въ дѣйствительности она—существо въ высшей степени отвратительное и чудовищное» Т. I, стр. 401). Отвратительно-же всякое подобное явленіе и стремленіе къ несвойственной роли потому, что «всякій человѣкъ, по ученію Бѣлинскаго, еще не родившись въ свѣтъ, въ самомъ себѣ уже носитъ возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. А эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственныя средства, и его наклонность и способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ, словомъ—вся его индивидуальная личность. По своей природѣ никто не выше и не ниже самаго себя: Наполеономъ или Шекспиромъ нужно родиться, но сдѣлаться нельзя: хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ и хорошій водевилистъ дурнымъ трагикомъ. Эта

уже судьба, передъ которой безсильна и человѣческая воля и самыя счастливыя обстоятельства» (Т. III, стр. 502). Но говоря такъ, Бѣлинскій понималъ, что изъ этого можетъ выдти другая крайность; онъ понималъ, что остановясь только на той мысли, что и на низшей ступени званія и служенія можно быть полезнымъ и правымъ относительно задачи жизни, [illegible] можетъ или впасть въ ложное смиреніе, или просто найти себѣ предлогъ для лѣни. «Я де потому не стремлюсь къ высшему, что чувствую себя неспособнымъ», между-тѣмъ какъ силъ этого человѣка могло [illegible] хватить на большее. И вотъ у Бѣлинскаго является иное положеніе: каждый долженъ стараться развить даронанные ему дары и бояться закапывать ихъ въ землю. Если, по его сужденію, грѣшно и смѣшно лѣзть въ Наполеоны тому, кто родился солдатомъ, то съ другой стороны недобросовѣстно и бѣгать отъ дѣла тому, кто имѣетъ возможность быть полезнымъ на высшемъ поприщѣ. «Назначеніе человѣка, говоритъ Бѣлинскій,—развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою» (тамъ-же). Мысль—вѣрная, ибо если природа даетъ извѣстному человѣку бо́льшія силы и спо-

[illegible]обности сравнительно съ другими, то конеч- [illegible] тѣмъ, чтобы онъ служилъ этими сила- [illegible] ихъ и общимъ планамъ творен[illegible]. [illegible]югому всякій, зарывающій свой талантъ въ землю, есть нарушитель воли провидѣнія и врагъ общаго блага. Скажутъ, что такое точное опредѣленіе своего назначенія и степени слу- женія общему благу—дѣло трудное; но ни[illegible] и не говоритъ, что оно легко, и Бѣлинскій при- [illegible]аетъ его труднымъ; тѣмъ не менѣе развѣ можно сказать что-нибудь другое? Пагубна [illegible]рдость, но вѣдь кто-жъ не согласится и съ [illegible]ь, что и смиреніе хорошо у мѣста, а иначе [illegible]ожетъ быть и оно хуже и паче гордости. При этомъ нельзя не обратить вниманія на мнѣнь[illegible] Бѣлинскаго о раздѣленіи природой даровъ ея между людьми. Природа дѣлитъ не ровно; ово- му даетъ пять талантовъ а овому и одинъ,—это мы знаемъ,—но нѣтъ-ли здѣсь какого-нибудь общаго закона?—вотъ важный и интересный во- просъ. Бѣлинскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ [illegible]тельно. «Не всѣ, говоритъ онъ, родятся героями, художниками и учеными; геній есть явленіе вѣковое, рѣдкое; сильные таланты то- же похожи на исключеніе изъ общаго правила, и въ этомъ случаѣ человѣчество есть армія, въ которой можетъ быть до милліона рядовыхъ сол-

дать, но только одинъ фельдмаршалъ и въ каждомъ полку только одинъ полковникъ и изъ ста рядовыхъ одинъ офицеръ. Въ такой-же пропорціи находится къ ольшинству или толпѣ и число людей съ глубокою и безкопечною натурою, которыхъ назначеніе не проявиться въ какомъ-нибудь родѣ дѣятельности, составляющемъ призваніе генія и таланта, но все понимать, все [illegible] все облагораживать и счастливить своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. [illegible] не скупа, но экономна въ своихъ дарахъ и, какъ явленіе вѣчнаго разума, она строго соблюдаетъ свой іерархическій порядокъ, свою таблицу о рангахъ. Великое назначеніе природы имѣетъ параллельное себѣ назначеніе въ человѣчествѣ и въ гражданскомъ обществѣ. Почему всякій человѣкъ, съ какими бы то ни было способностями, и находитъ свое мѣсто въ томъ и другомъ» (Т. III, стр. 502—504). Но это не значитъ и того, чтобы природа была щедра только на глупыя головы и пошлыя сердца. Нѣтъ. «Умѣренная на произведеніе великихъ явленій духовнаго міра, природа щедра говоритъ далѣе тотъ-же Бѣлинскій, на произведеніе людей и съ душею, и со способностями и дарованіемъ, словомъ—со всѣмъ, что нужно человѣку, чтобы быть достойнымъ высокаго

званія человѣка. „Люди бездарные, ни къ чему неспособные, тупоумные суть такое-же исключеніе изъ общаго правила, какъ уроды, и ихъ такъ-же мало, какъ уродовъ. Множество-же ихъ происходитъ отъ двухъ причинъ, въ которыхъ природа нисколько не виновата: отъ дурнаго воспитанія и вообще ложнаго развитія еще оттого, что рѣдко случается видѣть человѣка на своей дорогѣ, и на своемъ мѣстѣ (стр. 505). Если же такъ расположилась природа, то, очевидно, человѣку даровитому желать оставаться въ тѣни и не стремиться занять здѣсь, ему уже отъ природы назначенное, такъ-же грѣшно, какъ и бездарному рваться впередъ.

Такъ каждый долженъ отыскать и занять въ мірѣ назначенное ему мѣсто. Но какъ преодолѣть встрѣчающіяся здѣсь трудности? Какъ выйти на должную дорогу? О первыхъ, указавъ человѣку то или другое назначеніе, природа не забываетъ и наградитъ его всѣмъ, что ему нужно для достиженія его цѣли; не забываетъ и говоритъ ему постоянно объ его призваніи, посредствомъ внутренняго, тайно въ душѣ раздающагося голоса. Такъ посылая въ міръ своего избранника-генія, природа не забываетъ наградить его всегда той высокой

[illegible] которой [illegible]
[illegible] ютъ въ мірѣ, но все [illegible]
[illegible] ...лѣваетъ ни передъ чѣ[illegible]
[illegible] отступитъ.
[illegible] ...нь, но въ такомъ слу-
[illegible] ...живляетъ себя. Лучшимъ
[illegible] ...о въ глазахъ вѣлинска-
го [illegible] ...оторый, недос-
[illegible] потому-что все пре[illegible]
[illegible] Ломоносова вида[illegible]
[illegible] ...ю забыть наше вре[illegible]
[illegible] ...нестись мыслію въ
[illegible] ...отныхъ люде[illegible]
[illegible] ...и пальцами, когда у[illegible]
[illegible] ...ствеинымъ съ [illegible]
[illegible] ...ыла одѣяніе и невѣ[illegible]
[illegible] И въ это то время,
[illegible] ...а, на рубежъ природы
въ [illegible] ...родился у рыбака сы[illegible]
которы[illegible] ...забралъ себѣ въ голову
что [illegible] ...жно надо учиться, [illegible]
[illegible] жизнь. Ему это[illegible]
[illegible] ...полнуютъ это [illegible]
[illegible] охоту къ ученью, как[illegible]
[illegible] ...щеніе къ наукѣ. Чуден[illegible]
была [illegible] но походилъ онъ на до-
брыхъ [illegible] ...ие люди, глядя на него

пожимали плечами. Всѣ, и старше его, и моложе, и ровесники, всѣ смотрѣли на вещи глазами «здраваго смысла» и, по привычкѣ видѣть ихъ каждый день, не впдѣли въ нихъ ничего необыкновеннаго: солнце имъ казалось большимъ фонаремъ, свѣтившимъ имъ полгода, а чудное сіяніе въ полугодовую ночь—отблескомъ большаго зажженнаго костра дровъ; необозримое море они почитали за большой рыбный садокъ; словомъ, этимъ благоразумнымъ людямъ все казалось обыкновеннымъ, кромѣ денегъ и хлѣба. Но мальчикъ смотрѣлъ на все это другими глазами: въ полугодовой ночи онъ видѣлъ что-то чудное, скрывавшее въ себѣ таинственный смыслъ, океанъ манилъ его въ свою неисходную даль, какъ-бы обѣщая ему объяснить все непонятное, все, что сообщало его душѣ странные порывы, волновало его грудь неизъяснимою и сладкою тоскою, возбуждало въ его умѣ вопросы за вопросами .

Да, мальчикъ былъ любимое дитя природы, родной сынъ между милліонами пасынковъ, а между любимымъ сыномъ и любящею матерью всегда существуетъ симпатическое чувство, которымъ они молча понимаютъ другъ друга..

Но мальчику мало было понимать чувствомъ, онъ хотѣлъ понять разумомъ; ему мало было

любоваться на прекрасную природу, онъ хотѣлъ заставить ее говорить съ собою, открыть себѣ ея завѣтныя тайны, словомъ, ему хотѣлось чего-то такого, чего онъ не умѣлъ назвать и чего боялся.... И вотъ онъ, покорный внутреннему голосу, оставляетъ любимаго отца и ненавистную мачеху, бѣжитъ въ Москву ... Зачѣмъ?—учиться! Странный мальчикъ! чего онъ надѣялся, чего добивался? Тогда еще не давали за знаніе чиновъ, тогда наука еще не была дойною коровою, и не золото, не почести, а бѣдность, горесть и униженіе сулила она безумному.... Говорятъ, что есть свои наслажденія въ наукѣ, потому только, что она наука, свое блаженство въ истинѣ, потому только, что она истина; говорятъ что внѣшняя жизнь не удовлетворяетъ даже тѣхъ людей, которые исключительно для нея созданы, потому-что, среди избытка земныхъ благъ, эти люди желаютъ еще большихъ, которыхъ земля уже не въ состояніи имъ дать, и что будто-бы эта ненасытимость есть доказательство невозможности удовлетворенія себя однимъ земнымъ; говорятъ, что, напротивъ, внутренняя жизнь вполнѣ удовлетворяетъ человѣка, внимательнаго къ ея таинственному зову, что духовная пища насыщаетъ, не обременяя,

услаждаетъ, не производя отвращенія; говорятъ еще, что будто-бы есть свое счастіе въ несчастіи, свое блаженство въ страданіи, свое сладострастіе въ лишеніяхъ и жертвахъ для истиннаго, благаго и прекраснаго.... Да—это говорятъ и пишутъ, но только нынѣ, и говорятъ это не одни мудрые вѣка но и люди обыкновенные, говорятъ не какъ истины вѣроятныя, но какъ аксіомы непреложныя; но тогда, въ то время, въ самой Европѣ, эти истины поставались только избранными, только солью земли, и поставались темнымъ чувствомъ, а не сознательнымъ разумѣніемъ; въ Россіи-же никто и не подозрѣвалъ ихъ, никто и не догадывался о нихъ. Кто-жъ скажетъ [illegible] нихъ нашему офицому, необразованному юношѣ, нашему холмогорскому мужику, человѣку низкаго происхожденія?—Никто кромѣ этого внутренняго голоса, который слышится душѣ избранной, никто, кромѣ этой глубокой вѣры, которая двигаетъ горы съ мѣста на мѣсто!.. Кто далъ ему средство идти съ такимъ упорствомъ къ своей цѣли?—Никто, кромѣ этой могучей воли, которая есть орудіе генія! (Т. II, стр. 231—233).

Такъ человѣка и призываетъ на поприще и указываетъ ему это поприще самый внутренній

его голосъ и сама его воля. Другимъ важнымъ для человѣка въ этомъ случаѣ средствомъ служитъ, по ученію Бѣлинскаго, воспитаніе, которое потому и должно составлять главную заботу и родителей и попечителей. Только хорошее воспитаніе въ состояніи, по словамъ Бѣлинскаго, указать человѣку должную дорогу; «оно въ его глазахъ все, — и жизнь и смерть, и спасеніе и гибель». Въ чемъ-же должно состоять это воспитаніе?— вотъ новый вопросъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ можно цѣлымъ рядомъ статей и, скажемъ безъ преувеличенія, очень интересно и важно было-бы прослѣдить взглядъ Бѣлинскаго какъ педагога; но такъ-какъ это отвлекло-бы насъ далеко отъ нашей главной задачи, то мы и ограничимся только сущностью дѣла. Именно, Бѣлинскій отъ воспитанія требуетъ слѣдующаго. — «Если, разсуждаетъ онъ, несносенъ, пошлъ и гадокъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка и о религіи, искусствѣ и знаніи, разсуждаетъ, какъ о посѣвѣ хлѣба или выгодной партіи, то еще отвратительнѣе ребенокъ-резонеръ, который разсуждаетъ, потому-что еще не въ силахъ мыслить. Да не развивать, — а душить надо

въ самомъ ея зародышѣ эту несчастную способность резонерства въ дѣтяхъ: она засушаетъ въ нихъ источники жизни, любви, благодати, она дѣлаетъ ихъ молоденькими старичками, становитъ на ходули. Не говорите дѣтямъ о томъ, что такое Богъ, они не поймутъ вашихъ конечныхъ и отвлеченныхъ опредѣленій безконечнаго существа, но заставьте дѣтей полюбить Его — этого Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солица, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ грустномъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и во всемъ, что есть въ природѣ живаго, такъ безмолвно и вмѣстѣ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣтлой, и наконецъ во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ чистомъ движеніи младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ, какое наказаніе налагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ, не показывайте имъ Бога, какъ грознаго, карающаго судію, но учите ихъ смотрѣть на Него безъ трепета и страха, какъ на отца, безконечно любящаго своихъ дѣтей, которыхъ Онъ создалъ для блаженства и которыхъ блаженство Онъ искушалъ мученіемъ на

крестъ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій, какъ начало премудрости. но дѣлайте такъ, чтобы этотъ страхъ вытекалъ изъ любви—же и чтобы не боязнь наказанія, а боязнь оскорбить Отца благаго, любящаго, а не грознаго и мстящаго, производила страхъ. Обращайте ваше вниманіе не на истребленіе недостатковъ и пороковъ въ дѣтяхъ, а на наполненіе ихъ животворящею любовію: будетъ любовь, не будетъ пороковъ. Истребленіе дурнаго безъ наполненія хорошимъ — безплодно; оно производитъ пустоту, а пустота безпрестанно наполняется пустотою—же; выгоните одну, явится другая. Любви, безконечной любви — все остальное призрачно и ничтожно. Богъ есть любовь и пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ» (Т. II, стр. 343 — 344).

Итакъ побольше внимательности въ себѣ, побольше заботы о воспитаніи и путь человѣка можетъ быть ясенъ ему и найдетъ въ себѣ—же самомъ человѣкъ средства и силы идти по этому пути.

Здѣсь невлишне, кажется, будетъ обратить вниманіе и на взглядъ Бѣлинскаго на назначеніе женщины. Все имѣетъ свое назначеніе, и все должно стремиться къ своему назначенію, — къ чему—же должна стремиться

женщина? Объ этомъ какъ думаетъ Бѣлинскій? — вопросъ опять живой и интересный.

Честный, высокій, полный любви ко всему европейскому, Бѣлинскій смотрѣлъ на женщину тѣмъ возвышеннымъ взглядомъ, который сдѣлалъ-бы честь любому мыслителю и тѣмъ выше этотъ взглядъ его, что если и теперь еще въ большинствѣ нашего общества не въ диковинку азіятскія понятія и о назначеніи женщины и объ ея отношеніяхъ къ мужчинѣ, то въ то время такія понятія были господствующими и голосъ Бѣлинскаго былъ за женщину едва-ли не первый. Бѣлинскій считалъ женщину существомъ вполнѣ равноправнымъ мужчинѣ. Какъ и мужчина, женщина—тотъ же человѣкъ, а это одно уже обязываетъ ее ко всему человѣческому и даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ей всѣ права человѣка. «Въ наше время, говоритъ Бѣлинскій,—жизнь и дѣятельность въ сферѣ общаго есть необходимость не для одного мужчины, но точно также и для женщины: ибо наше время сознало уже, что и женщина такъ-же точно человѣкъ, какъ и мужчина, и сознало это не въ одной теоріи (какъ это же сознавали и средніе вѣка), но въ дѣйствительности. Если-же мужчинѣ позорно быть самцомъ, на томъ основаніи, что онъ человѣкъ,

з не животное, то и женщинѣ позорно быть самкою на томъ основаніи, что она—человѣкъ, а не животное. Ограничить же кругъ ея дѣятельности скромностію и невинностію въ состояніи дѣвическомъ, спальнею и кухнею въ состояніи замужества (какъ это было въ средніе вѣка)—не значитъ-ли это лишить ее правъ человѣка, и изъ женщины сдѣлать самкою? Но скажутъ намъ: женщина—мать, а назначеніе матери свято и высоко—она воспитательница дѣтей своихъ. Прекрасно! Но вѣдь воспитывать не значитъ только выкармливать и вынянчивать то первое можетъ сдѣлать корова, или коза, а второе нянька), но и дать направленіе сердцу и уму,—а для этого развѣ нежужно, со стороны матери, характера, науки, развитія, доступности ко всѣмъ человѣческимъ интересамъ?... Нѣтъ, міръ знанія, искусства, словомъ—міръ общаго долженъ быть столькоже открытъ женщинѣ, какъ и мужчинѣ, на томъ основаніи, что и она, какъ и онъ, прежде всего—человѣкъ, а потомъ уже любовница, жена, мать, хозяйка, и проч. Вслѣдствіе этого, отношенія обоихъ половъ къ любви и одного къ другому въ любви дѣлаются совсѣмъ другими, нежели какими они были прежде. Женщина, которая умѣетъ только любить му-

жа и дѣтей своихъ, а больше ни о чемъ не имѣетъ понятія и больше ни къ чему не стремится,—такъ же точно смѣшна, жалка и недостойна любви мужчины, какъ смѣшонъ, жалокъ и недостоинъ любви женщины мужчина, который только на то и способенъ, чтобъ влюбиться, да любить жену и дѣтей своихъ. Такъ какъ истинно-человѣческая любовь теперь можетъ быть основана только на взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, а не на одномъ капризѣ чувства и не на одной прихоти сердца,—то и любовь нашего времени имѣетъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели какой имѣла она прежде. Взаимное уваженіе другъ въ другѣ человѣческаго достоинства производитъ равенство, а равенство—свободу въ отношеніяхъ. Мужчина перестаетъ быть властелиномъ, а женщина—рабою, и съ обѣихъ сторонъ установляются одинаковыя права и одинаковыя обязанности: послѣднія, будучи нарушены съ одной стороны тотчасъ-же не признаются болѣе и другою Вѣрность перестаетъ быть долгомъ, ибо означаетъ только постоянное присутствіе любви въ сердцѣ: нѣтъ болѣе чувства—и вѣрность теряетъ свой смыслъ; чувство продолжается — вѣрность опять не имѣетъ смысла,

ибо что за услуга быть вѣрнымъ своему счастію»? (Т. VIII, стр. 172 и 173)

«Мы, продолжаетъ Бѣлинскій, далѣе развивая ту-же мысль, — не преклонимъ колѣнъ передъ женщиною за то только, что она прекрасна собою, какъ это дѣлали греки; но мы и не бросимъ ее, какъ наскучившую намъ игрушку, лишь только чувство наше насытилось обладаніемъ. Это не значитъ, чтобъ наше сердце не могло иногда охладѣвать безъ причины; но для насъ нѣтъ большаго несчастія, какъ взять на себя нравственную отвѣтственность въ счастіи женщины, растерзать ея сердце, хотя бы и невольно. Мы ни съ кѣмъ не станемъ драться, чтобъ заставить кого-нибудь признать любимую нами женщину за чудо красоты и добродѣтели, какъ это дѣлали рыцари; но мы уважимъ ея дѣйствительныя права и, не дѣлая ее своею царицею, не захотимъ видѣть въ ней не только свою рабу, но и низшее (почему-то) насъ существо... Мы не увидимъ въ ней, какъ въ средніе вѣка, какого-то безплотнаго существа высшей природы, но вполнѣ признаемъ ее [illegible]... [illegible] не унизится, но возвысится въ глазахъ нашихъ, [illegible] назначеніе, и наше понятіе о ея нравственной

чистотѣ и непорочности не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грязно-чувственнымъ понятіемъ, какое придавалъ этому предмету экзальтированный романтизмъ среднихъ вѣковъ: для насъ, нравственная чистота и невинность женщины—въ ея сердцѣ, полнотѣ любви, въ ея душѣ, полной возвышенныхъ мыслей.... Идеалъ нашего времени—не дѣва идеальная и неземная, гордая своею невинностію, какъ скупецъ своими сокровищами, отъ которыхъ ни ему, ни другимъ не лучше жить на свѣтѣ: нѣтъ, идеалъ нашего времени—женщина, живущая не въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности осуществляющая жизнь своего сердца,—не такая женщина, которая чувствуетъ одно, а дѣлаетъ другое. Въ наше время любовь есть идеальность и духовность чувственнаго стремленія, которое только ею и можетъ быть законно, нравственно и чисто; безъ нея же оно и въ самомъ бракѣ есть униженіе человѣческаго достоинства, грѣховный позоръ и растлѣніе женщины».... (стр. 178).

«Мнѣніе, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій,—что женщина годна только рождать и нянчить дѣтей, варить мужу щи и кашу, или плясать и сплетничать, да почитывать легонькіе пустячки—это истинно киргизъ-кайсацкое

мѣніе! Женщина имѣетъ равныя права и равное участіе съ мужчиной въ дарахъ высшей духовной жизни,—и если она во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже его на лѣстницѣ нравственнаго развитія, — этому причиною не ея натура, а злоупотребленіе грубой матеріяльной силы мужчины, полуварварское, немного восточное устройство общества, и сахарное, эркадское воспитаніе, которое дается женщинѣ.... Но вѣкъ идетъ, идеи движутся, и варварство начинаетъ колебаться—женщина уже сознаетъ свои права человѣческія, и блистательными подвигами доказываетъ гордому мужчинѣ, что и она такъ же дочь неба, какъ и онъ сынъ неба.... Кому неизвѣстны имена Бегины и Рахели, которыхъ глубокія натуры отъ всякаго прикосновенія къ нимъ жизни издавали изъ себя электрическія искры откровенія тайнъ духа? Кому неизвѣстно имя геніяльной Жоржъ Зандъ? Недавно въ Англіи вышла книга миссъ Джемсонъ—«Характеры Шекспировскихъ женщинъ», изумившая ученую и философскую Германію силою и глубиною анализа сокровенной души женщины, вѣрнымъ и мощнымъ постиженіемъ величайшаго поэта въ мірѣ, вдохновеннымъ, поэтическимъ и, въ то-же время, полнымъ мысли и опредѣлительности из-

ложеніемъ. Недавно вышла въ Германіи книга «Миѳологи Грековъ и Римлянъ»—плодъ глубочайшаго изученія древности, книга столь-же глубоко философская, сколько и высоко-поэтическая: авторъ этой книги—женщина. Тинетта Гомбергъ ... У насъ еще такъ недавно начали появляться истинно ученые мужчины—слѣдовательно намъ еще рано думать о своихъ Джемсонь и Гомбергъ; но и наша литература можетъ по справедливости гордиться многими женскими именами» (Т VI, стр 25—26).

И мужчина, по ученію Бѣлинскаго, долженъ смотрѣть на женщину не иначе, какъ на открытый ему самимъ провидѣніемъ источникъ силы къ перенесенію трудностей жизни. «Какъ-бы ни тѣсенъ, разсуждаетъ онъ, какъ бы ни ограниченъ былъ кругъ дѣятельности, избранный мужчиною, но всякая сознательная дѣятельность есть путь къ свершенію подвига жизни, а подвигъ жизни равно для всѣхъ тяжелъ и ужасенъ. Но правосудное и любящее провидѣніе Божіе, возложивъ на человѣка бремя его жизни и подвига, разочло и взвѣсило силы его человѣческой природы, и, въ семъ намѣреніи, дало ему новый, внѣ его самого находящійся, источникъ силы въ той

таинственной симпатіи, въ той высокой душевной гармоніи, въ томъ чистомъ, эоирномъ пламени любви которое соединяетъ его съ женщиною. Женщина—ангелъ-хранитель мужчины на всѣхъ ступеняхъ его жизни: ея блящій, попечительный взоръ встрѣчаетъ онъ при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ, и, прильнувъ къ источнику любви и жизни, ей обращаетъ онъ, съ бессознательною любовію свою первую улыбку; ея имя произноситъ онъ въ своемъ первомъ, младенческомъ лепетѣ; ея любовь напутствуетъ его до самаго того мгновенія, когда жизнь исторгаетъ его изъ ея нѣжныхъ, материнскихъ объятій; потомъ, ея взоръ возбуждаетъ въ немъ, необузданномъ юношѣ, пламень благородныхъ страстей порывы къ высокому въ дѣлахъ и помыслахъ, крѣпитъ его душу, кипящую избыткомъ силъ, и укрощаетъ дикіе порывы его буйной воли, и его, юнаго, мощнаго льва, безсознательно стремитъ, съ удвоенною энергіею, къ его цѣли, какъ славостною наградою своей взаимности—этимъ послѣднимъ, возможнымъ на землѣ блаженствомъ, послѣ котораго человѣку ничего не остается желать для себя. И какая нужда, если смерть или обстоятельства жизни не дадутъ ему вышить до дна фіалъ

блаженства, или если, вмѣсто чаръ взаимности, онъ вкуситъ муки отверженной любви?..

«Но если мужчинѣ суждено и блаженство взаимности и блаженство соединенія, то она—же, все она, въ лѣтахъ его мужества—путеводная лучезарная звѣзда его жизни, опора, источникъ силы, который не даетъ душѣ его остынуть, очерстветь и ослабнуть. Въ старости, она—блѣдный лучъ солнца, напоминающій ему, что для него было нѣкогда другое, яркое и пламенное солнце, роскошно освѣщавшее дорогу его жизни и давшее вкусить ему всѣ человѣческія радости». (Т. I, стр. 403—404).

Что-же касается того, будто природа обрекла женщину только на служеніе любви, эту мысль Бѣлинскій считаетъ плохо понятой, и мало того, что плохо понятой, но мыслью—обидной, слишкомъ чувственной, нечистой.

«Мы, говоритъ онъ, охотно соглашаемся съ тѣмъ, что сама природа создала женщину преимущественно для любви; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ женщина только на одно то и родилась, чтобъ любить: напротивъ, изъ этого слѣдуетъ, что женщина полъ преимущественнымъ преобладаніемъ характера любви и чувства создана дѣйствовать въ тѣхъ-же самыхъ сферахъ и на тѣхъ-же самыхъ поприщахъ

шахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина. А между-тѣмъ, общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути вонсе въ другія сферы человѣческаго существованія. Гаремы только фактически принадлежатъ Востоку: въ идеѣ, они принадлежность и просвѣщенной Европы и всего міра. Извѣстно физіологически что каждое наше чувство съ особенною силою развивается на счетъ другихъ чувствъ: потерявшіе слухъ лучше начинаютъ видѣть, ослѣпшіе—лучше слышать, тоньше осязаютъ. Удивительно ли, что вся сила духовной натуры женщины выражается въ любви, когда у женщины не отнято только одно право любить, а всѣ другія человѣческія права рѣшительно отняты? Удивительно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что тогда въ женщинахъ становится недостаткомъ именно то что должно бы составлять ихъ величайшее достоинство? И ключительная преданность любви дѣлаетъ ихъ односторонними и требовательными: онѣ, кромѣ любви, не хотятъ признавать ничего на свѣтѣ, и требуютъ, чтобъ мужчина для любви забылъ всѣ другіе интересы — и общественные вопросы, и общественную дѣятельность, и науку, и искусство, и все на свѣтѣ. Это разрушаетъ равенство: ибо тогда

мужчина не совсѣмъ безъ основанія начинаетъ видѣть въ женщинѣ низшее себя существо. Не совсѣмъ безъ основанія, сказали мы: ибо дѣйствительно такою сдѣлало ее воспитаніе и разныя общественныя отношенія; она—низшее въ сравненіи съ нимъ существо, хотя въ возможности, какою создала ее природа, она столько-же не ниже его, сколько и не выше. Это неравенство рождаетъ разныя отношенія одной стороны къ другой. Въ мужчинѣ является родъ презрѣнія и къ женщинѣ и къ чувству любви, а вслѣдствіе этого охлажденіе, которое дѣлаетъ невыносимою неразрывность связывающихъ ихъ узъ. Въ женщинѣ, напротивъ, самая опасность потерять сердце любимаго ею человѣка только усиливаетъ ея любовь и дѣлаетъ ее навязчивѣе и требовательнѣе. Сверхъ того, продолжительность или неизмѣняемость чувства можетъ-быть дорога и почтенна только какъ признакъ того, что обѣ стороны нашли другъ въ другѣ полное осуществленіе тайныхъ потребностей своего сердца, иначе, это—или простая привычка (дѣло тоже очень хорошее, если результатъ его бываетъ счастіе), или донъ-кихотская добродѣтель, способная удивлять и восхищать только сухихъ и мертвыхъ моралистовъ-резонеровъ, да

еще романтическихъ поэтовъ мечтателей. Если внезапныя охлажденія чувства къ однимъ предметамъ и столь же внезапныя возгаранія чувства къ другимъ предметамъ, если они бываютъ дѣйствительно: значитъ, возможность ихъ заключена въ природѣ сердца человѣческаго, и тогда они—не преступленіе и даже не несчастіе. Кто способенъ понять это, тому всегда легче перенести подобный разрывъ, и тотъ всегда послѣ него сохранитъ свое нравственное здоровье и свою способность вновь быть счастливымъ любовью. Изъ мужчинъ нѣкоторые это понимаютъ и очень многіе чувствуютъ это безсознательно; что-же касается до женщинъ, изъ нихъ могутъ понимать это развѣ только одаренныя геніальною натурою. Женщина, съ колыбели воспитывается въ убѣжденіи, что она всю жизнь должна принадлежать одному, принадлежать въ качествѣ вещи. И потому, нѣкоторыя изъ нихъ иногда обрекаютъ себя, послѣ смерти мужа, вѣчному вдовству—родъ индійскаго самосожженія на кострѣ умершаго мужа» (Т. VII, стр. 176—178).

Такъ смотритъ Бѣлинскій на женщину, и отсюда само собою уже вытекало и его уваженіе къ браку, какъ религіозному и гражданскому постановленію. А смотря такъ высо-

ко на бракъ, Бѣлинскій уже не могъ оставаться равнодушнымъ къ браку, какъ къ торговой сдѣлкѣ; такой бракъ въ его глазахъ— униженіе таинства. «Мы, говоритъ онъ, люди новѣйшаго поколѣнія, презираемъ бракомъ по разсчету, презираемъ этою торговою сдѣлкою, унижающею достоинство человѣка и общества, но уважаемъ идею брака, какъ священнаго союза двухъ душъ, понимающихъ одна другую, союза любви, освящаемаго чувствомъ и религіею. Поэтому, въ нашихъ глазахъ, старикъ, женившійся на молодой дѣвушкѣ, есть или глупецъ, стоящій на степени безсмысленнаго животнаго, или отвратительный сластолюбецъ, что едвали еще не хуже: и потому, мы, люди новѣйшаго поколѣнія, слишкомъ уважаемъ идею женщины, слишкомъ горячо вѣримъ въ достоинство человѣческое и возможность его въ обоихъ полахъ, слишкомъ убѣждены въ добродѣтели женщины, которая способна возвыситься до святаго чувства любви, чтобы не вѣрить въ чистоту и твердость женщины; мы даже не почитаемъ за добродѣтель этой чистоты и твердости, а видимъ въ нихъ простое и обыкновенное исполненіе долга, даже и не исполненіе долга, а просто естественное состояніе женщины, потому-что добродѣ-

тель есть усиліе, побѣда надъ какимъ-нибудь порочнымъ или эгоистическимъ порывомъ, а любящая женщина не можетъ имѣть подобныхъ порывовъ въ отношеніи своей вѣрности къ мужу, слѣдовательно, у нея не можетъ быть не только борьбы съ преступнымъ чувствомъ, но даже и мысли о такой борьбѣ» (Т. II, стр 196 и 197). Впрочемъ отвергая бракъ какъ торговую сдѣлку, Бьлинскій вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрялъ и брака по безсмысленной страсти; у него и здѣсь своеобразный взглядъ. Вотъ что отвѣчалъ онъ г. Гроту, по поводу нападокъ послѣдняго на его критику сочиненія г-жи Бремеръ. «Мы, говоритъ онъ, отвѣчая на-упрекъ, не менѣе г. Грота убѣждены въ важности брака, какъ религіознаго и гражданскаго установленія; но хотимъ видѣть бракъ, какъ онъ часто бываетъ въ суровой дѣйствительности, а не въ розовыхъ и дѣтскихъ мечтахъ экзальтированныхъ юныхъ головокъ. По нашему мнѣнію браки бываютъ трехъ родовъ: браки по принужденію—самый гнусный родъ браковъ; браки по юношеской страсти—самый опасный родъ браковъ, потому-что изъ ста тысячъ, наконецъ, удается только одинъ счастливый; и браки по разсудку, гдѣ при разсчетахъ не исключается и склонность въ извѣстной степени,

—это самый благонадежный родъ браковъ. Г. Гротъ, пожалуй, скажетъ, что именно этотъ то родъ брака и прославляетъ г-жа Бремеръ. Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ! Въ бракѣ, о которомъ мы говоримъ, нѣтъ ничего обаятельнаго для юныхъ мечтателей и мечтательницъ. Представьте его имъ, въ романѣ, какъ онъ есть, они не станутъ торопиться жениться и выходить замужъ. Всѣ признаютъ необходимость брака, но это никому не мѣшаетъ сознавать, что брачное состояніе — дѣло довольно трудное въ дѣйствительности, хотя и обольстительное въ романахъ извѣстнаго рода. Особенно возмутили г. Грота наши слова, что «теперь жениться по склонности и для счастья считается совсѣмъ не въ тонѣ, а всѣ рѣшительно женятся для денегъ и связей». Что-жъ? развѣ это не несомнѣнная истина? При слухѣ о новомъ бракѣ, всѣ спрашиваютъ, сколько приданаго, пріобрѣтаются-ли связи? но никто не спрашиваетъ, любятъ-ли брачащіеся другъ друга. И женихъ говоритъ громко: беру столько-то, у моей невѣсты такая-то родня, а о любви умалчиваетъ; невѣста тоже говоритъ: у моего жениха столько-то, или: у него такія-то связи, партія приличная и выгодная. Неужели все это неизвѣстно г. Гроту? Гдѣ-же онъ

живетъ; въ какой Аркадіи, въ какой Утопіи? Но г. Гротъ до того простираетъ милую наивность своихъ аркадскихъ убѣжденій, что людей, которые женятся не для страсти и счастія (этой невидимки на землѣ), а для выгодной партіи, называетъ людьми безнравственными, внушающими презрѣніе и жалость. Вотъ это и несправедливо и невѣжливо. Ибо такихъ людей многое множество, и притомъ, между ними много людей честныхъ, благородныхъ и понимающихъ нравственность не хуже г. Грота.

Нѣтъ г. Гротъ, воля ваша, а слишкомъ уже много берете на себя, называя негодяями всѣхъ, кто женится не по страсти, а по разсчету склонности. Мы сами убѣждены, что негодяй тотъ, кто по разсчету, насильно женится на дѣвушкѣ, зная ея отвращеніе къ его особѣ, и еще болѣе, зная ея склонность къ другому; но гдѣ нѣтъ насилія, а есть разсчетъ—тамъ несправедливо видѣть развратъ Согласны, что въ такомъ разсчетливомъ бракѣ можетъ быть много пошлаго, грубаго и даже низкаго; но несогласны, чтобъ въ немъ ужь непремѣнно не могло быть благороднаго, честнаго и нравственнаго, и чтобъ люди, которые женятся по разсудку, а не по страсти, непремѣнно не могли быть хорошими мужьями

и отцами. Вотъ что слѣдуетъ развивать въ романахъ, а не рисовать приторныя и пошленькія картинки идиллическихъ радостей и мелочныхъ огорченій (разрѣшающихся потомъ опять въ радости) филистерской жизни. Не худо-бы также предувѣдомить юныя души, съ розовыми мечтами счастія, о томъ, какъ иногда черезъ необдуманные браки размножаются въ обществѣ нищіе, какъ иногда мужъ тиранитъ свою жену и держитъ дѣтей въ рабскомъ трепетѣ, убивающемъ въ нихъ всѣ благородныя чувства въ самомъ ихъ зародышѣ.. Вотъ такіе «семейные» романы были бы въ духѣ нашего времени и способствовали-бы къ тому, чтобъ браки, какъ они есть, сдѣлались браками, какъ они должны быть» (Т. IX, стр 123—125)

Изъ приведенныхъ словъ, кажется, уже должно быть ясно, чего требуетъ Бѣлинскій отъ брака. Очевидно, что по его понятію бракъ не долженъ былъ со стороны человѣка продажей себя изъ-за золота или званія; но ему не мѣшаетъ и слѣдуетъ быть такимъ, гдѣ-бы принимало участіе не одно сердце, но и разсудокъ. Спрашивается: противно-ли это опять понятію о бракѣ, какъ таинствѣ? думаемъ, что нѣтъ. Лучше принять на себя обязанности брака ра-

зумно, и потомъ исполнять ихъ, чѣмъ пуститься въ брачную жизнь, очертя голову, и начать потомъ клясти себя, бранить другихъ, бѣгать дома и семьи и смотрѣть на узы брачныя въ полномъ смыслѣ какъ на узы.

Такъ все болѣе и болѣе проясняется передъ нами взглядъ Бѣлинскаго на нравственность, становясь все шире и шире въ своемъ развитіи и содержаніи. Слѣдя за этимъ взглядомъ далѣе, мы находимъ, что Бѣлинскій, при всемъ своемъ уваженіи къ Пушкину, какъ великому поэту, не можетъ однакожъ согласиться съ нимъ въ слѣдующемъ его отзывѣ о человѣкѣ

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Евву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ,
Къ себѣ таинственному древу.
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай—не въ рай.

«Мы, говоритъ онъ по этому поводу, лучше думаемъ о достоинствѣ человѣческой натуры и убѣждены, что человѣкъ родится не на зло, а на добро, не на преступленіе а на разумно-законное наслажденіе». Но выражая такую вѣру въ человѣка, Бѣлинскій въ то-же время при-

знаетъ огромное вліяніе на человѣка обще ства. «Создаетъ человѣка природа, раз- суждаетъ онъ, но развиваетъ и образуетъ его общество. Никакія обстоятельства жизни не могутъ защитить человѣка отъ вліянія об- щества, нигдѣ не скрыться, ни куда не уйти ему отъ него. Самое усиліе человѣка развиться самостоятельно, внѣ вліянія общества, сооб- щаетъ человѣку какую-то странность, при даетъ ему что-то уродливое, въ чемъ опять видно вліяніе общества. Вотъ почему, — прибавляетъ онъ, у насъ люди съ дарованіями и хорошими природными расположеніями obi ваютъ часто самыми несносными людьми, и вотъ почему у насъ только геніальность спа саетъ человѣка отъ пошлости. (Т. VII стр. 337, 375). Опять прекрасная мысль. Выше духа времени, выше идей общества еще ни кто не былъ и не можетъ быть и что такое самъ геній? Но есть-ли онъ только сожатъ времени и отраженіе потребностей его? Но если человѣкъ не можетъ стать выше времени, то съ другой стороны человѣкъ если и стра- даетъ отъ извѣстнаго миазма, то этотъ миазмъ — миазмъ общества-же. Въ томъ обществѣ, гдѣ воровство не считается и за грѣхъ и гдѣ всѣ воруютъ, что удивительнаго, если беретъ взятки и

служитель Оемиды? Это, впрочемъ, не значитъ, чтобы человѣкъ, какъ членъ общества, вліяющаго на него, былъ уже тѣмъ самымъ безотвѣтенъ въ своихъ поступкахъ, какъ невольная жертва чужой воли. Что Бѣлинскій не понималъ такъ дѣла, это видно изъ его сужденія о Викторѣ Гюго и ему подобныхъ, которыхъ вся мысль именно къ тому и направлена, чтобы всѣ грѣхи людскіе свалить на общества, а ихъ жертвы представить лишь мучениками. «Что такое теперь, говоритъ Бѣлинскій, колоссальный геній—Викторъ Гюго?—человѣкъ, у котораго когда-то былъ блестящій талантъ,—человѣкъ, который написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, вмѣстѣ съ множествомъ посредственныхъ и плохихъ, и котораго лирическая поэзія, взятая какъ нѣчто цѣлое, какъ отдѣльный міръ творчества, чужда всякаго характера, всякаго значенія, всякаго общаго пафоса. Что такое его препрославленная «Notre Dame de Paris»? Тяжелый плодъ напряженной фантазіи, tour de force блестящаго дарованія, которое раздувалось и выжилось до генія; пестрая и лишенная всякаго единства картина ложныхъ положеній, ложныхъ страстей и ложныхъ чувствъ; океанъ изящной риторики, дикихъ

мыслей, натянутыхъ фразъ, словомъ, всего, что способно приводить въ бѣшеный восторгъ только пылкихъ мальчиковъ.... Что такое его драмы? — жалкія усилія безпокойнаго самолюбія, уродливыя клеветы на природу человѣка ... А этотъ «скромный» Дюма, этотъ полу-негръ и полу-французъ, который такъ гордъ бѣшенствомъ и свирѣпостью своихъ ощущеній, который, по собственному признанію, бралъ у Шекспира свое, какъ скоро находилъ его, и который съ добродушною наглостью и невиннымъ безстыдствомъ говоритъ о самомъ себѣ, какъ о великомъ геніи; этотъ Жанеръ, авторъ сатанинскихъ романовъ и паясническихъ фельетоновъ; этотъ господинъ *де*-Бальзакъ, [illegible] стью, знакомаго ему только съ улицы; этотъ чопорный де-Виньи, съ его вѣчнымъ идеаломъ страждущаго поэта, съ его вѣчною враждою къ успѣхамъ времени и постоянною вѣрностію вѣку маркизовъ и аббатовъ; этотъ мрачный Эженъ Сю; этотъ неистовый Жакобъ Библіофилъ, съ шутовскою макабрскою пляскою его фантазіи, прикованный къ мусору историческихъ древностей; этотъ сладко-мечтательный Ламартинъ.... что такое теперь всѣ они? Они такъ шумѣли, такъ силились выдать себя за ти-

тановъ, осаждающихъ Зевеса на его непри ступномъ Олимпѣ! Всѣ думали, что они поворотятъ землю на ея оси; а вышло, что они— просто маленькіе-великіе люди, добрые ребята, которые очень довольны жизнію, когда у нихъ есть деньги, и которые, еще до гроба, пережили и свою славу, и свои творенія, и, не дожившъ до старости, до равнодушія и пре зрѣнія той толпы, которая нѣкогда видѣла въ нихъ своихъ идоловъ... ». Этого одного мѣста, кажется, достаточно, чтобы разсѣять всѣ мрачные взгляды на Бѣлинскаго, какъ на какого-то проповѣдника идей зашла. Такимъ-образомъ мысль Бѣлинскаго, очевидно, сводится къ тому, что человѣкъ не долженъ оставлять безъ вниманія той среды общества, въ какую онъ попадетъ; зная, что эта среда можетъ и будетъ влять на него, онъ долженъ выбирать выгоднѣйшія для себя условія, ставить себя въ положенія благопріятнѣйшія и во всякомъ случаѣ бороться со всѣмъ, что неблагопріятно. Безъ борьбы, повторимъ слова его, нѣтъ заслуги.

Но гдѣ борьба, такъ есть и побѣда, есть и паденіе. И кто не знаетъ, что человѣкъ чаще падаетъ, чѣмъ побѣждаетъ. Это такъ Только, по мнѣнію Бѣлинскаго, есть разница

и въ самомъ паденіи человѣка, и здѣсь есть мѣра каждому. Эта мѣра слѣдующая: чѣмъ глубже натура человѣка, тѣмъ глубже и его паденіе и заблужденіе. И вотъ чѣмъ объясняетъ онъ между прочимъ характеръ Іоанна Грознаго, вотъ въ чемъ видитъ онъ объясненіе всѣхъ его злодѣяній. «Есть, говоритъ Бѣлинскій, два рода людей съ добрыми наклонностями: люди обыкновенные и люди великіе. Первые, сбившись съ прямого пути, дѣлаются мелкими негодяями, слабодушными; вторые—злодѣями. И чѣмъ душа человѣка огромнѣе, чѣмъ она способнѣе къ впечатлѣніямъ добра, тѣмъ глубже падаетъ онъ въ бездну преступленія, тѣмъ больше заключается во злѣ. Таковъ Іоаннъ: это была душа энергическая, глубокая, гигантская. Стоитъ только пробѣжать въ умѣ жизнь его, чтобы удостовѣриться въ этомъ. Вотъ четырехлѣтнее дитя, остается онъ безъ отца, и кому-же ввѣряется его воспитаніе? Преступной матери и самовольству бояръ, этихъ буйныхъ бояръ, крамольныхъ, корыстныхъ, которые не почитали за безчестіе и стыдъ лѣности, нерадѣнія, явнаго неповиновенія царской волѣ, проигрыша сраженія вслѣдствіе споровъ о мѣстахъ, а почитали себя обезчещенными, уничтоженными, когда ихъ сажали не по чинамъ

на царскихъ пирахъ. И что-жъ дѣлаютъ съ царственнымъ отрокомъ эти своекорыстные и бездушные бояре?... Онъ рветъ животное, наслаждаясь его смертными издыханіями, а они говорятъ: «пусть державный тѣшится». Кто-жъ виноватъ, если потомъ онъ тѣшился надъ ними, своими развратителями и наставниками въ тиранствѣ?... Онъ любилъ Телепнева—и они вырываютъ любимца изъ его объятій и ведутъ его на мѣсто казни. Душа младенца была потрясена до основанія, а такія души не забы[illegible] юношею и распутничаетъ: бояре видятъ въ этомъ свою пользу и подучиваютъ его на распутство. Но зрѣлище народнаго бѣдствія потрясаетъ душу юнаго царя и вдругъ перемѣняетъ его: онъ женится—и на комъ-же? на кроткой прекрасной Анастасіи. онъ уже—не тиранъ, а добрый государь, онъ уже не легкомысленный и вѣтренный мальчикъ, а благоразумный мужъ: какіе люди способны къ такимъ внезапнымъ и быстрымъ перемѣнамъ?... Ужь конечно не просто добрые и неглупые!... Онъ подаетъ руку Сильверсту и безродному Адашеву; онъ ввѣряется имъ, онъ какъ будто понимаетъ ихъ, но поняли-ль они его?... Люди народа, они дѣйствуютъ благородно и

безкорыстно, умно и удачно, но они оковывають волю царя; эта воля была львиная и жаждала раздолья и дѣйствительности самобытной, честолюбивая и пламенная.... Своимъ вліяніемъ на умъ царя, они спеленали исполина, не думая, что ему стоитъ только пожать плечами, чтобъ разорвать пеленки. Они, наконецъ, назначали ему и часъ молитвы, и часъ суда и совѣта, и часъ царской потѣхи, покорили эту душу тяжкому, холодному, чинному и бездушному этикету, а эта душа была пылка, нетерпѣлива, стояла выше предразсудковъ своего времени и втайнѣ презирала безсмысленными обрядами.... И царь надѣлъ иго, слушался своихъ любимцевъ, какъ дитя, казалось, былъ всѣмъ доволенъ, но его сердце точилъ червь униженія.... У царя есть сынъ и есть дядя —послѣдній обломокъ раздалившагося зданія удѣловъ. Царь боленъ при смерти; въ это время Русь уже пріучилась страшиться крамолъ; наслѣдство престола было уже опредѣлено и утверждено общимъ, народнымъ мнѣніемъ: сынъ царя былъ уже выше своего дяди; —и что-же? При смертномъ одрѣ умирающаго вѣнценосца возстала крамола: бояре отрекаются отъ законнаго наслѣдника, къ ней пристаютъ Сильверстъ и Адашевъ.... Царь все

видитъ, все слышитъ: его санъ, его достоинство поруганы; у его смертнаго одра брань и чуть не драка; справедливость нарушена: его сынъ лишенъ престола, который отдается удѣльному князю, который въ глазахъ и царя и народа казался крамольникомъ, хотя былъ и невиненъ, которому право жизни было дано какъ будто изъ милости... Этотъ ударъ былъ слишкомъ силенъ, нанесенная имъ рана была слишкомъ глубока: царь возсталъ для мщенія.... Трепещите, буйные и крамольные бояре! вашъ часъ пробилъ, вы сами накликали кару на свою голову, вы оскорбили льва, а левъ не забываетъ оскорбленій и страшно мститъ за нихъ... Царь выздоровѣлъ, оглянулся назадъ: назади было его сирое дѣтство, казнь Овчины-Телепнева, тяжкая неволя и ненавистная боярщина, нарушавшаяся надъ его смертнымъ часомъ, оскорбившая и законъ, и справедливость, и совѣсть; взглянулъ впередъ; впереди опять тяжкая неволя и ненавистная боярщина.... Мысль объ измѣнѣ и крамолѣ сдѣлалась его жизнію, и съ-тѣхъ-поръ онъ вездѣ и во всемъ могъ видѣть одну измѣну и крамолу, какъ человѣкъ, помѣшавшійся отъ привидѣнія, вездѣ и во всемъ видитъ испугавшій его призракъ.... Къ этому присоедини-

лась еще смерть страстно любимой имъ Анастасіи!... И теперь какъ понятно его постепенное измѣненіе, его переходъ къ злодѣйству.... Ему надлежало-бы свергнуть съ себя тягостную опеку, слушать совѣты, а дѣлать по своему, не питать вѣры, но быть осторожнымъ съ боярщиною и править государствомъ къ его славѣ и счастію; но онъ жаждетъ мести, мести за себя, а человѣкъ имѣетъ право мстить только за дѣло истины, за дѣло Божіе, а не за себя.... Мщеніе, можетъ-быть, сладкій, но ядовитый напитокъ; это скорпіонъ, самъ себя уязвляющій.... Кровь тоже напитокъ опасный и ужасный: она—что морская вода, чѣмъ больше пьешь, тѣмъ жажда сильнѣе, она тушитъ месть, какъ тушитъ масло огонь. Для Іоанна мало было виновныхъ, мало было бояръ—онъ сталъ казнить цѣлые города: онъ былъ боленъ, онъ опьянѣлъ отъ ужаснаго напитка крови» (Т. II, стр. 214—217). Но какъ-бы глубоко ни пали великія натуры, онѣ, по замѣчанію Бѣлинскаго, всегда имѣютъ и производятъ обаяніе; какъ-бы ни велико было ихъ преступленіе, но наказанныя онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу (Т. IV, стр. 295).

Всего сказаннаго нами кажется довольно

чтобы понять общій взглядъ Бѣлинскаго, какъ моралиста. И потому мы теперь перейдемъ къ раскрытію этого взгляда въ частностяхъ.

Главное основаніе нравственнаго ученія Бѣлинскаго, какъ мы видѣли, составляетъ человѣчность, или любовь человѣка къ человѣку, кто бы онъ ни былъ. Отсюда любовь къ человѣчеству становится первой обязанностью человѣка. «Бѣденъ и нищъ, говорилъ Бѣлинскій тотъ, кто, нося на себѣ образъ человѣческій, чуждъ всему человѣческому, обденъ и нищъ, хотя-бы онъ былъ богаче Креза, могущественнѣе Чингисъ-Хана! Богатъ же и могущъ, кто все понимаетъ, всему сочувствуетъ, богатъ и могущъ, хотя-бы онъ былъ обитателемъ Иры и назывался владѣльцемъ только собственной души своей» (Т. IV, стр. 448). И это потому, что каждый человѣкъ самъ по себѣ лишь маленькая частичка того общаго и цѣлаго, которое зовется человѣчествомъ, онъ—лишь одинъ изъ членовъ этого громаднаго тѣла. И вотъ этотъ то законъ служитъ основаніемъ, почему мы выучиваемся чужимъ языкамъ, понимаемъ чужіе нравы, интересуемся чужою исторіей, наслаждаемся чужою поэзіею, становимся гражданами уже несуществующихъ народовъ и протекшихъ вѣковъ, дѣлаемся властелинами прошед-

шаго, настоящаго и будущаго, царствуемъ надъ міромъ и вѣчностью. Человѣкъ, который-бы сталъ-бы жить только для себя, не прикасаясь общей жизни, былъ бы эгоистомъ, суровымъ, жесткимъ эгоистомъ. «Всѣ блага жизни, говоритъ Бѣлинскій, невѣрны, — стало быть, благо внутри насъ, здѣсь все проходитъ и измѣняетъ намъ: стало-быть, неизмѣнное впереди насъ. Прекрасно! Но неужели-же изъ этого слѣдуетъ, чтобъ мы здѣсь сидѣли сложа руки, ничего не дѣлая, питаясь высокими мыслями и благородными чувствованіями?... Это односторонность, нравственный аскетизмъ, крайность и заблужденіе ультра-романтизма.. Какимъ-образомъ человѣкъ можетъ идти «къ прекрасной, возвышенной цѣли», стоя на одномъ мѣстѣ и бесѣдуя съ самимъ собою о лучшей жизни, на порогѣ своей хижины, въ виду мраморнаго гроба?... И неужели эта «прекрасная, возвышенная цѣль» есть только лучшее счастіе человѣка, а личное счастіе человѣка только въ любви къ женщинѣ? ..О, если такъ, то, по закону совпаденія крайностей, эта любовь есть величайшій эгоизмъ!... Смерть —дѣло слѣпаго случая—похитила у насъ ту, которой обязаны были нашимъ земнымъ счастіемъ: не будемъ приходить въ отчаяніе—да

и для чего? —вѣдь это только временная разлука, вѣдь скоро мы опять женимся на ней—тамъ; сядемъ-же на порогѣ нашей хижины, сложимъ руки и, не сводя глазъ съ ея гроба, будемъ восхищаться «полнымъ славы твореніемъ», красотою вселенной, и будемъ утѣшать себя мыслію, что все дано намъ небомъ съ бытіемъ, и все въ жизни—средство къ великому, и что горе и радость—все къ одной цѣли! Нѣтъ, и еще разъ—нѣтъ! Только въ половину истина такая аскетическая философія! Законно и правено требованіе человѣка на личное счастіе; разумно и естественно его стремленіе къ личному счастію; но въ одномъ-ли сердцѣ долженъ заключаться весь міръ его счастія? Вотъ вопросъ. Еслибъ вся цѣль нашей жизни состояла только въ нашемъ личномъ счастіи, а наше личное счастіе заключалось-бы только въ одной любви: тогда жизнь была-бы дѣйствительно мрачною пустынею, завалленною гробами и разбитыми сердцами, была-бы адомъ, передъ страшною существенностію котораго поблѣднѣли-бы поэтическіе образы земнаго ада, начертанные геніемъ суроваго Данте.... Но—хвала вѣчному разуму, хвала промыслительному промыслу! есть для человѣка и еще великій міръ жизни, кромѣ вну-

тренняго міра сердца—міръ историческаго созерцанія и общественной дѣятельности,—тотъ великій міръ, гдѣ мысль становится дѣломъ, а высокое чувствованіе—подвигомъ, — и гдѣ два противоположные берега жизни—здѣсь и тамъ—сливаются въ одно реальное небо исторического прогресса, историческаго безсмертія.... Это міръ непрерывной работы, неконечнаго дѣланія и становленія, міръ вѣчной борьбы будущаго съ прошедшимъ, — и надъ этимъ міромъ носится „Духъ Божій, отъемлющій хаосъ и мракъ своимъ творческимъ и мощнымъ глаголомъ: «да будетъ»! и вызывающій имъ свѣтлое торжество настоящаго—радостные дни новаго тысячалѣтняго царства Божія на землѣ» (Т. VIII, стр. 219).

И выходя на этотъ путь историческаго прогресса, мы никѣмъ и ничѣмъ не должны пренебрегать. И въ пѣснѣ дикаря — мы найдемъ отгулъ человѣческаго (Т. IV, стр. 447). Но вопросъ: какъ-же развить въ себѣ такую человѣчность? Чѣмъ возбудить въ себѣ такое чувство? Какъ на шагъ къ этому Бѣлинскій и указываетъ на романтизмъ. «Романтизмъ, говоритъ онъ,—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконеч-

ному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ. .. Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и не внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія. Обаятеленъ этотъ фантастическій, защертый въ самомъ себѣ [illegible] средніе вѣка жили въ немъ безвыходно; наше время, выступившее изъ него-же, не отрѣшилось отъ него, но расширило его новыми элементами и уравновѣсило ихъ, познало его и съ исторіею и съ практическою дѣятельностію. Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, въ глубь себя, чтобъ питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его! . Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ дѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣнями въ чужомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности. Люди

недалекіе и неглубокіе дѣлаются піэтистами, мистиками и моралистами; они толкуютъ и понимаютъ себя и все въ нихъ находящееся задомъ напередъ и вверхъ ногами. Но горе и тому, кто, увлеченный одною внѣшностію, дѣлается и самъ внѣшнимъ человѣкомъ: нѣтъ ему вѣрнаго убѣжища въ самомъ себѣ отъ бурь жизни; нѣтъ въ немъ глубокихъ развѣтвленныхъ началъ, ни вѣрнаго взгляда на дѣйствительность; внутри его и холодно, и сухо, и жестко; онъ не можетъ любить; онъ гражданинъ, онъ воинъ, онъ купецъ, онъ все что хотите, но онъ никогда — не «человѣкъ»; вы никогда ему не вѣрьтесь, и [illegible] другомъ, не открое ему никакого [illegible] няго человѣческаго чувства, боясь [illegible] ровать это чувство.... Итакъ, оба эти міра, внутренній и внѣшній—крайности; равно опасно предаваться одной изъ нихъ исключительно; но оба эти міра равно нуждаются одинъ въ другомъ, и въ возможномъ проникновеніи одного другимъ заключается дѣйствительное совершенство человѣка. Міръ внѣшній встрѣчаетъ насъ при самомъ рожденіи нашемъ и уловляетъ насъ: чтобъ избавиться отъ его ложныхъ и нечистыхъ обаяній, прежде всего нужно развить въ себѣ романтическіе элементы. Пусть

они возобладаютъ надъ нашимъ духомъ, возбудятъ въ насъ восторженность и фанатизмъ: въ сильной натурѣ, одаренной тактомъ дѣйствительности, они уравновѣсятся въ свое время съ другою стороною нашего духа, зовущею ихъ въ міръ исторіи и дѣйствительности; что же до натуръ односторонних, исключительныхъ, или слабыхъ—имъ вездѣ грозитъ разная опасность—и во внутреннемъ и во внѣшнемъ мірѣ. Итакъ, развитіе романтическихъ элементовъ есть первое условіе нашей человѣчности» (Т. VI, стр. 44—46). И вотъ между прочимъ въ чемъ видитъ онъ главную заслугу Жуковскаго. Она именно въ томъ, что онъ привилъ къ намъ и ввелъ въ нашу жизнь истинный романтизмъ, а онъ—есть истинная потребность духа человѣческаго.

Но любя все человѣчество, человѣкъ не долженъ забывать, что онъ сынъ своей земли, или, говоря словами Бѣлинскаго, любовь къ человѣчеству, понимаемому въ его историческомъ значеніи, должна быть живою мыслію, которая просвѣтляла бы своею любовь его къ родинѣ» (Т. VIII, стр. 171). «Космополитъ, говоритъ Бѣлинскій, есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явленіе, какой-то блѣдный, туманный призракъ, а не яркая

и живая дѣйствительность; вотъ почему, напримѣръ, русскій, случайно проведшій въ Парижѣ свое младенчество и въ чуждой его родной сущности (субстанціи) странѣ принявшій первыя живыя впечатлѣнія бытія, представляетъ изъ себя какого-то амфибія, уродливаго и отвратительнаго, какъ всѣ амфибіи; вотъ почему человѣкъ, для котораго ubi bene ibi patria, есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священнымъ именемъ человѣка; вотъ почему, наконецъ, измѣнникъ своему отечеству, предатель своей родины, есть злодѣй, при видѣ котораго содрагается человѣческое сердце, отъ котораго съ омерзѣніемъ отвращается человѣчество и который, если только онъ не идетъ (не въ риторическомъ, а въ физіологическомъ смыслѣ этого слова), склоняется на землю, подобно Каину, съ печатью проклятія на челѣ и ненавистію къ собственному существованію ... Если-бы общественныя узы были не плоть и кровь, а только взаимный договоръ для общихъ выгодъ, тогда въ идеѣ государства не было-бы ничего священнаго, и предательство отечества было-бы проступкомъ противъ чести и морали (Moralität), а не преступленіемъ противъ нравственности (Sittlichkeit); промѣнять свое отечество

на другое было бы несчастіемъ и простымъ расчетомъ перемѣны хорошаго на лучшее. Какъ не можемъ мы представить себѣ человѣка, вдругъ и Богъ вѣсть откуда явившагося полнымъ, возмужалымъ и разумнымъ человѣкомъ, такъ не можемъ себѣ представить и общества, вдругъ возникшаго по условному договору извѣстнаго числа индивидуумовъ. Какъ священно существо человѣка, потому-что его рожденіе и развитіе есть тайна для него самого, такъ священно и существованіе общества, потому-что его начало и развитіе есть тайна», (Т. III, стр. 215). Патріотизмъ въ глазахъ Бѣлинскаго *святое и высокое чувство*. «Какъ-бы ни была развѣтвиста сѣнь, богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ-бы горячимъ ключемъ ни била она во внѣ, и какими-бы волнами не лилась черезъ край,— она не полна, если не усвоитъ содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и членовъ отечества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежатъ на сердцѣ судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое кровное родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое имѣетъ свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи

страданія и радости, слез роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. Живой человѣкъ носитъ въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови, жизнь общества: онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастіемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ» (Т. IV, стр. 262 263) «Любить-же свою родину, по его мнѣнію, значитъ пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человѣчества и по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому» (Т. IV, стр 262).

И прежде всего всякій любящій свое отечество, всякій честный гражданинъ долженъ чтить царскую власть и повиноваться ей.

Бѣлинскій смотритъ на царскую власть съ полнымъ уваженіемъ, какое только можетъ быть въ душѣ человѣка, убѣжденнаго, что эта власть отъ Бога, и цари—помазанники Божіи. Считая царскую власть не только вполнѣ законною, но и священною, онъ благоговѣйно преклоняетъ передъ ней колѣна, какъ передъ избраніемъ Всевышняго, такъ-что всякая иная мысль ему кажется чистой нелѣпостью. «Спросите, говоритъ онъ, какого-нибудь французскаго говоруна, какого-нибудь либеральнаго аббати-

ка француза: откуда и какъ произошла царская власть?—и онъ непремѣнно скажетъ вамъ, что это сдѣлалось слѣдующимъ простымъ образомъ: «когда люди лишились своей естественной невинности, стали злы и развратны, то увидѣли себя въ горькой необходимости выбрать изъ среды себя человѣка и вручить ему неограниченную власть надъ собою». Для поверхностнаго взгляда абстрактныхъ головъ, въ глазахъ которыхъ идеи и явленія не заключаютъ въ самихъ себѣ своей причины и необходимости, но вырастаютъ какъ грибы послѣ дождя, но только безъ почвы и корней, а на воздухѣ,—для такихъ головъ нѣтъ ничего проще и удовлетворительнѣе такого объясненія, но для людей, духовному ясновидѣнію которыхъ открыта глубина и внутренняя сущность вещей, не можетъ быть ничего нелѣпѣе, смѣшнѣе и безсмысленнѣе. Все, что не имѣетъ причины въ самомъ себѣ и является изъ какого-то чуждаго ему «внѣ», а не «изнутри» самого себя,—все такое лишено разумности, а слѣдовательно и характера священности. Коренныя государственныя постановленія священны, потому-что они суть основныя идеи не какого-нибудь извѣстнаго народа, но каждаго народа, и еще потому, что они, перешедши въ явленія, ставши

фактомъ, діалектически развивались въ историческомъ движеніи, такъ-что самыя ихъ измѣненія суть моменты ихъ же собственной идеи. И потому коренныя постановленія не бываютъ закономъ, изрѣченнымъ отъ человѣка, но являются, такъ сказать, довременно, и только выговариваются и сознаются человѣкомъ. Равнымъ-образомъ, коренныя постановленія государства никогда не измѣняются въ смыслѣ замѣны однихъ другими, но измѣняются въ смыслѣ расширенія или ограниченія сообразно съ временными требованіями исторической жизни народа. Измѣненіе это всегда чувствуется въ государственномъ тѣлѣ какъ сотрясеніе и часто сопровождается судорожными потрясеніями цѣлаго его состава, ибо мысль, чтобы осуществиться, должна перейдти въ дѣло, въ фактъ, въ явленіе, а всякое явленіе совершается какъ-бы въ плоти и крови. Такъ, напр., реформа, произведенная въ жизни Россіи Петромъ Великимъ, совершилась въ борьбѣ и потрясеніяхъ всего государственнаго организма, но потому-то она такъ крѣпко и утвердилась и перешла въ законъ, и чѣмъ больше пролетитъ столѣтій отъ этого событія, тѣмъ большую законность и священность будетъ пріобрѣтать дѣло Петра. Мы хотимъ этимъ сказать, что сила вѣковаго

преданія и священная таинственность всего, теряющагося въ довременности, имѣютъ глубокое значеніе, и только однѣ освящаютъ [illegible]нія, какъ свидѣтельство, что эти явленія непосредственное откровеніе, а не человѣческія [illegible]. [illegible] уставы могутъ быть по[illegible] [illegible]щенны: только непосредствен но Богомъ явленное священно. Нѣтъ власти, которая-бы не была отъ Бога, но всякая власть отъ Бога, говоритъ св. писаніе, и эти слова заключаютъ въ себѣ глубокую мысль и непреложную истину».

И развивая далѣе эту мысль, желая показать, какъ законно и прямо родилась эта власть царя, Бѣлинскій продолжаетъ: «Азія есть колыбель человѣческаго рода, его отечество: въ ней начало всѣхъ вѣрованій, всѣхъ человѣческихъ обществъ, въ ней начало всего довременнаго, всего непосредственно явившагося. И св. писаніе, и исторія, и даже сама современность указываютъ намъ на Азію, какъ на страну патріархальности. Китай—эта едва-ли не первобытнѣйшая политическая форма общества—и по-сю-пору есть государство по преимуществу патріархальное. Всѣ мусульманскія государства носятъ въ своемъ основномъ построеніи печать древней патріархальности. Аравія и теперь еще

представляетъ собою первобытный типъ племенъ, управляемыхъ патріархами. Св. писаніе говоритъ намъ о первыхъ патріархахъ, какъ о царяхъ людей, жившихъ въ законѣ естественномъ. Что такое былъ Іаковъ, переселившійся во Египетъ, какъ не отецъ семейства, до того разложившагося, что маститый старецъ сдѣлался и отцемъ и прадѣдомъ вмѣстѣ, такъ-что для своихъ праправнуковъ, по закону кольцаго отдаленія, казался столько-же правителемъ, сколько родственникомъ и родоначальникомъ? Отсюда ясно, что мистическая и священная идея отца-родоначальника была живымъ источникомъ истекшей изъ нея идеи царя. Только безсловесныя животныя живутъ безъ власти, но человѣкъ даже въ своемъ естественномъ состояніи, даже еще не развратившись, не сдѣлавшись злымъ, признавалъ власть и жилъ въ разумныхъ формахъ повелительства и подчиненности, задолго до того, какъ созналъ ихъ значеніе или ихъ нужду; чувство, вмѣстѣ съ нимъ родившееся, сказало ему, что отецъ выше сына, и что сынъ долженъ повиноваться, признавать власть отца. Вотъ почему во всѣхъ племенахъ родоначальничество есть первый моментъ сознанія, а право первородства—самое священное право. Законы человѣчества везлѣ

одни и тѣ-же, потому что они—законы разума, а разумъ одинъ, какъ одинъ Богъ. Американскіе дикари, по законамъ вѣжливости, всякаго старшаго себя называютъ своимъ отцемъ, а равнаго себѣ по лѣтамъ—своимъ братомъ. Нельзя вывести изъ опыта, какимъ-образомъ изъ отеческой власти явилась царская власть и отецъ сталъ царемъ, но въ умозрѣніи это очень понятно. Исторія не можетъ показать картины развитія идеи отца въ идею царя; исторія не помнитъ этого, потому-что это явленіе — доврменное. Но тѣмъ не менѣе, что кто внушилъ человѣку чувство мистическаго, религіознаго уваженія къ виновнику дней своихъ, освятилъ санъ и званіе отца, тотъ освятилъ санъ и званіе царя, превознесъ его главу превыше всѣхъ смертныхъ и земную участь его поставилъ внѣ зависимости отъ случайной воли людской, сдѣлавъ личность его священною и неприкосновенною. Человѣчество не помнитъ, когда преклонило оно колѣна передъ царскою властію, потому-что эта власть была не его установленіемъ, но установленіемъ Божіимъ, не въ извѣстное и опредѣленное время совершившимся, но отъ вѣка въ божественной мысли пребывающимъ. Поэтому царь есть намѣстникъ Божій, а царская власть, замыкающая въ себѣ всѣ

частныя воли, есть преобразованіе единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума».

«Достоинство монарха, продолжаетъ Бѣлинскій, есть таинство и въ таинствѣ помазанія свершается нен [illegible]

[illegible] Ш [illegible],

[illegible]
[illegible] вей воли [illegible]!
[illegible]
[illegible] намѣстника Тво[illegible]
[illegible]

«Вотъ почему, оглашая подданному [illegible] ние [illegible], монархъ не оглядывается, чтобы удостовѣриться, исполняется-ли оно; вотъ почему его слова—законъ, маніе руки его—повелѣніе, взглядъ очей—гроза или милость. Онъ творитъ какъ власть имѣющій (Ев. отъ Мат. гл VII, стр. 29) и власть его не отъ него, но свыше. Вотъ почему, когда [illegible] оле воздвигаетъ бури мятежа,— [illegible] съ безтрепетнымъ, грознымъ челомъ является одинъ и безоружный и въ комнатѣ Шаклоластаго и на площади, усыпанной мятежными толпами, которыхъ и самый страхъ оружія и смерти былъ безсиленъ привести къ повиновенію, — является и

вмѣсто увѣщаній и просьбъ, однимъ словомъ властительныхъ устъ, однимъ мановеніемъ державной руки [illegible]
сонмище губи[illegible]
поставлені[illegible]
ющій. Н[illegible]
Ричардъ II. ги[illegible]
цогъ йор[illegible]
почти неб[illegible]
шіе, увидѣвъ с[illegible]

Смотрите! смотрите! самъ король Ричардъ,
Какъ негодующее солнце всходитъ,
Багрозое на огненномъ востока ирагѣ,
Замѣтивъ, что завистливыя облака
Стремятся потемнить его сіянье
И занятнать собою лучезарный путь
Къ странѣ заката. Но онъ смотритъ, какъ ко-

Смотрите! очи какъ ярко сверкаютъ
И въ нихъ могучее величіе горитъ.
О Боже! ихъ-ли горе потемнитъ!

«Какая, замѣчаетъ по этому поводу Беличкій,—безконечная глубина мысли заключена

въ этомъ безконечномъ изліяніи, въ этой исповѣди виновнаго вассала, такъ молніеносно и въ такихъ не многихъ словахъ выраженной великимъ геніемъ, которая всезрящему оку доступна была сущность мировой [illegible] законы. И [illegible] этомъ обращеніи короля къ вассалу:

Мы удивляемся; стоять такъ долго
И ожидать, чтобъ въ страхѣ преклонились
Твои колѣна, потому-что мы себя
Твоимъ законнымъ королемъ считаемъ.
И если такъ: какъ смѣютъ твои члены
Забыть передъ нами подданнаго долга
Когда-же не король я—покажи
Намъ развѣнчавшую десницу Бога!
Мы знаемъ, что рука изъ крови и костей
Не можетъ захватить священный скиптръ,
Не святотатствуя и не воруя.
И думаешь ли ты, что всѣ британцы
Отъ насъ, какъ ты, сердцами отвратились,
Что мы и безъ друзей и безъ защиты?
То знай, Господь мой, всемогущій Богъ
За облаками держитъ ополченье язвы
Въ защиту намъ: онъ убьетъ дѣтей,
Невышедшихъ еще въ свѣтъ отъ тѣхъ,
Кто на главу мою вассала руку
Дерзнетъ занесть и вздумаетъ грозить

как, напримѣръ, власть президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. «Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, говоритъ онъ, есть особа почтенная, но не священная; какъ представитель общества, по условію самаго общества, онъ есть высшій чиновникъ его, на которомъ лежитъ большая противъ другихъ отвѣтственность и который за то пользуется большимъ противъ другихъ жалованьемъ и по-

[illegible]етомъ, а не царь, который выше суда чело-[illegible]ческаго и съ которымъ подданные связаны [illegible]ровными, неразрывными узами духа и прав-[illegible]твеннаго закона. Личность президента есть призракъ, дѣйствительно одно званіе его, и потому тотъ или другой — все равно. Вслѣдствіе этого, идея этого государства есть условный символъ, безъ сущности и лич-ности, тогда-какъ въ монархіяхъ образъ го-[illegible]ударя есть личность государства, и подданный, служа монарху, служитъ своему государству. [illegible] [illegible]данныхъ есть слово ми-[illegible], [illegible]е, священное; оно за-[illegible] силою заключенной въ [illegible] цѣлый народъ какъ [illegible] безконечное множество индивидуальныхъ особностей сливаетъ во еди-ное тѣло, въ единую живую душу, имѣющую въ своемъ актѣ сознанія единое я. Отсюда ясно видно, какое великое значеніе имѣетъ для вѣнценосцевъ древность рода и происхожденія, теряющаяся въ непроницаемости мистическаго мрака временъ и вѣчности. Царь долженъ ро-диться царемъ, и право рожденія есть его пер-вѣйшее и священнѣйшее право. Изъ милліоновъ людей онъ одинъ избранъ Богомъ, и милліоны не могутъ ревновать его избранію, и добро-

вольно преклоняютъ передъ нимъ колѣни, какъ передъ существомъ высшаго рода, и охотно повинуются ему, отказывая въ такомъ повиновеніи равнымъ себѣ, ибо власть ихъ считаютъ случайною. Это-то, видно, и было причиною паденія всѣхъ самозванцевъ и похитителей, хотя многіе изъ нихъ и были люди великаго ума, способностей и силы характера. Какъ снято съ самозванца царское имя, которымъ онъ облекался какъ правомъ — и будь онъ геній, окажи народу великія заслуги, но уже нѣтъ на немъ очарованія, и обнаженн[illegible] [illegible] его лежатъ [illegible]... Грустный образъ, но тотъ же конецъ ожидаетъ и для похитителей. Благодаря своему геніальному инстинкту, свойственному всѣмъ истинно великимъ людямъ, Наполеонъ глубоко чувствовалъ эту истину. Раздаватель коронъ и скипетровъ, могущественнѣйшій монархъ въ мірѣ, по свободному признанію цѣлаго народа, великій геній, самъ создавшій себѣ и тронъ и свое колоссальное счастіе, кажется, имѣвшій полное право гордиться своимъ не царскимъ происхожденіемъ,—онъ, не смотря на все это, безпокоился, и о своей судьбѣ и о судьбѣ своего рода; онъ понималъ, что для твердости и дѣйствительности своей власти недостаточно и

его геніальности и его подвиговъ, и помазанія католическимъ первосвященникомъ,—и искалъ, какъ своего спасенія, вступить въ бракъ съ женою царскаго рода. И вотъ, онъ разводится съ женою, которую страстно любилъ, которую короновалъ какъ императрицу, и вступаетъ въ новый брачный союзъ съ принцессою древняго [illegible] рода, съ дщерью кесарей. Свѣтскіе [illegible]и, которые легко разсуждаютъ о тяжелыхъ предметахъ, которымъ достаточно четверти часа, чтобы съ сигарою во рту пересудить всѣхъ и все, и перестроить міръ на свой ладъ, такіе люди глубокомысленно обвиняютъ, что Наполеонъ этимъ союзомъ унизилъ величіе своего генія и, увлекшись тщеславіемъ, сдѣлалъ безразсудный поступокъ, роковую ошибку, которая и погубила его. Нѣтъ! это была мысль геніальная, свойственная только великому человѣку, глубоко понимавшему законы разумной дѣйствительности, глубоко постигавшему таинственную и сокровенную для обыкновеннаго зрѣнія сущность вещей. Мысль Наполеона стоитъ всѣхъ его побѣдъ и подвиговъ: онъ въ ней такъ-же великъ, какъ и въ нихъ. Не мелкое тщеславіе, не суетное желаніе украситься заимствованнымъ блескомъ и пурпуромъ чужой ему багряницы рѣшило его на

[illegible]ъ союзъ, но глубокое сознаніе, что этотъ бракъ набросить на него въ глазахъ царей и народовъ, современниковъ и потомства, тотъ религіозно-таинственный свѣтъ, который составляетъ необходимое условіе дѣйствительности царственнаго достоинства. Онъ понималъ что если у него будетъ сынъ, то хотя-бы этотъ сынъ наслѣдовавъ его престолъ, не наслѣдовалъ и слабаго отблеска его генія, словомъ, былъ-бы самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и тогда-бы онъ тверже своего великаго отца сидѣлъ на оставленномъ ему тронѣ, онъ—сынъ великаго отца и вѣнценосной матери. Что онъ слышалъ въ восторженныхъ кликахъ своей старой гвардіи?—[illegible] къ ея великому полководцу, ея маленькому капралу.... Но могъ [illegible] и другой полководецъ, одарить новымъ [illegible] имъ-же прославленныхъ орловъ и присвоить себѣ клики воинственныхъ привѣтствій. Что онъ слышалъ въ восторженныхъ кликахъ народа?—благодарность за оказанныя ему услуги, кроткій аплодисманъ за успѣхъ, за которымъ могли раздаваться, какъ оно и случилось, оскорбительные свитки сбившемуся съ роли актеру. Не забудьте изрѣченія Наполеона: «Я продолжитель не королевства Гуго Капета, но имперіи Карла Великаго». Видите-

ли: онъ призываетъ себѣ на помощь не одинъ союзъ брака съ вѣнценосною женою, но и союзъ исторіи, союзъ вѣковъ, союзъ преданія, и на Марсовыхъ поляхъ силится напомнить священное и мистическое прошедшее и связать съ нимъ настоящее.... О, господа глубомысленные политики! Наполеонъ понималъ кое-что не хуже и не меньше вашего, и самые его ошибки и промахи разумнѣе и поучительнѣе вашихъ прекрасныхъ умствованій» (Т. III, стр. 216—224).

И вотъ такъ твердо убѣжденный въ священномъ величіи и божественномъ происхожденіи царской власти, такъ искренно вѣрующій въ то, что перстомъ царя и его волею управляетъ перстъ и воля Божія, Бѣлинскій и смотритъ съ грустью на тѣхъ маленькихъ великихъ людей, которые своимъ ограниченнымъ и недалекимъ умомъ хотятъ повѣрять жизнь государствъ и мѣрить на обыкновенную мѣрку дѣла царей. Для такихъ людей высшихъ цѣлей не существуетъ и немудрено что они путаются и запутываются въ своихъ соображеніяхъ и становятся жалкими и смѣшными. «Есть особый родъ сердобольныхъ людей, говоритъ Бѣлинскій, которые болѣе занимаются другими, нежели самими собою, а потому всегда

[illegible] [illegible]гда беременны хлопотами и [illegible]. [illegible] кажется, что и въ мірѣ все идетъ худо, что и отечество ихъ вотъ сейча[illegible] готово погибнуть жертвою превратнаго хода [illegible]. [illegible] имъ кажется, что они пр[illegible] [illegible]вить и отечество спасти. [illegible] другому нужно только повѣрять ихъ мудрости и неуклонно выполнять ихъ совѣты. Для этихъ маленькихъ великихъ людей государство не есть живой организмъ, котораго части находятся въ зависимомъ другъ отъ друга взаимодѣйствіи, котораго развитіе и жизнь усло[illegible]вливаются непреложными законами, въ его же сущности заключенными; для нихъ государство не есть живая, индивидуальная личность, сама по себѣ и сама для себя сущая, имѣющая свою собственную волю, которая выше воли частныхъ лицъ; для нихъ государство не имѣетъ ни почвы, ни климата, ни географіи, ни исторіи, ни прошедшаго, ни настоящаго; для нихъ оно не есть живое осуществленіе довременной божественной идеи, ставшей изъ возможности явленіемъ и стремящейся развиться изъ самой себя во всей своей безконечности; для нихъ не существуетъ міродержавнаго промысла, который управляетъ судьбами царствъ и наро-

ювъ и въ разумно-свободной необходимости указываетъ на путь, его-же не прейдеши. . Нѣтъ! для этихъ маленькихъ великихъ людей государство есть искусственная машина, которую по произволу можетъ вертѣть всякій маленькій великій человѣкъ. Они осуждаютъ Петровъ и Наполеоновъ, съ важностію указывая ихъ ошибки и не шутя думаютъ знать, что на мѣстѣ этихъ, впрочемъ дѣйствительно великихъ людей, они-бы не сдѣлали такихъ промаховъ. Они говорятъ: Петръ сдѣлалъ тогда-то вотъ то-то, между-тѣмъ какъ ему [illegible] ло въ то время сдѣлать вотъ это; они гов[illegible], что Наполеонъ палъ потому, что не стоялъ за права человѣчества, а думалъ только о своей личной власти. Жалкіе слѣпцы! Петръ сдѣлалъ именно то, [illegible] чего послалъ его, что поручилъ ему Богъ,—ему, своему посланнику и помазаннику свыше; онъ угадалъ волю духа времени, и не свою, а волю пославшаго его выполнилъ онъ, потому-то онъ и великій человѣкъ. Только маленькіе великіе люди таращатся выполнить свою случайную волю: воля великихъ людей всегда совпадаетъ съ волею Божіею, которою и сильны они, которою и удаются имъ дѣла ихъ. Наполеонъ палъ потому-же, почему и возсталъ: та-же могучая десница

низвергла, которая и возвела его. Онъ совершилъ свою миссію—и палъ не отъ слабости, а тяжести своей силы, которая уже не находила болѣе для себя дѣла. Смѣшны и жалки эти великіе маленькіе люди!... Вообразите себѣ съумасшедшаго, котораго разстроенному воображенію представляется, что—вотъ облака упадутъ на землю и погасятъ ее, вотъ огнедышащее солнце спалитъ своими лучами все живущее на ней, вотъ зима истребитъ его своимъ губительнымъ хладомъ.... Напрасно солнце утромъ восходитъ въ такомъ торжественномъ величіи и пробуждаетъ къ ликованію все твореніе, отъ былинки до человѣка; въ полдень [illegible] роскошно осіяваетъ нетлѣннымъ золотомъ лучей своихъ и голубой куполъ неба, и свою любимую дочь—многоцвѣтную землю; а вечеромъ, въ новой торжественности, какъ побѣдитель, утомленный побѣдою, сходитъ съ своей вѣчно-неизмѣнной дороги и блѣдными лучами даетъ послѣдніе замирающіе поцѣлуи своей любовницѣ, и скрывается за розовымъ занавѣсомъ мерцающей зари, высылая на смѣну ей блѣдно ликую луну, и мріады лучезарныхъ звѣздъ. . Да! напрасно съ того незапамятнаго довременнаго мгновенія, какъ творящее «да будетъ»! воззвало небытіе къ бытію. до нашего време-

ни, напрасно солнце ни разу не взошло вечеромъ и не скрылось утромъ, ни разу не вышло съ запада и не закатилось на востокѣ; напрасно за успокоительной смертію зимы слѣдуетъ всегда воскрешающая весна, за весною знойное лѣто, за лѣтомъ богатая дарами плодовъ осень, которой послѣдніе, запоздалые желтые колосья и листья наконецъ покрываются серебристымъ и алмазнымъ инеемъ зимы.... Напрасно океанъ, скованный берегами, не можетъ вырваться изъ своего безднаго ложа, и его громадныя волны, грозящія землѣ и небу, съ воемъ и ревомъ въ безсильной ярости, разбиваются о несокрушимую твердыню гранитныхъ скалъ ... Напрасно рѣки, какъ обычную дань, несутъ къ морю волны свои, и не текутъ вспять.... Напрасно все!... Не слышитъ ему музыка сферъ и міровъ; слухъ онъ къ гармоническому хору, который образуетъ своимъ стройнымъ чиномъ, своими неизмѣнными законами, своимъ несмущаемымъ теченіемъ къ предустановленной отъ вѣка цѣли, твореніе предвѣчнаго Художника!... Нѣтъ, ему слышатся только диссонансы, мерещится одинъ раздоръ: тучи грозятъ отнять свѣтъ, громъ— разбить землю, молнія—испепелить все живущее на ней, и—бѣдный сумазбродъ, онъ

хватается за топоръ, обтесываетъ свои колышки и тычинки, и хлопочетъ подпереть ими съ трескомъ разрушающееся зданіе вселенной.... Такое-же зрѣлище представляютъ собою и эти маленькіе великіе люди, о которыхъ мы говоримъ. Добровольные мученики,—имъ нѣтъ покоя, для нихъ нѣтъ радости, нѣтъ счастія: тамъ гаснетъ свѣтъ просвѣщенія, тутъ гибнетъ добродѣтель и нравственность, здѣсь погибаетъ цѣлый народъ,—и съ воплемъ указываютъ они на виновниковъ такого ужаснаго зла, какъ будто-бы люди, или человѣкъ, въ состояніи остановить ходъ міра, измѣнить участь народа; какъ будто-бы нѣтъ Провидѣнія, и судьбы земнородныхъ предоставлены слѣпому случаю или слѣпой волѣ одного человѣка. Сумасброды! внимательнѣе заглядывайте въ священную книгу судебъ человѣчества, въ вѣчную книгу царствъ — въ исторію, по которой поверхностно скользятъ ваши взоры, отуманенные предубѣжденіями и заранѣе заготовленными произвольными понятіями вашей ограниченной личности» (Т. III, стр. 196—298).

И вотъ вѣрный тѣмъ-же своимъ убѣжденіямъ, Бѣлинскій и не могъ никогда раздѣлять какихъ-либо мыслей о равенствѣ, или тен

ленцій революціонныхъ, напротивъ,—онъ прямо и открыто шелъ противъ нихъ и высказывалъ все свое отвращеніе къ нимъ какъ къ нелѣпости, къ безсмыслицѣ, и въ толкахъ людей, говорящихъ объ этомъ предметѣ, видѣлъ лишь одну ловушку, устрояемую ими ради своей единственно пользы, но на очевидную гибель и пагубу народа, который-бы рѣшился довѣрчиво отдаться ихъ водительству. Эти горлопаны толкуютъ о равенствѣ, по мнѣнію Бѣлинскаго, только затѣмъ, чтобы самимъ выйдти въ люди, и обѣщаютъ народу свободу, имѣя въ то-же время въ виду самимъ потомъ сдѣлаться страшными его деспотами. И не мудрено потому, что ихъ дѣло не удается, они возстаютъ противъ высшей воли и народъ разгадываетъ планы своихъ вожаковъ и обращается противъ нихъ-же. Самое лучшее подтвержденіе этого Бѣлинскій видитъ во французской революціи 1830 года. Это — въ его глазахъ поучительнѣйшій примѣръ того, какъ повидимому самые либеральные вожди народа на самомъ дѣлѣ лишь желаютъ загребать жаръ его руками. «Королевскими повелѣніями, говоритъ Бѣлинскій, въ 1830 году была измѣнена французская хартія; рабочій классъ въ Парижѣ былъ искусно приведенъ въ волненіе

партіею средняго сословія (bourgeoisie). Между народомъ и королевскими войсками завязалась борьба. Въ слѣпомъ и безумномъ самоотверженіи, народъ не щадилъ себя, сражаясь за нарушеніе правъ, которыя нисколько не дѣлали его счастливѣе и, слѣдовательно, такъ-же мало касались его, какъ и вопросъ о здоровьѣ китайскаго богдыхана. Сражаясь отдѣльными массами, изъ-за баррикадъ, безъ общаго плана, безъ знамени, безъ предводителей, едва зная противъ кого и совсѣмъ не зная за *кого* и за *что*, народъ тщетно посылалъ къ представителямъ націи, недавно засѣдавшимъ въ абонированной камерѣ: этимъ представителямъ было не до того; они чуть не прятались по погребамъ, блѣдные, трепещущіе. Когда дѣло было кончено ревностію слѣпаго народа, представители повыползли изъ своихъ норъ и по трупамъ ловко дошли до власти, оттерли отъ нея всѣхъ честныхъ людей и загребя жаръ чужими руками, преблагополучно стали грѣться около него, разсуждая о нравственности. А народъ, который въ безумной ревности лилъ свою кровь за слово, за пустой звукъ, котораго значенія самъ не понималъ, что-же выигралъ себѣ этотъ народъ? Увы! тотчасъ-же послѣ іюльскихъ происшествій, этотъ бѣдный народъ

съ ужасомъ увидѣлъ, что его положеніе не только не улучшилось, но значительно ухудшилось противъ прежняго. А между-тѣмъ вся эта историческая комедія была разыграна во имя народа и для блага народа. Аристократія пала окончательно; мѣщанство твердою ногою стало на ея мѣсто, наслѣдовавъ ея преимущества, но не наслѣдовавъ ея образованности, изящныхъ формъ ея жизни, ея кроваго прозрѣнія, высокомѣрнаго великодушія и тщеславной щедрости къ народу. Французскій пролетарій равенъ передъ закономъ съ самымъ богатымъ собственникомъ (propriétaire) и капиталистомъ; тотъ и другой судятся одинаковымъ судомъ и по винѣ наказываются одинаковымъ наказаніемъ, но бѣда въ томъ, что отъ этого равенства пролетарію ничуть не легче. Вѣчный работникъ капиталиста и собственника, пролетарій — весь въ его рукахъ, весь его рабъ, ибо тотъ даетъ ему работу и произвольно назначаетъ за нее плату. Этой платы бѣдному рабочему не всегда станетъ на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственникъ съ этой платы беретъ 99 процентовъ на сто. Хорошо равенство! И будто легче умирать зимою въ холодномъ подвалѣ или на холод-

номъ чердакѣ съ женою и дѣтьми, дрожащими отъ стужи, нѐвшими три дня,—будто легче гакъ умирать съ хартіею, за которую пролито столько крови, нежели безъ хартіи, но и безъ жертвъ, которыхъ она требуетъ? Собственникъ, какъ всякій выскочка, смотритъ на работника въ блузѣ и деревянныхъ сапогахъ, какъ плантаторъ на негра. Правда, онъ не можетъ его насильно заставить работать на себя, но онъ можетъ не дать ему работы и заставить его умереть съ голода. Мѣщане-собственники—люди прозаически-положительные. Ихъ любимое правило: «всякій у себя и для себя». Они хотятъ быть правы по закону гражданскому и не хотятъ слышать о законахъ человѣчества и нравственности. Они честно платятъ работнику имъ-же назначенную плату и если этой платы недостаточно для спасенія его отъ голодной смерти и онъ съ отчаянія сдѣлается воромъ или убійцею, ихъ совѣсть спокойна, — вѣдь они по закону правы!... И вотъ за кого жертвовалъ народъ своею жизнью»! Но за то—прибавляетъ Бѣлинскій—народъ, наученный горемъ уму-разуму и «позналъ *конституціонную мишуру въ естественномъ видѣ*; за то онъ теперь и не вѣритъ говорунамъ и фабрикантамъ законовъ и не

станетъ больше проливать крови за слова, которыхъ значеніе для него темно, и за людей, которые любятъ его только тогда, когда имъ нужно загрести жаръ чужими руками, чтобы воспользоваться некупленнымъ тепломъ» (Т. IX, стр. 10—12). Вотъ взглядъ Бѣлинскаго на то, что зовется идеей равенства; вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и взглядъ его на всѣ революціи и народныя возстанія. Кажется ясно, что это не ученіе или взглядъ Виктора Гюго и ему подобныхъ, которые всякаго рев[illegible] готовы записать если не въ святые, то въ герои, и которые съ какой-то улыбкой радости смотрятъ на баррикады и благословляютъ по-нашски происходящую на нихъ бойню.

Что касается до русской исторіи и русскаго народа, то для этого народа Бѣлинскій считаетъ идею монарха до того священною, до того слитую и неразрывную съ идеей о немъ самомъ, что невидитъ возможности указать хотя одно народное событіе, гдѣ-бы не участвовала высшая власть. Безъ царя немыслимъ русскій народъ, немыслимо и его торжество и празднество. Русскій народъ счастливъ только въ своемъ и при своемъ монархѣ. «Для насъ русскихъ, говоритъ Бѣлинскій, нѣтъ событій народныхъ, которыя-бы не выходили изъ живаго

источника высшей власти. Велико было событіе 1612 года, но предки наши имъ ее гордились и не радовались, а скорбѣли и печалились, доколѣ домъ Романовыхъ не далъ имъ царя и только отъ сей великой минуты имъ возвращена была ихъ слава, потому-что уже явилось царское имя, освятившее ее и безъименному подвигу давшее и имя, и цѣль, и значеніе. Пусть будетъ велико наше народное торжество, пусть, какъ волны океана, сольется въ него все народонаселеніе необъятной Россіи, но если-бы эта неисчерпаемая громада народа не видала впереди себя своего царя, который въ своемъ царственномъ величіи привѣтствуетъ ея восторженные крики и на лицѣ котораго она читаетъ и грозу, и милость, и царскую доблесть и великій, мощный духъ, на который спокойно и самоувѣренно опирается ея счастіе въ настоящемъ и надежды въ будущемъ, тогда для нея торжество было-бы не торжествомъ, а безсмысленною сходкою праздная народа, а въ священномъ не было-бы священнаго!... Оттого то молодѣетъ нашъ старый, нашъ державный Кремль и кишитъ народомъ, и оглашается своимъ вѣковымъ «ура», когда надъ дворцомъ гордо развѣвается широкій флагъ—залогъ присутствія Того, Кто и жизнь

и душа народа. Да, въ словѣ «царь» чудно слито сознаніе русскаго народа, да и для него это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія... И это—не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя въ исторіи народа русскаго. Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской: въ Европѣ точкой отправленія жизни всегда была борьба и побѣда низшихъ ступеней государственной жизни подъ высшими: феодализмъ боролся съ королевскою властію и, побѣжденный ею, ограничилъ ее, явившись аристократіею; среднее сословіе боролось и съ феодализмомъ и съ аристократіею, демократія—съ среднимъ сословіемъ; у насъ— совсѣмъ наоборотъ: у насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздою путеводною къ его высокому назначенію; царская власть всегда была живымъ источникомъ, въ которомъ не изсякала воды обновленія; солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ исполинской корпораціи государственнаго тѣла и проникали ихъ жизненною теплотою и свѣтомъ*. Въ царѣ наша сво-

* Отношеніе высшихъ сословій къ низшимъ прежде состояло въ патріархальной власти первыхъ и патріархальной подчиненности вторыхъ,

бода, потому—что отъ него наша новая цивилизація, наше просвѣщеніе, также какъ отъ него наша жизнь. Одинъ великій царь освободилъ Россію отъ татаръ и соединилъ ея разъединенные члены, другой еще большій ввелъ ее въ сферу новой обширнѣйшей жизни; а наслѣдники того и другаго довершили дѣло своихъ предшественниковъ и потому—то всякій шагъ впередъ русскаго народа, каждый моментъ развитія его жизни всегда былъ актомъ царской власти; но эта власть никогда не была абстрактною и произвольно—случайною, потому—что всегда таинственно сливалась съ волею Провидѣнія, съ разумною дѣйствительностью, мудро угадывая потребности государства, сокрытыя въ немъ, безъ вѣдома *его самого*, приводя ихъ въ сознаніе. Отсюда происходитъ эта дивная симпатія, сдѣлавшая единое и нѣлое изъ двухъ началъ, — это всеглашее и безусловное повиновеніе царской волѣ, какъ волѣ самого Провидѣнія. Итакъ не будемъ толковать и разсуждать о необходимости без-

---

а теперь въ спокойномъ приближеніи каждаго въ своихъ законныхъ предѣлахъ,и еще въ томъ, что высшія сословія мирно передаютъ образованность низшимъ, а низшія мирно ее принимаютъ.

условнаго повиновенія царской власти: это ясно и само-по-себѣ; нѣтъ, есть нѣчто важнѣе и ближе къ сущности дѣла: это— привести въ общее сознаніе, что безусловное повиновеніе царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзія нашей жизни, наша народность, если надъ словомъ «народность» должно разумѣть актъ слитія частныхъ индивидуальностей въ общемъ сознаніи своей государственной личности и самости. И наше русское народное сознаніе вполнѣ выражается и вполнѣ исчерпывается словомъ: «царь», въ отношеніи къ которому «отечество» есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины. Итакъ пора привести въ гордое, ясное и свободное сознаніе то, что въ продолженіи многихъ вѣковъ было непосредственнымъ чувствомъ и непосредственнымъ историческимъ явленіемъ; пора сознать что мы имѣемъ разумное право быть горды нашею любовію къ царю, нашею безграничною преданностью его священной волѣ, какъ горды англичане своими государственными постановленіями, своими гражданскими правами, какъ горды Сѣверо-Американскіе Штаты своею свободою. Жизнь каждаго народа есть разумно-необходимая форма обще-мірової идеи, и въ

этой идеѣ заключается и значеніе, и сила, и мощь, и поэзія народной жизни, а живое разумное сознаніе этой идеи есть и цѣль жизни народа и вмѣстѣ внутренній ея двигатель. Петръ Великій, пріобщивъ Россію европейской жизни, далъ черезъ это русской жизни новую обширнѣйшую форму, но отнюдь не измѣнилъ ея субстанціальнаго основанія, точно также, какъ представители новаго европейскаго міра, усвоивъ себѣ роскошные плоды, завѣщанные ему древнимъ міромъ, отнюдь не сдѣлались ни греками, ни римлянами, но развились въ самобытныхъ, собственныхъ формахъ, развившихся изъ субстанціальнаго зерна ихъ жизни. Вотъ взглядъ истинный и единый, который долженъ взять за основаніе историкъ русскаго народа, чтобы не заблудиться въ дремучемъ лѣсу абстрактныхъ умствованій ложно понятаго «русскаго европеизма». И потому-то отдавая должную справедливость и должную дань хвалы и удивленія всему истинному у нашихъ западныхъ сосѣдей, будемъ далеки отъ ослѣпленія—признавать за предметъ подражанія то, что относится собственно къ формѣ ихъ народной, а не общечеловѣческой жизни, а тѣмъ болѣе будемъ далеки отъ ослѣпленія признавать за великое дурныя формы ихъ жиз-

ни, которыя, какъ случайности или какъ крайности, необходимо существуютъ въ жизни каждаго народа. Равнымъ-образомъ и не будемъ забывать собственнаго достоинства, будемъ умѣть быть гордыми своею собственною національностью, основными стихіями своей народной индивидуальности, но будемъ умѣть быть гордыми безъ тщеславія, которое закрываетъ глаза на собственные недостатки и есть врагъ всякаго движенія впередъ, всякаго преуспѣянія въ добрѣ и славѣ. Необъятно пространство Россіи, велики ея юныя силы, безпредѣльна ея мощь, и духъ замираетъ въ трепетномъ восторгѣ отъ предощущенія ея великаго назначенія, ея—законной наслѣдницы жизни трехъ періодовъ человѣчества. Есть чему радоваться, есть чѣмъ быть блаженными и гордыми въ нашемъ народномъ сознаніи, но не забудемъ-же, что достиженіе цѣли возможно только черезъ разумное развитіе не какого-нибудь чуждаго и внѣшняго, а субстанціальнаго начала народной жизни, и что таинственное зерно, корень, сущность и жизненный пульсъ нашей народной жизни выражается словомъ: «царь» (Т. III, стр. 265—269).

Такъ смотритъ Бѣлинскій на царскую власть вообще и на царскую власть въ Россіи. Вы-

сока, священна она въ его глазахъ и подданнымъ нечего и думать судить о дѣйствіяхъ этой власти или измѣрять ея дѣйствія своимъ масштабомъ,—это дерзость противъ Бога; имъ остается только благоговѣть и удивляться, помня, что рукой царей правитъ Всевышняя десница, которая посаждаетъ ихъ на царства; — имъ остается безпрекословно повиноваться этой власти. И вотъ вѣрный этому-то убѣжденію, Бѣлинскій и смотритъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ на дѣла русскихъ монарховъ. Онъ благоговѣетъ передъ великой реформой Петра, онъ падаетъ ницъ передъ его дѣяніями, ибо видитъ въ немъ особеннаго посланника Божія, а «Провидѣніе знаетъ, когда послать на землю человѣка и Петръ явился во время: опоздай онъ четверть вѣка и тогда—спасай и спасайся кто можетъ» (Т. IV, стр. 391). Бѣлинскій благоговѣетъ и передъ Екатериной Великой, и вообще передъ всѣмъ домомъ Романовыхъ, какъ «домомъ, даровавшимъ рядъ знаменитыхъ и славныхъ властителей, возвеличившихъ и облагодѣтельствовавшихъ ввѣренный Богомъ попеченію ихъ народъ» (стр. 385), и вотъ почему можно думать, что если-бы дожилъ Бѣлинскій до нашихъ дней и ему пришлось-бы быть свидѣтелемъ

тѣхъ великихъ дѣлъ, какими ознаменовало себя настоящее царствованіе,—и этого освобожденія крестьянъ, и этой гласности судопроизводства,—онъ первый откликнулся-бы на эти событія, первый-бы принесъ и выразилъ благодарность Монарху, и вотъ почему, прибавимъ, можно быть увѣрены, что онъ никогда не сталъ-бы на сторону тѣхъ современныхъ либераловъ, которые ничѣмъ недовольны. Вотъ почему, далѣе, Бѣлинскій относился почтительно даже и къ Іоанну Грозному; онъ и его не могъ иначе представлять, какъ въ царственномъ величіи, онъ и къ нему подходитъ не съ обычной мѣрой сужденія. И вотъ откуда въ душѣ Бѣлинскаго жила вѣра въ развитіе русскаго общества, въ русское просвѣщеніе. Онъ вѣрилъ въ это просвѣщеніе, потому-что видѣлъ его въ рукахъ высшей власти, заботящейся о немъ, видѣлъ и хорошую сторону въ томъ, что у насъ журналы судятъ о предметахъ науки, искусства и литературы не по праву «сильнаго завладѣнія», а по изволенію высшей власти, со временъ Петра Великаго и до настоящаго мгновенія содѣйствующей и благотворящей успѣхамъ просвѣщенія и образованности въ Россіи. «Было время, говоритъ Бѣлинскій, когда Великая Монархиня была участ-

вицею журнала, въ качествѣ писателя. Теперь журналистика сдѣлалась потребностью образованной части русскаго общества, вошла, такъ сказать, въ его привычки и нравы, именно вслѣдствіе этого покровительства свыше» (Т. X, стр. 311). Въ другомъ мѣстѣ высказывая ту мысль, что русскому народу необходимо просвѣщеніе, онъ замѣчаетъ потомъ: «и это просвѣщеніе не закоснитъ, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ мудраго правительства. Русскій народъ смышленъ и понятливъ, усерденъ и горячъ ко всему благому и прекрасному, когда рука Царя-отца указываетъ ему на цѣль, когда Его державный голосъ призываетъ его къ ней! И намъ-ли не достигнуть этой цѣли, когда правительство являетъ собою такой единственный, такой безпримѣрный образецъ попечительности въ распространеніи просвѣщенія, когда оно издерживаетъ такія громадныя суммы на содержаніе учебныхъ заведеній, одобряетъ блестящими наградами труды учащихъ и учащихся, открывая образованному уму и таланту путь къ достиженію всѣхъ отличій и выгодъ? Проходитъ-ли хоть одинъ годъ безъ того, чтобы со стороны неусыпнаго правительства не было совершено новыхъ подвиговъ во благо просвѣщенія, или

новыхъ благодѣяній, новыхъ щедротъ въ пользу ученаго сословія? Одно учрежденіе сословія домашнихъ наставниковъ и учителей должно повлечь за собой неисчисленныя блага для Россіи, ибо избавляетъ ее отъ вредныхъ слѣдствій иноземнаго воспитанія. Да! У насъ скоро будетъ свое русское народное просвѣщеніе, мы скоро докажемъ, что не имѣемъ нужды въ чужой умственной опекѣ. Намъ легко это сдѣлать, когда знаменитые сановники и сподвижники Царя на трудномъ поприщѣ народоправленія, являются посреди любознательнаго юношества, въ центральномъ храмѣ русскаго просвѣщенія, возвѣщать ему священную волю Монарха, указывать путь къ просвѣщенію, въ духѣ православія, самодержавія и народности» (Т. 1, стр. 127—128 слич.—Т. III, стр. 500).

Изъ того-же самаго взгляда Бѣлинскаго на царскую власть вытекъ и взглядъ его на исторію борьбы Новгорода съ царями московскими, какъ на борьбу безсмысленную и противозаконную. «Прекрасно, говоритъ онъ, русское выраженіе «Новгородская вольница», и странно мнѣніе многихъ ученыхъ, которые отъ чистаго сердца, т.-е. не шутя, видѣли въ Новгородѣ—живой членъ ганзеатическаго союза. Правда, новгородцы были друзья «нѣмцамъ», безпрестанно

обращались съ ними; но нѣмецкія идеи и не коснулись ихъ. Это была «вольница»; порабощеніе Новгорода Іоанномъ III и Іоанномъ Грознымъ было дѣломъ, оправдывающимся не только политикою, но и нравственностію. Отъ созданія міра не было болѣе безтолковой и карикатурной республики! Она возникла, какъ возникаетъ дерзость раба, который видитъ, что его господинъ боленъ изнурительной лихо- не въ силахъ справиться съ нимъ какъ должно: она исчезла, какъ исчезаетъ дерзость этого раба, когда его господинъ выздоравливаетъ. Оба Іоанна понимали это: они не завоевывали, но усмиряли Новгородъ, какъ взбунтовавшуюся отчину» (Т. IV, стр. 388). Изъ того-же, наконецъ, взгляда Бѣлинскаго вытекъ прямо и взглядъ его на бородинскую битву и бородинскую годовщину, какъ на царственную драму, какъ на зрѣлище великое. «Битва бородинская, говоритъ онъ, — истинная битва гигантовъ, гдѣ, съ одной стороны, исполнитель міровыхъ судебъ, влекомый безсознательнымъ стремленіемъ наполнить страшную, бездонную пропасть своего необъятнаго духа, вмѣлъ, послѣднимъ подвигомъ, остановить свою блуждающую звѣзду и стать у темной цѣли своего таинственнаго пути, а съ

другой великій народъ, подъ знаменемъ креста и державной власти, сталъ за свое существованіе и за честь своихъ царей,—

И равенъ былъ не ровный споръ ..

Дивное зрѣлище! Умъ изнемогаетъ, силясь обнять его во всей безконечности его значенія!... И тому прошло уже двадцать семь лѣтъ, и новыя поколѣнія смѣнили старыя и уже многихъ нѣтъ изъ знаменитыхъ сподвижниковъ, и лавровѣнчальныя главы оставшихся покрыты священною сѣдиною; уже давно исцѣлились раны молодаго царства, и уже давно цвѣтетъ оно и новою жизнію, и новыми силами, и новою славою,—а между-тѣмъ все это какъ будто вчера было.... Да оно и въ самомъ дѣлѣ было не двадцать семь лѣтъ назадъ, а недавно, очень недавно, если не вчера, потому-что только теперь, только ставши прошедшимъ, явилось оно намъ во всемъ своемъ свѣтѣ, уже не ослѣпляя своимъ блескомъ нашихъ бренныхъ очей, но радуя ихъ отдаленнымъ сіяніемъ своего безсмертнаго величія, какъ радуетъ очи торжественная, объявшая полнеба, но тихо мерцающая, заря вечера или утра.... Великое прошедшее родило великое настоящее.... Царственно-высокій духъ русскаго Царя, созерцая минувшія судьбы ввѣрен-

наго ему Богомъ народа, остановился на полѣ славы своего державнаго брата, на полѣ славы своего народа,—и Его монаршей волѣ было достойно воздать дань благодарности и славы великому подвигу сподвижниковъ Благословеннаго.... И вотъ частное владѣніе становится даромъ Царя своему будущему преемнику, и въ Бородинѣ, отъ храма Господня до хижины земледѣльца, все преобразовано, перелажено и представляетъ собой обширную дачу съ устроенными, для сообщенія, мостами, дорогами, и улицами, и въ верстѣ отъ Бородина, на бывшей батареѣ Раевскаго, величественно и гордо возвышается безсмертный памятникъ, заключающій въ себѣ восьмиугольную пирамиду. И вотъ, по творческому, властительному слову, на священныхъ поляхъ Бородина, пріявшихъ въ нѣдра свои кости и кровь героевъ великой драмы, стало подъ ружьемъ сто сорокъ тысячъ новыхъ героевъ».... И остановивъ далѣе вниманіе на церемоніи освященія памятника, Бѣлинскій заключаетъ: «да это было великое зрѣлище, достойное того, которое должно было собой напомнить. То былъ отгулъ, звучно отгрянувшій отъ умершаго великаго прошедшаго и воскресившаго его, но отгулъ безъ крови, безъ страданій, а только

со славою, блескомъ и величіемъ перваго гула. Этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ прошедшее связано неразрывно съ настоящимъ и будущимъ; царскія дружины приняли въ себя новый элементъ жизни, который будетъ передаваться изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, да знаетъ благородное сословіе защитниковъ отечества славу свою черезъ славу своихъ предшественниковъ, и да не умираетъ въ немъ ихъ высокій духъ, но обновленный и вѣчно юный да пребудетъ твердымъ оплотомъ и незыблемымъ основаніемъ народнаго могущества и славы. Подвигъ достойный великой души нашего Царя, который въ славѣ народа своего полагаетъ свою собственную славу и котораго неутомимый духъ находитъ только отдыхъ и наслажденіе въ подвигахъ, долженствующихъ имѣть великое вліяніе на грядущія времена. Истинно царственная драма, во всемъ величіи и во всемъ очарованіи всемірно-историческаго зрѣлища, достойная услаждать духъ царей и народовъ!» (Т. III, стр. 262—265).

Останавливаясь здѣсь, позволяемъ спросить: гдѣ-жъ тѣ данныя, по которымъ нѣкоторымъ господамъ угодно смотрѣть на Бѣлинскаго, какъ на какого-то революціонера и будто-бы

бывшаго опаснымъ для правительства либерала? Хорошо для властя, если-бы всѣ такъ чтили власть и правительство какъ онъ.

Считая обязанностью каждаго честнаго гражданина чтить за неприкосновенныя коренныя установленія государства и вполнѣ и безпрекословно повиноваться высшей власти, Бѣлинскій поставлялъ второй обязанностью «умѣть быть гордымъ собственною національностью, основными стихіями своей народной индивидуальности» (Т. III, стр. 269). Это значитъ, что человѣкъ сколько долженъ помнить свое родство со всѣмъ человѣчествомъ, столько-же не должень забывать и того, что онъ—сынъ своей родины, принадлежитъ извѣстной странѣ, членъ извѣстнаго общества, и вышелъ изъ среды извѣстнаго народа, съ которыми потому онъ не можетъ не быть связанъ особыми отношеніями, подобными родственнымъ, и которыхъ онъ не можетъ не любить болѣе другихъ, какъ родной всегда болѣе любитъ роднаго. Чтобы понять яснѣе это требованіе, нужно опредѣлить для этого, что именно разумѣлъ самъ Бѣлинскій подъ народной національностью и субстанціальностью. Бѣлинскій сравниваетъ національность народа съ личностью человѣка и находитъ между той и другой большое сходство. «Что *лич-*

ность, говоритъ онъ, въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то народность къ идеѣ человѣчества. Другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей, продолжаетъ онъ, человѣчество было-бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Человѣческое присуще человѣку потому, что онъ человѣкъ, но оно проявляется въ немъ не иначе, какъ во-первыхъ на основаніи его собственной личности и въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ вмѣстить его въ себѣ, а во-вторыхъ на основаніи его національности. Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей и потому самому она есть ограниченіе человѣческой сущности; ни одинъ человѣкъ, какъ ни была велика его геніальность, никогда не исчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и одной какой-нибудь ея стороны. Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самъ собою всѣхъ людей (т.-е. сдѣлать ихъ существованіе не нужнымъ), но даже и одного человѣка, какъ-бы ни былъ онъ ниже его въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. На этомъ и основано единство и братство рода человѣческаго. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ, но чтобы и общество въ

свою очередь было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь—національность. Она есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное, родовое происхожденіе всѣхъ національностей. Чѣмъ ближе человѣкъ или народъ къ своему началу, тѣмъ ближе онъ къ природѣ, тѣмъ болѣе онъ ея рабъ; тогда онъ не человѣкъ, а ребенокъ, не народъ, а племя. Въ томъ и другомъ человѣческое развивается по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ естественной непосредственности. Этому освобожденію часто способствуютъ разныя внѣшнія причины, но человѣческое тѣмъ не менѣе приходитъ къ народу не извнѣ, а изъ него-же самого и проявляется въ немъ національно. Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ не больше, какъ риторическая фигура, но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ извѣстнаго народа совершается черезъ заимствованіе у другаго, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе нѣтъ прогресса. Когда народъ поддается напору чуждыхъ ему идей и обычаевъ, не имѣя въ себѣ силы не-

реработывать ихъ, самодѣятельностью собственной національности, въ собственную-же сущность, тогда онъ гибнетъ политически. На свѣтѣ много людей, извѣстныхъ подъ именемъ «пустыхъ»; они умны чужимъ умомъ, ни о чемъ не имѣютъ своего мнѣнія, а между-тѣмъ и учатся и слѣдятъ за всѣмъ на свѣтѣ. Пустота ихъ въ томъ и состоитъ, что они заимствуютъ цѣликомъ и ихъ мозгъ не перевариваетъ чужой мысли, а передаетъ ее черезъ языкъ въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ принялъ ее. Это—люди безличные, потому-что чѣмъ человѣкъ личнѣе, тѣмъ способнѣе обращать чужое въ свое, т.-е. налагать на него отпечатокъ своей личности. Что человѣкъ безъ личности, то народъ безъ національности. Это доказывается тѣмъ, что всѣ націи, игравшія и играющія первыя роли въ исторіи человѣчества, отличались и отличаются наиболѣе рѣзкою національностью. Вспомните евреевъ, грековъ и римлянъ; посмотрите на французовъ, англичанъ и нѣмцевъ. Въ наше время народныя вражды погасли совершенно. Французъ уже не питаетъ ненависти къ англичанину только за то, что онъ англичанинъ, и на оборотъ. Напротивъ со дня на день обнаруживается въ наше время болѣе и болѣе сочув

ствіе и любовь народа къ народу. Это утѣ
шительное, гуманное явленіе есть результатъ
просвѣщенія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ,
чтобы просвѣщеніе сглаживало народности и
[illegible]ало всѣ народы похожими одинъ на другог
[illegible] или воды. Напротивъ наше врем
есть, по преимуществу, время сильнаго разви
тія національностей. Французъ хочетъ быт
[illegible] отъ нѣмца, чтобы тотъ
[illegible] на этомъ
[illegible]ресуется имъ. Въ такихъ отноше
[illegible]ходятся теперь другъ къ
[illegible]ские народы» (Т. XI, стр. [illegible]. Онъ
[illegible] опре[illegible]ь субст
народа такъ: «Каждый народъ живетъ своей
[illegible]ью, а какъ жить не значитъ — только
родиться, ѣсть, пить и [illegible]ать, но и мыслить
[illegible], [illegible]довательно каждый народъ жи
[illegible]имъ сознаніемъ, которое есть ни что
[illegible]е, какъ одна изъ многихъ сторонъ сознан
[illegible]его себя общечеловѣческаго [illegible]. Особен
[illegible]сть сознанія, принадлежащаго одному наро
[illegible] и отличающаго его отъ всѣхъ другихъ на-
родовъ, состоитъ въ его міросозерцаніи, въ
томъ инстинктивномъ, внутреннемъ взглядѣ на
міръ, съ которымъ онъ, такъ сказать, родится,
какъ съ непосредственнымъ и только ему

одному присущимъ откровеніемъ истины, и который есть его самодвижитель [illegible] и значеніе. Міросозерцаніе народа—это та умственная призма, съ одн[illegible]мъ или нѣсколькими первосущными цвѣтами радуги, сквозь которую онъ созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Народъ есть идеальная личность, у которой, подобно каждому отдѣльному человѣку, своя [illegible]ственная натура, свой темпераментъ, свой характер[illegible] слово, [illegible] [illegible]но слов[illegible] [illegible]олжаетъ Бѣлинск[illegible], есть пр[illegible] [illegible]венный источникъ міросозерцанія народа. [illegible] міросозерцанія народа возникаетъ животворная идея; развитіе этой идеи въ живой, практической дѣятельности состав[illegible]тъ историческую жизнь народа. Движительнымъ развитіемъ этой идеи народъ живетъ; ею онъ и силенъ, и крѣпокъ, и могущъ, та[illegible]—что когда эта идея совершитъ полный кругъ своего развитія, животворный источникъ народной силы изсякнетъ, народъ теряетъ свою энергію и начинаетъ существовать только внѣшнимъ-образомъ, пока какой-нибудь внѣшній-же толчокъ не прекратитъ его призрачнаго существованія. Такъ кончилось существованіе Греціи и Рима

когда первая изжила всю свою религіозно-мистическую и эстетически-гражданственную жизнь, а второй утратилъ энтузіазмъ республиканской доблести. Міросозерцаніе, а слѣдовательно и субстанціальная идея народа проявляется въ его религіи, въ его гражданственности, въ его искусствѣ и знаніи» (Т. XII, стр. 420—421

Итакъ на[illegible]ность и субстанціальность народа составляютъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, личность народа, его характеръ, отличительную черту его отъ другихъ народовъ. Отчего-[illegible] происходитъ то, что у одного народа такая, а у другаго иная субстанція,—это, говоритъ Бѣлинскій, также невозможно объяснить, какъ и то, почему одинъ человѣкъ родился съ способностью къ живописи, а не къ музыкѣ, другой къ математикѣ, а не къ военному искусству. Если-же принять, замѣчаетъ онъ, гипотезу, что народы образовались изъ семействъ, то первою причиною ихъ субстанціи должно положить кровь и породу (race).

Внѣшнія обстоятельства, историческое развитіе также имѣютъ вліяніе на субстанцію народа, хотя въ свою очередь и сами зависятъ отъ нея. Но нѣтъ ни одной причины, на которую-бы такъ смѣло можно было указать, какъ на климатъ

и географическое положеніе страны, занимаемой народомъ. Всѣ южные народы рѣзко отличаются отъ сѣверныхъ; умъ первыхъ живѣе, легче, яснѣе, чувство воспріимчивѣе, страсти воспламенительнѣе; умъ вторыхъ—медленнѣе, но основательнѣе, чувство́ спокойнѣе, но глубже, страсти воспламеняются труднѣе, но дѣйствуютъ тяжелѣе. Въ южныхъ народахъ преобладаетъ непосредственное чувство, въ сѣверныхъ—дума и размышленіе; въ первыхъ—больше движимости, во вторыхъ—больше дѣятельности. Въ послѣднее время сѣверъ далеко оставилъ за собою югъ въ успѣхахъ искусства, науки и цивилизаціи. Есть большое различіе между народами горными и народами долинными, между народами приморскими или островитянами, и между народами, отдаленными отъ моря. И это различіе не внѣшнее, но внутреннее; оно замѣчается въ самомъ духѣ, а не въ одѣяхъ формахъ» (Т. IV, стр. 376—377).

Впрочемъ нужно замѣтить, относительно главной причины, вліяющей на субстанціальность и національность народа, Бѣлинскій нѣсколько расходился въ своихъ сужденіяхъ; такъ въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій (Т. XII, стр. 421) онъ признаетъ за такую причину уже не климатъ и географическія условія стра-

ны, а причину физіологическую, «составляющую, какъ онъ выразился, непроницаемую тайну непосредственно творящей природы», но въ общемъ выводъ остается все-таки одинъ и тотъ-же, именно: на народъ имѣютъ вліяніе, кромѣ условій историческаго развитія, причины: физіологическія и климатическія съ географическими. Онѣ кладутъ свой особый оттѣнокъ на каждый народъ и оттѣнка этого нельзя не замѣтить. Такъ въ Индіи напримѣръ издревле, по словамъ Бѣлинскаго, и до нашихъ временъ царствуетъ пантеистическое міросозерцаніе и Богъ понятъ, какъ вѣчно производящая и вѣчно разрушающая сила природы. Для индійца каждое явленіе природы есть воплощеніе Брамы и потому для него въ природѣ все выше человѣка и онъ набожно хранитъ жизнь всякаго животнаго, хотя бы это было насѣкомое, и небрежетъ о своей собственной и своихъ ближнихъ. Погружаться въ созерцаніе совершенствъ Брамы, исчезать въ восторженномъ блаженствѣ піэти-[illegible] жизни индійца. Въ Персіи это пантеистическое [illegible] царства видимой природы перешло въ царство [illegible] сила природы) и [illegible]

и враждебное себѣ самому понятіе добра и з
Въ племенахъ симическихъ, божество, отрѣ-
шившись отъ всякой образности, явилось без-
плотною и отвлеченною идеею *бессущности*—
безличною индивидуальностью. Это міросозер-
цаніе перешло потомъ и въ магамеданство
Въ Египтѣ видна уже борьба природы съ че-
ловѣкомъ. Въ Греціи, въ лицѣ эпическаго
Эдипа, человѣкъ побѣдилъ сфинкса, разгадавъ
его загадку, смыслъ которой былъ человѣкъ и
въ разгадкѣ которой выразилось самосознаніе
человѣка. И потому если грекъ очеловѣчилъ
божество, выражавшееся на востокѣ только въ
животныхъ образахъ ,, то и обожестви
ка, и это не въ одномъ изяществѣ благород
ныхъ формъ его тѣла, но и въ духо
лишь его къ истинному, прекрасному, добле
стному, которое по понятію грека было боже
ственнымъ, хотя въ немъ и отразилась его-же
собственная человѣческая сущность. Изъ
нейскихъ государствъ, по словамъ Бѣлинскаго
Германія и Франція представляютъ собой
противоположные полюса, двѣ противоположныя
крайнія стороны человѣческаго духа: первая
вся—мысль, вся созерцаніе, вся—знаніе, вся
мышленіе, вторая вся—страсть, вся движеніе
вся дѣятельность, вся жизнь. Нѣмецъ бьется

только изъ того, чтобы понять истину, а пой-
мутъ-ли его самого, объ этомъ онъ мало за-
ботится; онъ пишетъ для тружениковъ исти-
ны, готовыхъ добиваться ея въ потѣ лица, для
ученыхъ; людей просто, общества онъ и знать
не хочетъ. Отсюда туманность, неуклюжесть
и часто педантизмъ нѣмецкаго способа пи-
сать и выражаться. Французъ — же по пре-
имуществу человѣкъ общежительный и об-
щественный, исполненный симпатіи къ лю-
дямъ и обществу, прежде всего заботится о
томъ, чтобы его поняли всѣ и скорѣе ре-
шится ис[illegible]ртвовать глубокостью мысли, лишь-
бы только быть понятнымъ, нежели заслужить
упрекъ въ темнотѣ изложенія, оставаясь глу-
бокомысленнымъ. Оттого нѣмцы изъ самыхъ
популярныхъ предметовъ умѣютъ сдѣлать родъ
элевзинскихъ таинствъ, а французы изъ са-
мыхъ отвлеченныхъ и сухихъ предметовъ умѣ-
ютъ сдѣлать общедоступный и увлекательный
предметъ знанія. Положите нѣмца въ тиски,
ему и въ нихъ будетъ хорошо, если онъ пой-
метъ ихъ механизмъ и переведетъ ихъ значе-
ніе на языкъ науки; французу-же всегда тѣсно
и на просторѣ, потому-что для него жить зна-
читъ безпрестанно расширять горизонтъ жизни.
Нѣмецъ сознаетъ дѣйствительность, французъ

говоритъ ее. Нѣмецъ любитъ знаніе о человѣкѣ, французъ любитъ человѣка. Что касается Англіи, то англійская національность, говоритъ Бѣлинскій, досель представляетъ зрѣлище самыхъ поразит[illegible] ложностей. Всегда живя [illegible] човѣчества, погруженная въ свой національный эгоизмъ, Англія тѣмъ не мен[illegible] заботясь [illegible] счетъ. Народъ по преимуществу практическій, промышл[illegible] фактурный, словомъ — [illegible] сильны въ положительныхъ н[illegible] же въ ихъ примѣненіи къ [illegible] и всѣ умозрительныя знанія находятся [illegible] въ самомъ жалкомъ положеніи. Но плохіе мыслители, англичане обладаютъ литературой, которая выше всякой другой европейской. Вездѣ и во всемъ такимъ-образомъ англійская жизнь представляетъ противорѣ[illegible] что-жъ среди нихъ представляетъ собой отличительную черту этой страны отъ другихъ? Англія, заключаетъ Бѣлинскій, — отечество юмора, который теперь болѣе или менѣе п[illegible] ко всѣмъ европейскимъ литературамъ и который составляетъ могущественное оружіе духа отрицанія, разрушающаго старое и приготов-

ляющаго новое. Анг[illegible]
пленіе національной англійской огра[illegible]
въ настоящемъ и залогъ ея будущаго [illegible]
ограниченности» (Т. XII, стр. 421—431).
Такъ и у русскаго народа есть своя субстанція, своя личность, свой характеръ, своя типичность, [illegible]
русскій. В[illegible] —
наша русская [illegible]
вообще говоритъ только вскользь. «Національность, говоритъ онъ, нельзя характеризовать [illegible]
[illegible]
[illegible]
жевъ въ св[illegible] (Т. [illegible] стр.
379). По его убѣжденію эта національность [illegible]лжно еще, и не выработалась, [illegible] выработаться. «Россійская [illegible]
[illegible]ная Петромъ Великимъ, имѣетъ теперь [illegible]сторическое значеніе въ политическомъ значеніи, занимая почетное мѣсто между первостепенными державами Европы, показывая могущественное вліяніе на весь политическій міръ. Но Россія, но народъ русскій находятся еще въ одномъ изъ первыхъ моментовъ процесса своего только начинающагося развитія; они

установиться и опредѣлиться
вырости до самихъ себя и потому не могутъ пре-
тендовать на умственное всемірно-историче-
ское значеніе въ современномъ человѣчествѣ.
Что Россіи готовится великое будущее, что
русское племя носитъ въ себѣ плодотворное
зерно субстанціальной жизни, которое нѣкогда
развиться въ величественное, широко-
дерево, такое предположеніе и те-
перь не чуждо достовѣрности, но въ чемъ бу-
детъ состоять это [illegible]кое будущее, какое
міросозерцаніе разовьется изъ субстанціи рус-
скаго народа, даже въ чемъ именно состоитъ
субстанція его духовной природы,—этого теперь
опредѣлить нельзя, а фантазировать объ этомъ
и безплодно и нелѣпо. Русскій н[illegible]
отношеніи похожъ на геніальнаго ребенка: его
физіономія уже значительна и обѣщаетъ много
въ будущемъ, но дѣтскимъ чертамъ его ли-
ца еще недостаетъ опредѣлительности и ко
имъ еще нельзя сказать, по какой дорогѣ и
какъ именно пойдетъ это геніальное дитя, ког
да сдѣлается взрослымъ человѣкомъ» (Т. XII
стр. 436—437). Впрочемъ Бѣлинскому
зось очень ловко подмѣтить нѣкоторыя харак-
теристическія черты русскаго человѣка
женныя на него, такъ сказать, самой приро-

дой страны. Вотъ, напримѣръ, вы находите въ русской эпической поэзіи духъ удальства и отваги, молодечества, точно такъ какъ въ лирической—находьте задушевную грусть, заунывность, тоску души, сильной и мощной. Думаете-ли, что это случилось такъ, само собой? Нѣтъ,—обратите лучше вниманіе на климатъ и географическое положеніе Россіи. «Этотъ климатъ срединный — ни южный, ни сѣверный, ни жаркій, ни холодный; этотъ годъ, состоящій изъ жаркаго лѣта, длинной осени и длинной зимы—все это не могло не способствовать развитію въ русскомъ народѣ чувства безконечной и глубокой грусти, какъ основнаго мотива ея поэзіи и музыки. Не забудьте, что колыбелью Руси были Новгородъ, Владиміръ, Рязань, Москва, Тверь, гдѣ небо бываетъ такъ часто свинцово и мелкій дождь однообразно падаетъ на скользкую траву и уличную слякоть. А продолжительная русская зима, съ ея трескучими морозами и устянымъ звѣздами небомъ, съ пушистыми мятелями, заленяющими очи путника и ея заунывнымъ вѣтромъ, свободно гуляющимъ по необозримой снѣжной равнинѣ, которой унылое разнообразіе нерѣдко нарушается то печально зеленѣющеюся елкою, то лѣсомъ, съ бѣловатыми отъ инея

сучьями... Вотъ скачетъ удалая тройка, борода зимняго возничаго покрыта пушистымъ снѣгомъ; путникъ глубоко забился въ кибитку въ своей тяжелой шубѣ; колокольчикъ надрываетъ ему сердце своимъ упоительнымъ звономъ, ямщикъ даетъ вздохнуть родимымъ, — медленно идутъ они; онъ затягиваетъ заунывную пѣсню; впереди — ничего, только безконечная снѣжная скатерть сливается вдали съ свинцовымъ небомъ. Да тутъ необходимо унывная, протяжная пѣсня ямщика; — душа упивается полнотою собственной грусти; ей такъ привольно въ однообразной мелодіи этихъ задушевныхъ звуковъ:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска

«Присовокупите ко всему этому медленное тяжкое, мучительное историческое развитіе Руси; междоусобія и темное владычество татаръ, которые пріучили русскаго крестьянина считать свою жизнь, свое поле, свою жену и дочь и все свое состояніе чужою собственностью, ежеминутно готовою отойти во владѣніе перваго, кто съ желѣзомъ въ

что трудно понять, чему трудно повѣрить. Семейный бытъ первый и непосредственный источникъ народной поэзіи. Русская народна

...я борьбѣ съ Карломъ XII, можно примѣнить къ Руси въ отношеніи ко всей ея исторіи:

> Но въ искушеньяхъ долгой кары
> Перетерпѣвъ судебъ удары,
> Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
> Дробя стекло, куетъ булатъ
> (Т. V, стр. 243 — 245)

Итакъ нужно любить свое родное и гордиться имъ; но Бѣлинскій не даромъ сказалъ и то, что нужно *умѣть* гордиться этимъ. Для такой любви предстоитъ большая опасность сдѣлаться тѣмъ, что называется патріотомъ или квасным патріотизмомъ, а патріотизмъ владѣетъ, по замѣчанію Бѣлинскаго, въ китаизмъ въ томъ [illegible], когда человѣкъ любитъ [illegible] за то, что оно свое и ненавидитъ [illegible] только за то, что оно чужое, и не [illegible] собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ (Т. VI, стр. 262). Нужно такимъ-образомъ знать, какъ и что любить въ своемъ родномъ и на сколько нужно въ этой любви; нужно равно знать, и въ какія отношенія поставлять себя по всему человѣчеству и къ другимъ національностямъ. Вопросъ очень интересный. Въ общемъ этотъ вопросъ у Бѣлинскаго рѣшается такъ: «Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни

гражданина; въ томъ и другомъ слу-
ть краность, а всякая краность
родитъ сестра ограниченности. «Любовь къ
ву должна вытекать изъ любви къ че-
ству, какъ частное изъ общаго. Чело
туре, продолжаетъ Бѣлинскій, сро
любить все близкое къ ней, свое роди
ковное, то эта любовь есть и въ живот
ительно любовь человѣка должна
выше. Это превосходство любви челов
передъ животной состоитъ въ разумно-
ти, которая тѣсное и чувственное пр
тъ духомъ, а этотъ духъ есть общее. При-
зорливаго, что лучше
ужой да хорошій, чѣмъ свой да негодный, луч-
е всего поясняетъ и оправдываетъ эту мысль.
Конечно изъ частнаго нельзя дѣлать правило
общаго, но можно черезъ сравненіе объ-
ть частнымъ общее. Можно не любить и
роднаго брата, если онъ дурной человѣкъ, но
нельзя не любить отечества, каково-бы оно
ни было; только надо, чтобы эта любовь была
не мертвымъ довольствомъ тѣмъ, что есть,
но живымъ желаніемъ усовершенствованія, сло-
вомъ—любовь къ отечеству должна быть вмѣ-
стѣ и любовью къ человѣчеству» (тамъ-же).
Таково вообще мнѣніе Бѣлинскаго объ отноше-

нія любви къ родинѣ къ любви ко всему человѣчеству и любви къ своей національности къ другимъ національн ст[illegible] Въ частности Бѣлинскій проясняетъ этотъ взглядъ такъ: «Народность, разсуждаетъ онъ,—великое дѣло и въ политической жизни и въ литературѣ, только, подобно всякому истинному понятію, она сама по себѣ односторонность и является истин[illegible] съ противоположною [illegible] сторона народности есть «общее» въ смыслѣ «обще-человѣческаго». Какъ ни одинъ человѣкъ не дол[illegible] существовать отдѣльно отъ общества, [illegible] ни одинъ народъ не долженъ существовать внѣ человѣчества. Человѣкъ, существующій внѣ народной стихіи,—призракъ; народъ, несознающій себя живымъ членомъ въ семействѣ человѣчества,—не нація, но племя, подобное калмыкамъ и черке[illegible] подобно ки[illegible] [illegible] народнаго [illegible] [illegible] тѣло, а механическій препаратъ. Но съ другой стороны и національнаго духа еще недостаточно для того, чтобы народъ могъ считать себя чѣмъ-нибудь существеннымъ и дѣйствительнымъ въ общности мірозданія. Въ

томъ и другомъ случаѣ народъ есть односторонность и крайность, а с[illegible]вательно и призракъ. Чтобы народъ былъ дѣйствительно историческимъ явленіемъ, его народность необходимо должна быть только формою, проявленіе[illegible] человѣчества, а не самою идеею. Все [illegible] единичное, всякая индивидуальность дѣйствительно существуетъ только «ничто», которое есть его содержаніе и котораго она только содержаніе и форма. Индивидуальность —призракъ безъ общаго; общее въ свою очередь — призракъ безъ особнаго, индивидуальнаго проявленія. И потому люди, которые требуютъ въ литературѣ одной народности, требуютъ [illegible] какого-то призрачнаго и пустаго «ничего», съ другой стороны люди, которые требуютъ въ литературѣ совершеннаго отсутствія народности, думая тѣмъ сдѣлать литературу всѣмъ доступною и общею, т.-е. человѣческою, также требуютъ какого-то призрачнаго и пустаго «ничего». Первые хлопочатъ о формѣ безъ содержанія, вторые—о содержаніи безъ формы. Тѣ и другіе не понимаютъ, что ни форма без[illegible] жанія, ни содержаніе безъ формы существовать не могутъ, а если и существуютъ, то въ первомъ случаѣ какъ пустой сосудъ страннаго и нелѣпаго вида, а во второмъ — какъ

которые

время и народа. Одно безъ другаго суще-

и не можетъ. Скажутъ въ

прозрѣніе, что нѣтъ племени на землѣ, ко-

торое-бы при всей своей ничтожности, не

имѣло у себя поэзіи, а какъ велика поэ-

зія есть дѣйствительно существующій фактъ,

слѣдовательно, можно имѣть народную

поэзію, и не принадлежа къ семейству че-

ловѣческаго р[illegible]. Возраженіе только кажу-

щееся основательнымъ. Нѣтъ на землѣ пле-

мени, которое не принадлежало-бы къ семей-

ству человѣческаго рода, но дѣло въ томъ,

что одно племя меньше, а другое больше при-

надлежитъ человѣчеству и что въ э[illegible] отно-

шеніи всѣ племена и народы представляютъ

собою цѣпь, которой звѣнья съ обоихъ кон-

цовъ постепенно увеличиваются къ центру.

Египтяне также историческій народъ, какъ и

евреи, но важность ихъ для человѣчества да-

леко не одинакова: первые внесли особый эле-

ментъ въ многосложную жизнь Греціи, и только

[illegible]

ріи; результатомъ-же существованія евреевъ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]мъ уже и является человѣчество [illegible]

есть и жизнь и поэзія, но большая разница въ объемѣ слова, любви, ненависти, блаженства и страданія между дикимъ стаитяниномъ и образованнымъ европейцемъ, между [illegible] калмыкомъ, тунгузомъ — и французомъ, нѣмцемъ и англичаниномъ. Такая-же разница и между литературами. Есть люди, которые цѣлую жизнь посвящаютъ изученію греческой литературы, но едва-ли человѣкъ съ умомъ и душою посвятитъ всю свою жизнь на изученіе чухонской литературы. Важность и достоинство народовъ опредѣляется ихъ историческимъ значеніемъ. Народъ, неимѣющій исторіи, ничто, хотя-бы занималъ собою половину земнаго шара и считалъ свое народонаселеніе сотнями тысячъ» (Т. V, стр. 28—30). Точно также вѣрный тому-же взгляду, Бѣлинскій

[illegible] заимствованіи у другихъ народовъ
того, что только найдется у нихъ хорош[illegible]
наго — практичность ихъ жизни. «Тепер[illegible]
горилъ Бѣлинскій, Европу занимаютъ новы[illegible]
[illegible] вопросы. Интересоваться ими, слѣди[illegible]
[illegible] можно и должно, ибо ничто че[illegible]-
ческое не должно быть чуждо». (Т. XI, стр.
[illegible]). [illegible] почему Бѣлинскій видѣлъ незр[illegible]-
[illegible] таланта Грибоѣдова и ставилъ въ вин[illegible]
ему то, что онъ приглашалъ общество къ ки-
[illegible]скому незнанію европейцевъ (Т. VI, [illegible]
661). Заимствовать другъ у друга необхо[illegible]
[illegible] народамъ и всѣ образованные народ[illegible]
боятся этого заимствованія, да и нечего б[illegible]
ся тутъ чего либо. «Исторія, замѣчаетъ на[illegible]
авторъ, говоритъ, что подобныя опасенія мо-
гутъ быть дѣйствительны только для народ[illegible]
нравственно безсильныхъ и ничтож[illegible]ыхъ. Древ-
няя Эллада была наслѣдницею всего предше-
ствовавшаго ей древняго міра; въ ея состав[illegible]
[illegible]ли элементы египетскіе и финикійскіе, кр[illegible]
мѣ основнаго пелазгійскаго. Римляне приняли
въ себя, такъ сказать, весь древній міръ и
[illegible]се-таки остались римлянами, и если пали
то не отъ внѣшнихъ заимствованій, а оттого,
что были послѣдними представителями исчер-
павшаго всю жизнь свою древняго міра, дол-

жествовавшаго обновиться черезъ христіан-
ство и тевтонскихъ варваровъ. Французская
долгое время любила подражать гре-
латинской, наивно грабила ихъ за-
лась национль-
ное движеніе
французской литературы XVIII вѣка вышло изъ
Англіи, но французы до того умѣли себѣ ус-
воить его, наложивъ на него печать своей на-
ціональности, что никто и не дерзаетъ оспари-
вать у нихъ литературы чести самобытнаго раз-
витія. Нѣмецкая философія пошла отъ франц-
не отставшись отъ это
(I XI, стр. 40)
собственно связь съ Евро-
заимствований у послѣд-
нить особенно нужною и
смотрѣть как
тельную великость, на
мнѣніе всѣхъ тѣхъ, кто представляетъ эту Ев-
ропу «отруженной атмосферой опаснаго дыха
нія». Такъ, встрѣтивъ подобную мысль въ
статьѣ г. Глинки, Бѣлинскій отвѣчалъ: «да
неужели мы ѣздимъ въ Европу для того толь-
ко, чтобы заражаться ядовитымъ дыханіемъ это-
го «будущаго трупа». Неужели юноши наши,
безпрерывно отправляемые на счетъ нашего му-
драго и просвѣщеннаго правительства за грани-

цу, возвращаются оттуда никуда негодными и изъ нихъ не выходятъ Брюлловы, Бруни, Басновы,—или не превращаются они [illegible] отличныхъ университетскихъ преподавателей, которые живымъ знаніемъ своимъ, въ этой же Европѣ [illegible] щихъ Европы или если и глядѣвшихъ на нее, то видѣвшихъ все вверхъ ногами» (Т. V, стр. 389). Да, заимствовать у другихъ плоды ихъ жизни и развитія, интересоваться ихъ исторіей не только можно, но и должно. Только и это нужно дѣлать *умѣючи*: «нужно, говоря словами Бѣлинскаго, быть далеки[illegible] леній признавать за предметъ по[illegible] относится собственно къ формѣ народной жизни другихъ государствъ, а не общечеловѣческой, а еще болѣе нужно быть далекими отъ ослѣпленія признавать за великое дурныя стороны ихъ жизни; которыя, [illegible] или крайности, необходимо существуютъ въ жизни каждаго народа» (Т. III, стр. 268—269). И замѣтивъ въ другомъ мѣстѣ, что намъ должно интересоваться занимающими Европу великими вопросами, Бѣлинскій вмѣстѣ нашелъ нужнымъ замѣтить и то, что «для насъ *было-бы вовсе безплодно* и принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ

ихъ, говоритъ онъ объясняя это, нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію, все остальное чуждо намъ и мы стали бы играть роль донъ-кихотовъ, гоняясь изъ за него. Этимъ мы заслужили-бы скорѣе насмѣшки европейцевъ, нежели ихъ уваженіе» (Т. XI, стр. 43).

Здѣсь очевидно, мы уже сами собой сталкиваемся уже съ вопросомъ о реформѣ Петра Великаго. Онъ научилъ Россію заимствовать у иностранцевъ, онъ первый и началъ заимствованіе, что-жъ—не разрушилъ онъ тѣмъ русской національности? Вопросъ прямой и очень важный. Какъ-же разрѣшилъ его Бѣлинскій? Мы уже говорили, что Бѣлинскій съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Петра Великаго и его реформу, а смотрѣлъ онъ такъ на него потому, что считаетъ произведенную имъ реформу сколько разумною и необходимою, столько-же и непротивною субстанціальности народа Петръ Великій, по его сужденію, и не думалъ нарушать русской народности и дѣйствительно не нарушилъ ея. Это Бѣлинскій доказываетъ между прочимъ связью пушкинской поэзіи съ древней народной. «Грусть, говоритъ онъ, есть общій мотивъ нашей поэзіи и народной и художественной. Русскій человѣкъ въ старину не

умѣлъ шутить забавно и весело; онъ шутилъ или плоско или саркастически и лучшія народныя пѣсни наши — грустнаго содержанія, протяжнаго и заунывнаго напѣва. Нигдѣ и Пушкинъ не дѣйствуетъ на русскую душу съ такою неотразимою силою, какъ тамъ, гдѣ поэзія его проникается грустью и нигдѣ онъ столько не національнъ, какъ въ грустныхъ звукахъ своей поэзіи. Вотъ что онъ самъ говоритъ о грусти, какъ основномъ элементѣ русской поэзіи:

Фигурно иль буквально: всей семьей
Отъ емщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой,
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта:
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ.
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

«Но эта грусть—не болѣзнь слабой души, не дряблость немощнаго духа, нѣтъ, эта грусть могучая, безконечная, грусть натуры великой, благородной. Русскій человѣкъ унывается грустью, онъ не падаетъ подъ ея бременемъ и никому не свойственны до такой степени быстрые переходы отъ самой томительной, надры-

вающей душу грусти къ самой бѣшеной, наступленной радости. Въ этомъ случаѣ поэзія Пушкина такъ велика фактъ: нельзя довольно надивиться ея быстрымъ переходамъ въ «Онѣгинѣ» отъ этой глубокой грусти, которой источникъ безконечное духа, къ этой бодрой и могучей веселости, источникъ которой крѣпость и веселость духа. Итакъ, заключаетъ Бѣлинскій, вотъ общее, которое связываетъ нашу простонародную поэзію съ нашею художественною, національною поэзіею. Слѣдовательно родовое субстанціальное начало не потавлено въ насъ реформою Петра, но только получило высшее развитіе и высшую форму. развѣ со временъ Петра пространство Россіи съузилось, а не расширилось, разве степи наши не такъ же просторны и раздольны; снѣга, и ль покрывающіе, не бѣлы и не такъ-же серебрить ихъ унылый свѣтъ мѣсяца? Какія хорошія свойства русскаго человѣка, отличающія его не только отъ иноплеменниковъ, но и отъ другихъ славянскихъ племенъ, даже находящихся съ нимъ подъ однимъ скипетромъ? Бодрость, смѣлость, находчивость, смѣтливость, изобрѣтательность,—на обухѣ рожь молотить, зерна не обронять, нужду учиться калачъ ѣсть, молодечество, раз-

гулъ, удальство,—и въ горѣ и въ радости мо- поколѣнии! Но развѣ европеизмъ можетъ изгладить эти коренныя, субстанціальныя свойства этого народа? Развѣ образованный русскій человѣкъ теперь не также, какъ и прежде, размашистъ и въ горѣ и въ радости, и не родной братъ тому, который нѣкогда, приложивъ руку къ уху, пѣвалъ богатырскимъ голосомъ на весь Божій міръ:

Высота-ли, высота поднебесная!
Глубота ли, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

«Смѣшно думать, что европеизмъ есть какой-то уровень все сравнивающій, сглаживающій, подводящій подъ одинъ цвѣтъ». (Т. IV, стр. 377—379). «Совершенные невѣжды и фанатики, говорилъ Бѣлинскій, обвиняли Петра въ презрѣніи къ родной странѣ, но они обманывались. Петра тѣсно связывало съ Россіей обоимъ имъ родное и ничѣмъ непобѣдимое чувство своего великаго призванія въ будущемъ. Петръ страстно любилъ эту Русь, которой самъ онъ былъ представителемъ, по праву высшаго, отъ Бога истекавшаго избранія; но въ Россіи онъ вя-

дѣлъ двѣ страны — ту, которую онъ засталъ, и ту, которую онъ долженъ былъ создать; послѣдней принадлежали его мысль, его кровь, его потъ, его трудъ, его жизнь, все счастіе и вся радость его жизни. Ученикъ Европы, онъ остался въ душѣ русскимъ, вопреки мнѣнію слабоумныхъ, которыхъ много и теперь будто-бы европеизмъ изъ русскаго человѣка долженъ сдѣлать не русскаго человѣка, и будто-бы слѣдовательно все русское можетъ поддерживаться только дикими и невѣжественными формами азіятскаго быта» (Т. XI, стр. 193).

«Неужели, поясняетъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ, реформа Петра только лишила насъ народности и сдѣлала междоумками? И неужели намъ надо воротиться къ общественному устройству и нравамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михайловича? Нѣтъ; миновать, перескочить, перепрыгнуть, такъ-сказать, эпоху реформы и воротиться къ предшествовавшимъ ей временамъ—неужели это значитъ развиваться самобытно? Смѣшно было-бы такъ думать уже по одному тому, что это такая-же невозможность, какъ и перемѣнить порядокъ годовыхъ временъ, заставивъ за весною слѣдовать зиму, а за осенью лѣто. Это значило-бы еще при-

знать явленіе Петра Великаго, его реформу и слѣдовавшія событія въ Россіи (можетъ-быть до самаго 1812 года,—эпоха, съ которой началась новая жизнь для Россіи), признать ихъ случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ исчезаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человѣкъ открываетъ глаза. Но такъ думать сродно только господамъ Манилловымъ. Подобныя событія въ жизни народа слишкомъ велики, чтобы быть случайными и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла» (Т. XI, стр. 23). Кратко: Бѣлинскій признаетъ реформу Петра Великаго «такъ исключительно огромной во всемірной исторіи», что она «не менѣе, по его сужденію, дѣлаетъ чести народу, который ее перенесъ, какъ и реформатору» и бывшіе противники которой осуждены и духомъ времени и геніемъ исторіи (стр. 155—156).

Но говоря такъ о реформѣ Петра, Бѣлинскій предчувствовалъ, что противъ него можетъ быть сдѣлано возраженіе, и вотъ онъ старается предупредить его. «Нѣкоторые думаютъ, замѣчаетъ онъ, что Россія могла-бы сблизиться съ Европою безъ насильственной ре-

формы, безъ отторженія, хотя-бы и временнаго отъ старины, но собственнымъ развитіемъ, своимъ геніемъ. Это мнѣніе имѣетъ всю внѣшность истины и потому блестяще и обольстительно, но внутри пусто: его опровергаетъ самый опытъ — факты исторіи. Никогда Россія не сталкивалась съ Европой такъ близко, такъ лицомъ къ лицу, какъ въ эпоху междуцарствія. Есть фактъ еще болѣе поразительный: это Новгородъ. Прекрасно русское выраженіе: «новгородская вольница», и странно мнѣніе многихъ ученыхъ, которые отъ чистаго сердца, т.-е. не шутя видѣли въ Новгородѣ живой членъ ганзеатическаго союза. Правда, новгородцы были друзьями «нѣмцамъ», безпрестанно обращались съ ними, но нѣмецкія идеи и не коснулись ихъ.... Нѣтъ, была стѣна, отдѣлявшая Россію отъ Европы; стѣну эту могъ разрушить только какой-нибудь Самсонъ, который и явился Руси въ лицѣ ея Петра. Наша исторія шла иначе, чѣмъ исторія Европы, и наше очеловѣченіе должно было совершиться также иначе. Нецивилизованные народы образуются безусловнымъ подражаніемъ цивилизованнымъ. Сама Европа доказываетъ это: Италія называла остальную Европу варварами, и эти варвары безусловно подражали

ей во всемъ — даже въ порокахъ. Могла-ли Россія начинать съ начала, когда передъ ея глазами былъ уже конецъ? Неужели ей нужно было начать, напримѣръ, военное искусство съ той точки, съ которой оно началось въ Европѣ во времена феодализма, когда въ нее стрѣляли изъ пушекъ и мортиръ, а нестройную толпу ея могли поражать стройные ряды, вооруженные [illegible]ами, повертывавшіеся по командѣ одного человѣка? Смѣшная мысль! Если-же Россія должна была изучать военное [illegible] въ томъ состояніи, въ какомъ было [illegible]ька, то должна была [illegible], и фортификаціи, и артиллерійскому и инженерному искусству, и [illegible]гаціи; слѣдственно, могла ли она принимаѣся за геометрію прежде, какъ ариѳметика и алгебра уже укоренялся въ ней и ихъ изученіе окажетъ полные и равные успѣхи во всѣхъ сословіяхъ народа? Однообразіе въ одеждѣ для солдатъ не прихоть, а необходимость. Русская одежда не годилась для солдатской униформы, слѣдовательно необходимо должно было принять европейскую; а какъ-же можно было сдѣлать это съ одними солдатами, не побѣдивъ отвращенія къ иностранной одеждѣ въ цѣломъ народѣ? И что-бы за отдѣльную на-

цію въ народѣ представляли собою солдаты, еслибъ всѣ прочіе ходили съ бородами, въ балахонахъ и безобразныхъ сапожищахъ? Чтобъ одѣть солдатъ, нужны были фабрики (а ихъ не было): неужели-же для этого надобно было ожидать свободнаго и естественнаго развитія промышлености? При солдатахъ нужны офицеры, а офицеры должны быть изъ сословія высшаго, нежели то, изъ котораго набирались солдаты, и на ихъ мундиры нужно было сукно потоньше солдатскаго: такъ неужели-же это сукно слѣдовало покупать у иностранцевъ, платя за него русскими деньгами, или дожидаться, пока (лѣтъ въ 50) фабрики солдатскаго сукна прійдутъ въ совершенство и изъ нихъ разовьются тонко-суконныя фабрики? Что за нелѣпости! Нѣтъ, въ Россіи надо было начинать все вдругъ, и высшее предпочитать низшему: фабрики солдатскаго сукна—фабрикамъ мужицко-сермяжнаго сукна, академію—уѣзднымъ училищамъ, корабли—баркамъ. Мало основать уѣздныя училища: надо было дать имъ учителей, которыхъ всего лучше могла образовать академія; надо было составить учебныя руководства, что опять могла сдѣлать только академія. Что ни говорите о бѣдности нашей литературы и ничтожности нашей книжной тор-

говли, однако иныя книги у насъ раскупаются-же, и иные книгопродавцы одними періодическими изданіями имѣли-же въ ежегодномъ оборотѣ по 250,000 рублей! А отчего это произошло?—Оттого, что наша великая Императрица Екатерина II заботилась о созданіи литературы и публики, заставила читать дворъ, отъ котораго, мало-по-малу, охота къ чтенію перешла, черезъ высшее дворянство, къ среднему, отъ него къ чиновническому люду, а теперь уже начинаетъ переходить и къ купечеству.

«Да, у насъ все должно было начинать сверху внизъ, а не снизу вверхъ, ибо въ то время, какъ мы почувствовали необходимость сдвинуться съ мѣста, на которомъ дремали столько вѣковъ, мы уже увидѣли себя на высотѣ, которую другіе взяли приступомъ. Разумѣется, на этой высотѣ увидѣлъ себя не народъ (въ такомъ случаѣ, ему не для чего было-бы и подыматься), а правительство, и то въ лицѣ только одного человѣка—царя своего. Петру некогда было медлить: ибо дѣло шло уже не о будущемъ величіи Россіи, а о спасеніи ея въ настоящемъ» (Т. IV, стр. 389—391)

Говоря впрочемъ такъ, Бѣлинскій предви-

ялъ и новое возраженіе; онъ зналъ, что ему противъ той легкости, съ какой русскій человѣкъ отказывается отъ своихъ древнихъ обычаевъ, могутъ указать, напримѣръ, на англичанъ, «которые любятъ отпускать національные фарсы, варварскіе и нелѣпые, и до-сихъ поръ оставляютъ существовать нѣкоторые обычаи низкой и невѣжественной старины, отъ набитаго шерстью мѣшка, на которомъ сидятъ члены парламента, до права продавать на рынкѣ жену свою»,—и предвидя такое возраженіе, Бѣлинскій не убѣгъ отъ него, напротивъ и здѣсь далъ очень замѣчательный отвѣтъ. «Нелюбимыми сыновьями, замѣчаетъ онъ въ отвѣтъ, любятъ дѣлать упреки равнодушію, съ которымъ мы, русскіе, разстаемся съ предразсудками нашей старины, и готовности, съ которою мы принимаемъ и усвоиваемъ себѣ все новое. Что до насъ—каемся въ грѣхѣ: мы видимъ въ этомъ хорошую черту нашей національности, залогъ нашего будущаго величія и ужь, разумѣется, не униженья, а превосходства надъ англичанами, которые, впрочемъ, во всемъ другомъ великая нація, но только въ этомъ не могутъ и не должны быть для насъ примѣромъ, а сдѣлали-бъ лучше, если-бъ намъ подражали. Да, это великая черта русскаго народа: она пока-

[illegible]
зу и [illegible]
[illegible] отрѣшиться, если-бъ и захотѣ[illegible] [illegible]е, всякій кто либо др[illegible] [illegible] право не стыдиться нашихъ на-[illegible]нныхъ недостатк[illegible] [illegible] двухъ родовъ: одни выходятъ изъ сво-[illegible]ьнаго духа, — какъ [illegible], полити[illegible] [illegible] своеобразность [illegible] [illegible]ность въ [illegible] [illegible]рактеръ итальянцевъ; — дру[illegible] [illegible] стечень несчастнаго историческа[illegible] [illegible] и разныхъ [illegible] и случа[illegible] [illegible]ствы, [illegible], политическое ничтожество итальянскихъ народовъ. И пото[illegible] [illegible] національные пороки можно назвать суб-[illegible]іальными, другіе прививными. Мы никакъ не думаемъ, что наша національность была верхъ [illegible]ства; подъ солнцемъ нѣтъ ничего совершеннаго; всякое достоинство условливаетъ собою и какой-нибудь недостатокъ. [illegible] индивидуальность уже потому самому

есть ограниченіе, что она индивидуальность; всякій-же народъ—индивидуальность, подобная отдѣльному человѣку. Съ насъ довольно и того, что наши національные недостатки не могутъ насъ унизить предъ благороднѣйшими націями въ человѣчествѣ. Что-же до привязчивыхъ,—чѣмъ громче будемъ мы о нихъ говорить, тѣмъ больше покажемъ уваженія къ своему достоинству; чѣмъ съ большею энергіею будемъ ихъ преслѣдовать, тѣмъ больше будемъ способствовать всякому преуспѣянію въ благѣ и истинѣ. Внутренній порокъ — болѣзнь, которою родится нація,—болѣзнь, отверженіе которой иногда можетъ стоить жизни; привязчивый порокъ—наростъ, который, будучи срѣзанъ, хотя-бы и не безъ боли, искусною рукою оператора, ничего не отнимаетъ у тѣла, а только освобождаетъ его отъ безобразія и страданія. Недостатки нашей народности вышли не изъ духа и крови націи, но изъ неблагопріятнаго историческаго развитія. Варварскія тевтонскія племена, нахлынувъ на Европу бурнымъ потокомъ, имѣли счастіе столкнуться лицомъ къ лицу съ классическимъ геніемъ Греціи и Рима—съ этими благородными почвами, на которыхъ выросло широколиственное, величественное древо европейскаго. Дряхлый, папе-

жденный Римъ, передавъ имъ истинную вѣ-
ру, въ послѣдствіи времени передалъ имъ и
свое гражданское право; познакомивъ ихъ съ
Виргиліемъ, Гораціемъ и Тацитомъ, онъ по-
знакомилъ ихъ и съ Гомеромъ, и съ трагика-
ми, и съ Плутархомъ, и съ Аристотелемъ.
Разбѣлясь на множество племенъ, они [illegible]-
[illegible]о столпились на пространствѣ, недоста-
точномъ для многолюдства, и безпрестанно,
такъ-сказать, ударяясь другъ о друга, какъ
сталь о кремень, чтобъ извлекать изъ себя
искры высшей жизни. Жизнь Россіи, напро-
тивъ, началась изолированно, въ пустынѣ, чуж-
дой общаго человѣческаго развитія. Первона-
чальныя племена, изъ которыхъ впослѣдствіи
[illegible] масса ея народонаселенія, занимая
одинаково-долинныя страны, похожія на одно-
образныя степи, не заключали въ себѣ никаки-
хъ рѣзкихъ различій и не могли дѣйство-
вать другъ на друга въ пользу развитія граж-
данственности. Богемія и Польша могли-бы
ввести Россію въ соотношенія съ Европою и
сами по себѣ быть полезны ей, какъ племена
характерныя; но ихъ навсегда раздѣлила съ
Россіею враждебная разность вѣроисповѣданій.
Слѣдовательно, отъ запада Россія была отрѣ-
зана въ самомъ началѣ бытія своего. Княже-

[illegible]ные, кровные, но призванные, — лучшее [illegible]зательство въ томъ, что мы имѣемъ пол[illegible] возможность освободиться отъ нихъ, и [illegible] [illegible]ъ многихъ освободились и освобождаемся. Т. IV, стр. 378—382

[illegible]ухъ народный, продолжаетъ Бѣлинскій, — [illegible]гда былъ великъ и могущъ: это доказы[illegible]ь и быстрая централизація московскаго [illegible]тва, и [illegible] побоище, и сверженіе [illegible]арскаго ига, и завоеваніе темнаго казан[illegible]го царства, и возрожденіе Россіи, подобно [illegible]ксу, изъ собственнаго пепла въ годину [illegible]царствія, когда, подобно восходящему [illegible]нцу, прогоняющему призраки ночи и пред[illegible]вѣтную мглу, на престолъ, по единодуш[illegible]у изор[illegible] [illegible]лъ благословенный [illegible]ъ Романовыхъ, даровавшій Россіи Петра Ве[illegible]каго и цѣлый рядъ [illegible]менитыхъ и славныхъ [illegible]гителей, возвеличившихъ и облагодѣтель[illegible] [illegible]ѣренный Богомъ попеченію ихъ [illegible]родъ. Это-же доказываетъ и обиліе въ та[illegible]хъ характерахъ и умахъ государственныхъ и ратныхъ, каковы были—Александръ Невскій, Іоаннъ Калита, Симеонъ Гордый, Дмитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ Грозный, Андрей Курбскій, Воротынскій, Шеинъ, Годуновъ, Басмановъ, Скопинъ-Шуйскій, князь Дмитрій

Пожарскій, мѣщанинъ Мининъ, святители Алексій, Филиппъ, Гермогенъ, келарь Авраамій Палицынъ.... Это-же доказываютъ и произведенія народной поэзіи, запечатлѣнной богатствомъ фантазіи, силою выраженія, безконечностію чувства, то бѣшено-веселаго, размашистаго, то грустнаго, задумчиваго, но всегда крѣпкаго, могучаго, которому тѣсно и на улицѣ, и на площади, которое проситъ для разгула дремучаго лѣса, раздолья Волги-матушки, широкаго поля.... Но такова участь даже и великаго народа, если враждебная судьба, или неблагопріятное историческое развитіе лишаютъ его потребной ему сферы, и для необъятной силы его духа не даютъ приличнаго ей содержанія: въ минуты испытанія, когда малые духомъ народы падаютъ, онъ просыпается, какъ левъ, окруженный ловцами, грозно сотрясаетъ свою гриву и ужаснымъ рыканіемъ оледенитъ сердца своихъ враговъ. Прошла буря—и онъ опять погружается въ свою дремоту, не извлекая изъ потрясенія бл[illegible] результатовъ для своей цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ великіе перевороты и испытанія судьбы только обнаружили великій характеръ русскаго народа; роковой 1812 годъ, пронесшійся надъ Россіею грозною тучею, напря-

шій всѣ ея силы, не только не ослабилъ ее, но еще и укрѣпилъ, и былъ прямою причиною ея новаго, высшаго благоденствія, ибо открылъ новые источники народнаго богатства, усилилъ промышленость, торговлю, просвѣщеніе. Вотъ какая разница между однимъ и тѣмъ-же народомъ, въ его непосредственномъ, естественномъ и патріархальномъ состояніи, и въ разумномъ движеніи его историческаго развитія! Въ первомъ состояніи, и великое событіе у него рождается какъ-бы безъ причины, и оканчивается безъ результатовъ,—и потому его исторія лишена всякаго общаго интереса: во второмъ состояніи, даже великое событіе имѣетъ разумную причину и разумное слѣдствіе, и совершаетъ шагъ впередъ,—и его исторія полна драматическаго интереса, движенія, разнообразія, поэтически-интересна, философски-поучительна, политически-важна. Но народъ одинъ и тотъ-же, и Петръ не пересоздалъ его (такого [illegible] могъ совершить), а [illegible] крѣпкихъ, избитыхъ тропинокъ на столбовую дорогу всемірно исторической жизни. Шереметевъ, Меншиковъ, Репнинъ, Долгорукій, Апраксинъ, Шафировъ, Голицынъ (Михаилъ), Головинъ, Головкинъ,—всѣ эти люди, одаренные такими

блестящими талантами. «сіи [illegible] Петрова», по выраженію Пушк[illegible] родные русскіе и родились [illegible] Алексѣя Михайловича—въ кошихинскія времена Россіи. Итакъ, Петръ отрицалъ и уничтожилъ въ народѣ не существенное и кровное, но наросшее и привившееся, и тѣмъ отверзъ новые пути въ духъ народа, до того времени о[illegible] [illegible] ей и новыхъ дѣлъ. Обвинявшимъ его въ попраніи и уничтоженіи народнаго духа Петръ [illegible]ль-бы полное право отвѣтить: «не думайте, что пришелъ нарушить законъ, или пророковъ: я не нарушить пришелъ, но исполнить»... (стр. 385—387)

Изъ всего сказаннаго очевидно, что Бѣлинскій никакъ не можетъ быть отнесенъ ни къ одной изъ существовавшихъ въ его время и существующихъ въ настоящее время партій, — ни къ славянофиламъ, [illegible] западникамъ или космополитамъ. И то и другое было въ его глазахъ крайностями. Его-же ученіе таково: люби родину, но не забывай и человѣчества и на оборотъ: люби человѣчество, но не забывай и родину; не презирай хорошаго у другихъ, но пользуйся имъ такъ, какъ позволяетъ твоя національность. Впрочемъ мы находимъ у

словахъ: «если природа и исторія создала насъ юристами, а не философами и не поэтами, и мы привычнѣе къ землѣ, чѣмъ облакамъ, то будемъ-же довольны нашей судьбой, будемъ юристами въ совершенствѣ, будемъ римлянами въ юриспруденціи»,—Бѣлинскій продолжаетъ: «но мы никакъ не можемъ удовлетвориться такою бѣдною участью. Нѣтъ, мы думаемъ, или, лучше сказать, мы вѣримъ и знаемъ, что міродержавныя судьбы вѣчнаго промысла, природа и исторія, не осудили Россію на такое односторонее и узкое существованіе, въ тѣснотѣ котораго неестественно склались-бы огромные члены ея богатырскаго тѣла, прервалось-бы дыханіе ея широкой груди и сжался-бы глубокій и могучій духъ. Нѣтъ, мы вѣримъ и знаемъ, что назначеніе Россіи есть всесторонность и универсальность: она должна принять въ себя всѣ элементы жизни духовной, внутренней, гражданской, политической, общественной, и, принявши, должна самобытно развить ихъ изъ себя.... Мы еще не философы—это правда, но мы уже обнаруживаемъ живое стремленіе къ разумному знанію, и если не въ философіи, то въ частныхъ знаніяхъ даже оказали уже нѣкоторые успѣхи, и русское просвѣщеніе гордится уже именами

нѣсколькихъ знаменитыхъ математиковъ, астрономовъ, мореплавателей. Сколько знаній было соединено въ лицѣ одного отца русской науки и русской литературы—Ломоносова! Что касается до поэзіи—мы уже давно поэты: вѣдь Пушкинъ не могъ же быть явленіемъ случайнымъ, а Пушкина мы, даже по сознанію самихъ иностранцевъ, смѣло можемъ противопоставить любому поэту всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Такъ зачѣмъ же намъ быть только юристами, новыми римлянами! — Мы будемъ и юристами, и римлянами въ юриспруденціи, но мы будемъ и поэтами, и философами, народомъ артистическимъ, народомъ ученымъ, и народомъ воинственнымъ, народомъ промышленнымъ, торговымъ, общественнымъ.... Въ Россіи видно начало всѣхъ этихъ элементовъ, и если эти элементы все еще остаются элементами, а не дѣйствительными явленіями, это значитъ, что всѣ извѣстныя опредѣленія не въ пору ему, что гибло для него всякое человѣческое оружіе, ненадежны никакіе человѣческіе доспѣхи, и потому-то онъ, какъ божественный Ахиллъ, безоружный, безстрашный, но могучій и страшный, ждетъ отъ небожителя Гефеста неземнаго вооруженія; а для враговъ и недруговъ ему достаточ-

которыми

которыя есть его сила, жизнь и значеніе.—
та призма съ однимъ или нѣсколькими перво-
сущными цвѣтами радуги, сквозь которую онъ

созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Міросозерцаніе есть источникъ и основа литературы. Это та почва, на которой рисуются ея картины, канва, по которой вышиваются ея узоры» (Т. IV, стр. 206).

Итакъ есть-ли у насъ литература въ полномъ значеніи этого слова и что такое наша литература? Какъ на нее смотрѣли? Какъ къ ней относиться? На это Бѣлинскій отвѣчаетъ такъ: «Если-бы, говоритъ онъ, можно было отыскать въ нашей естественной (народной) поэзіи слѣды какого-нибудь міросозерцанія,— оно не могло не развиться, не произвести какихъ-либо слѣдствій, потому-что Россія жила изолированною отъ человѣчества жизнію, чуждая интересовъ человѣчества, и до Петра Великаго была, подобно восточнымъ монархіямъ— не государствомъ, а народомъ-семействомъ. Слѣдовательно, тутъ нѣтъ и слова о литературѣ. Теперь, откуда-же могла взяться литература послѣ Петра?... И ея, естественно, не было, потому-что не могло быть. Намъ скажутъ, что Россія, пріобщившись жизни европейской, пріобщилась и ея интересамъ. Прекрасно; но эти интересы нельзя было перевезти съ товарами изъ-за границы; ихъ надо было развить изъ своей жизни, а Россія бы-

ло не до того: она хлопотала, какъ и слѣдовало, объ усвоеніи себѣ не содержанія, а пока только формъ европейской жизни. Поэтому, удивительно-ли, что въ поэзіи Ломоносова нѣтъ никакой поэзіи, потому-что нѣтъ общечеловѣческаго (въ народной формѣ) содержанія? удивительно-ли, что народъ остался къ ней равнодушенъ и доселѣ не знаетъ о ея существованіи? А между-тѣмъ, въ Ломоносовѣ нельзя отрицать ни замѣчательнаго поэтическаго таланта, ни великаго ума, ни великой души. — Потомъ, Державинъ. Какое міросозерцаніе лежитъ въ основѣ его творчества? — Оно все высказалось въ его давно-п[illegible]ной одѣ «на смерть Мещерскаго» — этомъ [illegible]личайшемъ его созданіи, и особенно въ этихъ стихахъ:

Ликъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился.
Здѣсь персть твоя, и духа нѣтъ.
Гдѣ-жъ онъ? — онъ тамъ! — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О горе намъ рожденнымъ въ свѣтъ!»

«Эта мысль о преходимости жизни, неизвѣстности за гробомъ, какъ громъ среди пиршества, *прохлади и пиги*, приводила въ оцѣпенѣніе игравшихъ жизнію дѣтей русскаго XVIII вѣка,—и въ одной этой мысли заключается все міросозерцаніе Державина. Вы ее [illegible]ге и въ другомъ великомъ его произведеніи «Водопадъ». Даже въ послѣднихъ его стихахъ, написанныхъ уже хладѣющими отъ смерти перстами, выразилась все она-же, все эта [illegible] мысль. Но откуда вышло это міросозерцаніе столь исключительное и односторонее? Изъ народной-ли жизни? — нѣтъ! оно было чуждо народа, чуждо даже среднихъ сословій его: оно перешло изъ Европы въ извращенномъ видѣ къ вельможеству того времени—единственному слою тогдашняго общества, который прежде всѣхъ пробудился къ жизни и приобщился, хотя и внѣшнимъ образомъ, къ интересамъ европейскаго существованія. Но вѣкъ тотъ прошелъ, а въ царствованіе Александра Благословеннаго пробудилось къ жизни среднее дворянство, уже незаставшее этого вѣка. Удивительно-ли послѣ этого, что наше общество досель такъ упорно равнодушно къ Державину и не хочетъ его читать, хоть и признаетъ въ немъ великій талантъ?—Великіе

заслуги Карамзина русскому обществу, русскому образованію, русской литературѣ; безсмертно и велико имя его: но онъ сынъ своего времени, дѣйствователь с[illegible] — и не содержаніе русской жизни раз[illegible] своихъ сочиненіяхъ, а знакомилъ русскихъ съ содержаніемъ европейской жизни. — Мы сказали о значеніи Корнеля и Расина, какъ поэтовъ и трагиковъ; но, право, не умѣемъ сказать значенія Озерова: онъ былъ человѣкъ не безъ таланта и подражалъ французскимъ трагикамъ,—вотъ все.—Не менѣе Карамзина велика заслуга русскому обществу, образованію, литературѣ и со стороны Жуковскаго; но это опять знакомство Россіи съ Европою, а не Европы съ Россіею. — Не ищите также русскаго содержанія и въ художественной поэзіи Батюшкова; она чистый космополитизмъ: она понемногу и французская, и англійская, и древне-греческая, и никакая, а главное—нисколько не русская.

Гдѣ жъ тутъ литература, какъ сознаніе народа, какъ выраженіе его міросозерцанія? Гдѣ ея историческое развитіе? Скажите, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти поэты — Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ? Докажите, что Жуковскій

непремѣнно долженъ былъ явиться послѣ Карамзина, а не прежде; Озеровъ и Батюшковъ— не прежде ихъ обоихъ!... Нѣтъ, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ самъ по себѣ и отъ себя, независимо отъ прошедшаго, не спрашиваясь у настоящаго. Это герои,—великія, или замѣчательныя личности; но въ нихъ лицѣ незамѣтно историческихъ судебъ народа: герои сами по себѣ, народъ самъ по себѣ. Только одинъ изъ нихъ требуетъ исключенія: это Крыловъ. — И его басни вышли изъ народнаго русскаго ума, изъ русскаго разсудочнаго созерцанія жизни. За то, въ лицѣ Крылова, басня русская достигла своего высшаго развитія, — и народъ знаетъ Крылова: вѣдь кто-нибудь да раскупилъ же сорокъ тысячъ экземпляровъ его басенъ!...» (Т. IV, стр. 212—214).

И развивая эту мысль потомъ подробно, Бѣлинскій заключилъ: «Всѣ возгласы о богатствѣ нашей литературы, о ея равенствѣ со всѣми европейскими литературами, даже о превосходствѣ надъ ними должны считаться или болтовнею, или бредомъ тщеславія, помѣшавшагося на своемъ мнимомъ достоинствѣ. Извѣстное и даже значительное число превосходныхъ художественныхъ произведеній не можетъ составить литературы: литература есть нѣчто

цѣлое, индивидуальное, части ея сочленены между собою органически; самыя разнообразныя явленія ея находятся во взаимномъ другъ съ другомъ соотношеніи. Несмотря на всю неизмѣримость пространства, отдѣляющаго Вальтеръ-Скотта отъ какого нибудь Диккенса или Марріета, вы видите въ нихъ нѣчто общее, и это общее есть—британская національность. Между Вальтеръ-Скоттомъ съ одной стороны, и Диккенсомъ и Марріетомъ съ другой—сколько примѣчательныхъ талантовъ, большею частію совершенно неизвѣстныхъ у насъ на поприщѣ романистики! Подлѣ громаднаго генія Байрона, блестятъ могучіе и роскошные таланты Томаса Мура, Уорсуорта, Сутея, Коупера и многихъ другихъ. И у насъ, назадъ тому двадцать лѣтъ, вышелъ было могучій атлетъ съ дружиною замѣчательныхъ, хотя и [illegible]вшихъ отъ него на неизмѣримомъ разстояніи талантовъ, но теперь, кажется, литературной дѣятельности суждено проявляться въ отдѣльныхъ лицахъ, одиноко дѣйствующихъ и съ остальнымъ пишущимъ міромъ неимѣющихъ никакого соотношенія, ничего общаго. Съ 1832 по 1836 годъ писалъ Гоголь, и есть-ли у насъ до сихъ-поръ хоть что-нибудь, что, напоминая его, отличалось-бы примѣчательнымъ талан-

томъ? Теперь Лермонтовъ и.... никто, совершенно никто, если исключить два-три таланта, гораздо прежде его явившіеся, и продолжающіе развиваться въ своей собственной и уже опредѣлившейся сферѣ. И посмотрите, какъ сонно тянется, а не развивается — то немногое, совокупность чего называется у насъ литературою». (Т. IV, стр. 226—227).

Однимъ словомъ Бѣлинскій видѣлъ въ своемъ времени только начало собственно русской литературы. А если-бы вы спросили его, отчего-жъ такъ вяло идетъ наша литература, онъ указалъ бы вамъ между-прочимъ на недостатокъ сочувствія къ ней публики или лучше на то, что наша литература не имѣетъ для себя публики. «Литература, говоритъ онъ, не можетъ существовать безъ публики, какъ и публика безъ литературы: это фактъ, столь-же неоспоримый, какъ и почтенная истина, что дважды два—четыре. А есть-ли у насъ публика?... Прежде, чѣмъ рѣшимъ этотъ вопросъ, опредѣлимъ сперва, что такое публика Если подъ этимъ словомъ разумѣется извѣстное число людей, читающихъ и покупающихъ книги, то, конечно, и у насъ есть публика, хотя и небольшая относительно всей массы народонаселенія, точно такъ-же, какъ если подъ

«литературою» должно разумѣть извѣстное количество печатныхъ книгъ, то у насъ есть литература, хотя и небольшая. Жители провинцій,—и это, право, почтенные люди,—пріѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ или Москву, [illegible] другими, болѣе важными вещами, гостинцами для женъ, дочерей и сыновей, покупаютъ и книги; на макарьевской ярмаркѣ, дѣлая годовый закупка чая, кожи, сахара и прочаго домашняго обихода, они запасаются и книгами. Журналы наши находятъ себѣ подписчиковъ, и даже очень много: у одного журнала, говорятъ, было ихъ нѣкогда—давно уже около пяти тысячъ. Итакъ, у насъ есть публика... Но нѣкоторые подъ «публикою» разумѣютъ другую сторону одного и того-же народа, сознающаго себя въ литературѣ,—сторону, которая въ созданіяхъ пишущей стороны находитъ свой-же собственный духъ, свою же собственную жизнь. По этому мнѣнію, котораго и мы придерживаемся, публика находится въ живомъ соотношеніи съ своими писателями: тѣ—производители, она—потребитель; тѣ—актеры, она—зрители, награждающіе актеровъ своимъ сочувствіемъ, своими восторгами. Литература есть ея сокровище, ея добро: она судитъ о ея произведеніяхъ, назначаетъ имъ цѣну, не даетъ

—

довольствоваться жалкой посредственностью и [illegible]-нуть въ забвеніи истинному таланту. [illegible] [illegible]блики, занятіе литературою не есть отдохновеніе отъ заботъ жизни, не сладкая дремота [illegible] [illegible]ческихъ креслахъ послѣ [illegible]аго обѣ[illegible] [illegible] чашкою кофе,—нѣтъ, занятіе литературою для нея res publica, дѣло общественное, [illegible] [illegible]ное, источникъ высокаго нрав[illegible] [illegible]нія, живыхъ восторговъ. Не смотря на безконечное множество лицъ, составляющихъ публику, она сама есть нѣчто [illegible] живая личность, исторически развивавшаяся, съ извѣстнымъ направленіемъ, вкусомъ, взглядомъ на вещи. Потому, публика видитъ въ литературѣ свое, пло[illegible] плоти своей, кость отъ костей своихъ, а не что-нибудь чуждое, случайно наполнившее собою извѣстное число книгъ и журналовъ. Гдѣ есть публика, тамъ писатели выговариваютъ народное содержаніе, вытекающее изъ народнаго міросозерцанія, а публика, своимъ участіемъ, выраженіемъ своего восторга или неудовольствія, показываетъ, до какой степени [illegible]тъ или другой писатель достигъ, въ своемъ твореніи, этой высокой цѣли. Гдѣ есть публика, тамъ есть и общественное мнѣніе, опредѣленно произнесенное, есть родъ непосред-

ственной критики, которая отдѣляетъ пшеницу отъ плевелъ, награждаетъ истинное достоинство, наказываетъ жалкую бездарность, или дерзкое шарлатанство. Публика есть высшее судилище, высшій трибуналъ для литературы. Мы не будемъ говорить, есть-ли у насъ публика, или до какой степени она есть у насъ, но представимъ нѣсколько фактовъ, и старыхъ и новыхъ, по которымъ пусть всякій дѣлаетъ какое ему угодно заключеніе. У насъ былъ журналъ, старавшійся знакомить насъ съ современною Европою, распространявшій мысль о движеніи мысли по закону смѣненія стараго новымъ, объ отсталости и устарѣлости всего, что не слѣдитъ за успѣхами ума человѣческаго во времени. Вѣрный своему направленію, этотъ журналъ много пустилъ въ оборотъ дѣльныхъ понятій, много уничтожилъ незаслуженныхъ авторитетовъ, еще больше уничтожилъ залежавшихъ убѣжденій, литературныхъ предразсудковъ, убилъ на-повалъ вліяніе на нашу литературу французскаго псевдо-классицизма. Большое дѣло было имъ сдѣлано! Правда, его заслуга была отрицательная: онъ много уничтожалъ дурнаго, и ничего не утверждалъ хорошаго; его призваніе было — разрушать, а не созидать,

но если вы на мѣстѣ стараго, безобразнаго дома хотите выстроить новый и красивый — вамъ нельзя будетъ сдѣлать этого, если не сломаете стараго, а это трудъ немалый! И вотъ журналъ, о которомъ мы говоримъ, кончилъ свое дѣло вполнѣ, такъ—что ужъ сталъ повторять самого себя; не говоря ничего, началъ становиться самъ въ ряды отсталыхъ, благодаря быстрому ходу и движенію всего новаго. Наконецъ, онъ прекратился. Надо сказать, что публика наша оцѣнила его, отличивъ его отъ другихъ: онъ былъ исключительнымъ ея любимцемъ, и у него доходило иногда, какъ говорятъ, до 1,500, и никогда не бывало меньше 1,200 подписчиковъ въ то время, какъ его собратіи довольствовались и тремя-стами, а при шестистахъ подписчикахъ считали себя богачами и счастливцами.... Вдругъ на его мѣсто является другой журналъ, и, благодаря ловкой программѣ, оборотливости книгопродавца, и содѣйствію пріятельской газеты, пріобрѣтаетъ вдругъ около 5,000 подписчиковъ. Что-же?— всѣ думаютъ, что это будетъ журналъ съ мнѣніемъ, направленіемъ, что онъ пойдетъ дальше своего предшественника, будетъ высказывать что-нибудь положительное, будетъ зрѣлѣе, основательнѣе, глубже, словомъ:—нач-

нетъ съ того, на чемъ остановился его предшественникъ.... Ничего не бывало! Новый журналъ дебютировалъ слѣдующими глубоко философскими идеями: «Изящное не существуетъ само по себѣ, какъ абсолютная сущность, но есть понятіе относительное, которое основывается на личномъ ощущеніи всѣхъ и каждаго, и выражается формулою: это хорошо, потому-что мнѣ нравится, и это дурно, потому-что мнѣ не нравится». Вотъ что называется идти съ вѣкомъ наравнѣ! Вотъ истинный шагъ впередъ!... Но этимъ проказа не кончилась [illegible] журналъ простеръ несравненно далѣе свое [illegible] волитъ потѣшаться надъ публикою». Онъ вдругъ провозгласилъ, что прогрессъ человѣчества—вздоръ, что, слѣдовательно, исторія тоже—вздоръ; что разумъ—просто надуваетъ человѣчество; что знаніе невозможно, наука и ученье—ни къ чему не ведутъ; что историческіе романы Вальтеръ-Скотта—плодъ незаконнаго совокупленія исторіи съ поэзіею, и пр. и пр. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ мудрыхъ правилъ [illegible] журналъ поставилъ на одну доску великаго Гете съ господиномъ Кукольникомъ, упалъ передъ обоими ницъ на колѣни и, закрывъ глаза, въ восторгѣ началъ кричать: «Великій Гете! Великій Кукольникъ»! Это было слѣдано

емъ при разборѣ «Т[illegible]», произведенія г. Кукольника, отличающагося нѣсколькими довольно удачными стихами и теперь совершенно забытаго. Вмѣстѣ съ пр[illegible] Пушкина, Жуковскаго, князя Одоевскаго, этотъ журналъ началъ печатать повѣсти извѣстнаго рода веселаго содержанія, и стишки разныхъ господъ, неумѣвшихъ даже нанизывать рифмы. Не довольствуясь этимъ, онъ постоянно, съ какою-то систематическою разсѣянностію, сталъ преслѣдовать все, въ чемъ есть хотя сколько нибудь таланта, и покровительствовать всему, что отличалось бездарностію или посредственностію. И что же? публика тотчасъ увидѣла, что надъ нею «позволили потѣшаться», что ее «надуваютъ» за ея же деньги, и—перестала подписываться на этотъ журналъ?... Какъ бы не такъ! Несмотря на то, что съ обертки этого журнала, на другой же годъ его существованія, слетѣли всѣ блестящія имена, заманившія публику, несмотря на то, что всѣ литературныя знаменитости печатно отказались отъ участія въ изданіи,—публика русская продолжала восхищаться имъ около пяти лѣтъ, до тѣхъ-поръ, пока не заучила наизусть его милыхъ остротъ, и пока онъ не началъ, истощивъ весь запасъ своего ос-

[illegible]ия, повторять самого себя и колоть ее «раздирательными» остротами, за неимѣніемъ лучшихъ.... Вотъ вамъ и публика!... Публика прочла Державина, Крылова, Батюшкова, Жуковскаго, заучила наизустъ всего Пушкина, не говоря уже о Баратынскомъ, Козловѣ, Веневитиновѣ, Полежаевѣ, Языковѣ, Подолинскомъ и многихъ другихъ: надо было ожидать, что ея вниманіе можетъ обратить на себя только что-нибудь необыкновенное, а возбудить восторгъ только что-нибудь великое.... И что-же? она не только пришла въ восторгъ отъ умныхъ, но чуждыхъ вдохновенія и поэтической жизни драмъ довольно извѣстнаго въ журнальномъ мірѣ драматиста, но даже повѣрила кому-то, сказавшему ей, что г. NN.—великій поэтъ, выше и Жуковскаго и Пушкина!... Конечно, въ стихотвореніяхъ г. NN. проблескивали иногда искорки дарованія, но во-первыхъ, дарованія чисто внѣшняго, ограниченнаго, а во-вторыхъ, поэтическія искры его свѣтились сквозь глыбы дикихъ, изысканныхъ и безсмысленныхъ фразъ и образовъ,—и этимъ-ли талантомъ было посягать при Пушкинѣ!... Вотъ, съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ,—и стихи г. NN. не только не хвалятъ, даже и не бранятъ....

«Дѣти мы, дѣти! намъ надо еще не изли-

ныхъ созданій Рафаэля, а игрушекъ, съ яркими красными цвѣтами, съ блестящею позолотою!...

«Тамъ, гдѣ есть, продолжаетъ Бѣлинскій, публика, слова «литераторъ» и «критикъ» имѣютъ опредѣленное значеніе, и не присвоиваются себѣ всякимъ, кто только захочетъ, но приписываются только заслугѣ и достоинству. Тамъ нельзя провозгласить себя знаменитымъ писателемъ, оцѣнщикомъ языка и любимцемъ публики за нѣсколько жалкихъ сочиненій, въ которыхъ видна рутина и бездарность, и еще за постоянное двадцатипятилѣтнее маранье писчей и корректурной бумаги. Тамъ освистали-бы за громкое титло «критика», самовольно присвоиваемое человѣкомъ, который признается печатно, что не только не понимаетъ, почему Гете называютъ великимъ геніемъ, но даже почему почитаютъ его и просто поэтомъ, а не безталаннымъ писакою: — или который называетъ печатно плохимъ романомъ «Натъ-Пайндера» Купера, — это геніальное произведеніе, какимъ только ознаменовалась, послѣ Шекспира, творческая дѣятельность; — или который утверждаетъ, что «Каменный Гость», это высшее, художественнѣйшее созданіе Пушкина, замѣчательно только гладкими

стихамъ; или который силится увѣрить весь свѣтъ, что вся заслуга Пушкина, какъ поэта, состоитъ въ усовершенствованіи версификаціи и легкой, игривой формѣ, способной увлекать только легкомысленныхъ людей;—или который [illegible]читъ, что Гоголь—забавный писатель, вѣрно списывающій съ натуры, что его «Ревизоръ» рядъ—смѣшныхъ карикатуръ, а не комедія, проникнутая глубокимъ юморомъ и ужасающая своею вѣрностію дѣйствительности;—или который объявляетъ во всеуслышаніе, что «Горе отъ Ума», это благороднѣйшее созданіе геніальнаго человѣка, ниже «Недорослей» плохой комедіи г. Загоскина;—или который клянется, что Лермонтовъ пишетъ плохіе стихи;—или который утверждаетъ, что стихи годны только для сбытія вздорныхъ и нелѣпыхъ мыслей, которыя уважаются читателями только за форму, и что дѣльныя мысли должно беречь для прозы.... За подобный образъ мыслей, печатно выражаемый, всѣхъ этихъ quasi-критиковъ, или лучше сказать—критикановъ, публика—только будь она—отвергла бы. Гдѣ есть публика, тамъ не будутъ вѣрить человѣку, который собственными сочиненіями всего лучше показалъ и доказалъ, что его душа чужда поэзіи, что въ его натурѣ

не лежитъ никакого созерцанія поэзіи, какъ въ натурѣ глухаго не лежитъ никакого созерцанія музыки, а въ натурѣ слѣпаго—никакого созерцанія живописи. Еще менѣе станутъ вѣрить человѣку, который въ одно и тоже время, въ одной и той-же газетѣ пишетъ, объ одной и той-же книгѣ, объ одномъ и томъ-же авторѣ—и pro и contra, который, напримѣръ, въ одномъ нумерѣ [illegible] листка кричитъ, что драма его пріятеля—геніальное созданіе, достойное Шиллера, а черезъ два дня, въ той-же газетѣ, объявляетъ, чтобы касательно оной драмы сего сочинителя ему не вѣрили, ибо де онъ написалъ объ ея достоинствахъ, увлекаясь пумовствомъ и «camaraderie». Словомъ, гдѣ есть публика, — тамъ уже нѣтъ мѣста господамъ Выбойкиным, Пройдохиным, Грошичкиным, Задориным» (Т. IV, стр. 218—224)

«У насъ, заключалъ Бѣлинскій, смотрятъ на все на выворотъ, т.-е. задомъ на передъ; у насъ хотятъ читать для забавы, а не для умственнаго наслажденія, глазами, а не умомъ, требуютъ чего-нибудь легкаго и пустаго, а не такого, что вызывало-бы на размышленія, погружало-бы въ созерцаніе высшей идеальной жизни» (Т. IV, стр. 236

Изъ сказаннаго, думаемъ, не нужно дѣлать выводовъ, но не мѣшаетъ относительно патріотизма самого Бѣлинскаго замѣтить, что онъ прямо выражалъ всегда свою любовь къ русскому народу. «Знаете-ли, писалъ онъ къ редактору «Телескопа», почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! я душевно люблю православный русскій народъ и почитаю за честь и славу быть ничтожной пѣшкой въ его массѣ» (Т. II, стр. 14). Какой благородный, замѣтимъ, голосъ! Какое прямое признаніе! Если-же Бѣлинскій и трунилъ иногда надъ русскимъ человѣкомъ, то и этотъ фактъ прекрасно объяснилъ намъ онъ-же самъ. «Моя любовь, говоритъ онъ, сознательная, а не слѣпая. Можетъ-быть, великое очень понятнаго чувства, я не вижу пороковъ русскаго человѣка, но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть его странности и я не почитаю за грѣхъ пошутить, подъ веселый часъ, добродушно и незлобиво надъ его странностями, какъ всякій [illegible] не почитаетъ для себя за униженіе посмѣяться иногда надъ собственными своими недостатками» (тамъ-же). Позволяемъ надѣяться, что такой грѣхъ и строгіе моралисты не сочтутъ смертнымъ. Думаемъ также, что не будутъ они спорить и съ той мыслью Бѣлинскаго,

что патріоту нѣтъ нужды быть ангеломъ и имѣть всѣ добродѣтели. «Если можно, скажемъ его-же словами, быть превосходнымъ мужемъ и отцомъ, и въ то-же время вовсе не быть патріотомъ, то почему-же нельзя быть дурнымъ мужемъ и патріотомъ? Конечно гораздо лучше быть и хорошимъ мужемъ и патріотомъ вмѣстѣ, но люди прежде всего люди, что-бы ни говорили на этотъ счетъ дамы» (Т. X, стр. 45—46).

Если-бы послѣ всего сказаннаго мы попытствовали узнать взглядъ Бѣлинскаго на государство, на человѣческое общество, на народъ,—онъ сказалъ-бы намъ, что все это никакъ не есть искусственная машина, механически движущаяся, но живое тѣло, кровь и плоть, одушевляемыя духомъ. (Т. III, стр. 242). Государство, говоритъ онъ, есть высшій моментъ общественной жизни и ея высшая и единая разумная форма. Только ставши членомъ государства, человѣкъ перестаетъ быть рабомъ природы, но дѣлается ея повелителемъ и, только какъ членъ государства, является онъ существомъ истинно-разумнымъ. Государство, продолжаетъ онъ, есть разумное, а потому и священное явленіе, что его начало скрывается въ естественномъ се-

мейномъ родствѣ людей, перешедшемъ потомъ въ родство племенное, а наконецъ въ народное» (стр. 214). Имѣя же такое понятіе о государствѣ и обществѣ, не мѣшаетъ уже спросить и о томъ, въ какое отношеніе между собой ставятъ Бѣлинскій членовъ этого священнаго союза? Что онъ требуетъ отъ каждаго изъ нихъ по отношенію къ другимъ? Чѣмъ онъ думаетъ соединить ихъ между собою?

Каждый человѣкъ самъ по себѣ личность. Какъ личность, какъ особность, каждый потому имѣетъ право считать цѣлью жизни себя самого и, стремясь къ своему удовлетворенію, могъ-бы, казалось, считать другія личности враждебными себѣ. На такомъ соображеніи въ жизни дѣйствительно и останавливаются многіе и полагаютъ его въ основаніе всѣхъ своихъ дѣйствій. Таково начало эгоизма, этого холоднаго, безжалостнаго отверженія всякой просьбы, всякой мольбы ближняго, презрѣнія къ нуждамъ его, и знанья только себя и своихъ выгодъ. Было бы самому хорошо, говоритъ эгоизмъ, а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла; они сами должны заботиться о себѣ. Давая ближнему, разсуждаетъ тотъ-же эгоизмъ, я отнимаю и обижаю себя, а я созданъ для того, чтобы быть счастливымъ. И какъ ка-

залось-бы при такомъ началѣ соединить людей? Можетъ-ли быть здѣсь для нихъ что нибудь общее? Тяни каждый въ свою сторону, думай о себѣ, жми ближняго, набивай свой карманъ,—вотъ правило, которому оставалось-бы слѣдовать людямъ; но ктожъ не согласится и съ тѣмъ, что если-бы въ основу жизни общества положить такое начало, тогда міръ сдѣлался [illegible] площадью страшнаго зла и преступленій, и люди стали бы ниже животныхъ. Чѣмъ-же и какъ установить между людьми отношенія добрыя и благопріятныя для развитія общественной жизни? Чѣмъ сгладить этотъ эгоизмъ и заставить человѣка подумать и о пользѣ другаго? Бѣлинскій указываетъ здѣсь прекрасный путь къ выходу изъ борьбы, которая такъ необходимо рождается изъ сознанія человѣкомъ его личности и права на удовлетвореніе своихъ желаній съ одной стороны, и изъ сознанія могущаго произойти отсюда зла для собратій—съ другой. Именно—каждому изъ насъ нужно только подумать о томъ, что если онъ желаетъ себѣ счастія, какъ особность, то и каждый другой въ свою очередь такая-же особность, и какъ особность имѣетъ такое-же право на личное удовлетвореніе. И вотъ здѣсь-то разумъ говоритъ, что если мы

требуемъ отъ другихъ уступокъ, то и они вправѣ требовать отъ насъ такихъ-же уступокъ. Отсюда-то, по ученію Бѣлинскаго и вытекаетъ законъ любви, которая есть чувственный, такъ сказать, разумъ или безсознательная разумность, а изъ закона любви вытекаетъ законъ нравственный, который сознается изъ столкновенія субъективнаго внутренняго міра человѣка съ внѣшнимъ (объективнымъ) міромъ (Т. III, стр. 226). Стоитъ только каждому поразсудить, поприслушаться къ внутреннему голосу, и онъ увидитъ, что если онъ съ одной стороны личность, то съ другой очъ— и такая особность, что если-бы другіе сами захотѣли отрѣшиться отъ него, сдѣлать его свободнымъ отъ нихъ, то онъ потерялъ-бы всякое значеніе въ собственныхъ глазахъ, очугился-бы въ собственныхъ глазахъ призракомъ безъ почвы, на которую уперлась-бы его нога, безъ воздуха, которымъ-бы освѣжилась его грудь, безъ имени, которымъ-бы онъ обозначилъ себя въ нѣмой бесѣдѣ съ самимъ собою (стр. 229). И это понятно; человѣкъ постоянно нуждается въ помощи другихъ и только при усиліи ихъ можетъ произвести что-нибудь. И вотъ отсюда само собой уже вытекаетъ отношеніе каждаго члена общества къ

другимъ: онъ долженъ жить въ ладу съ ними, заботиться о связи съ ними, наблюдать общіе интересы, короче: думать о пользахъ общества. «Горе-же тѣмъ, замѣчаетъ Бѣлинскій, которые ссорятся съ обществомъ, чтобы никогда не примириться съ нимъ: общество есть высшая дѣйствительность, а дѣйствительность или требуетъ полнаго мира съ собою, полнаго признанія себя со стороны человѣка, или сокрушаетъ человѣка подъ свинцовою тяжестью своей исполинской длани. Кто отторгся отъ нея безъ примиренія, тотъ дѣлается призракомъ, кажущимся «ничто» и погибаетъ». Въ доказательство этого онъ указываетъ на Алеко Пушкина. «Алеко поссорился съ обществомъ и думалъ навсегда избавиться отъ него, приставъ къ бродячей толпѣ дѣтей природы и вольности, но общество и тамъ нашло его и страшно отомстило ему за себя черезъ него же самого. Такъ-[illegible] не смотря на всѣ его мудрованія, оно жило въ немъ безсознательно и кровно, то онъ вздумалъ, вопреки своимъ понятіямъ, наложить на полудикихъ дѣтей природы тѣ-же самыя стѣснительныя условія общественности, противъ которыхъ самъ возставалъ, и два трупа лежали передъ нимъ, какъ необходимые результаты его ложнаго положе-

нія въ отношеніи къ самому себѣ и навсегда унесли съ собою въ могилу всякую надежду его на счастіе и миръ души въ этой жизни» (стр. 229—230). Это впрочемъ не то значитъ, чтобы, живя въ обществѣ и входя въ связь съ нимъ, человѣкъ тѣмъ самымъ уже какъ-бы обязывался убивать свою личность и становиться чѣмъ-то безличнымъ. Если личность не должна забывать, что для нея есть государство, то и государство не должно презирать личностью. На этотъ счетъ у Бѣлинскаго есть прекрасное выраженіе. «Личность внѣ народа, говоритъ онъ, есть призракъ, но и народъ внѣ личности есть тоже призракъ. Одно условливается другимъ. Народъ—почва, хранящая жизненные соки всякаго развитія; личность—цвѣтъ и плодъ этой почвы. Развитіе всегда и вездѣ совершалось черезъ личности, и потому-то исторія всякаго народа такъ похожа на рядъ біографій нѣсколькихъ лицъ. Исторія, замѣчаетъ далѣе авторъ, показываетъ, какъ часто случалось, что одинъ человѣкъ видѣлъ дальше и понималъ лучше всего народа то, что нужно было народу, одинъ боролся съ нимъ и побѣждалъ его сопротивленіе и самимъ народомъ причислялся потомъ за это къ числу его героевъ. Бывали и такіе народы, которые не стояли одного че-

ловѣка, по-крайней мѣрѣ для насъ вымышленный или истинный Анахарсисъ гораздо лучше всѣхъ скиновъ, его недостойныхъ соотечественниковъ» (Т. XI, стр. 457). Вообще же отношеніе личности къ обществу, — то отношеніе, гдѣ-бы возможно было ихъ примиреніе, а не какое-нибудь насиліе, Бѣлинскій выражаетъ такъ: «знаніе, говоритъ онъ, искусство, гражданская дѣятельность—все это составляетъ для современнаго человѣка ту сторону жизни, которая должна быть только въ живой органической связи съ стороною романтики или внутренняго задушевнаго міра человѣка, но не замѣняться ею. Если человѣкъ захочетъ жить только сердцемъ, во имя одной любви и въ женщинѣ найдти цѣль и весь смыслъ жизни,— онъ непремѣнно дойдетъ до результата, самаго противоположнаго любви, т.-е. до самого холоднаго эгоизма, который живетъ только для себя и все относитъ къ себѣ. Если, напримѣръ, человѣкъ, презрѣвъ жизнью сердца, захотѣлъ-бы весь отдаться интересамъ общимъ, — онъ или не избѣжалъ-бы тайной тоски, и чувства внутренней неполноты и пустоты, или если бы не почувствовалъ ихъ, то внесъ-бы въ міръ высокой дѣятельности сухое и холодное сердце, при которомъ не бываетъ у человѣка ни вы-

сокихъ помысловъ, ни плодотворной дѣятельности. Итакъ эгоизмъ и ограниченность — неполнота — въ обѣихъ этихъ крайностяхъ очевидно, что только изъ гармоническаго сопряженія ихъ одной другой выходитъ возможность полнаго удовлетворенія, а слѣдовательно и возможность свойственнаго и присущаго душѣ человѣка счастія, основанія его не на случайномъ берегу случайности, а на прочномъ фундаментѣ сознанія. По отношенію мы гораздо ближе къ жизни древнихъ, чѣмъ къ жизни среднихъ вѣковъ, и гораздо выше тѣхъ и другихъ. Но въ нашемъ идеалѣ общество не угнетаетъ человѣка и чтитъ естественныхъ стремленій его сердца, а сердце не отрываетъ его отъ жизни общественности. Это не значитъ, чтобы общество позволяло человѣку между-прочимъ и любить, но это значитъ, что уже нѣтъ, или по-крайней-мѣрѣ не должно быть борьбы между сердечными стремленіями и общественнымъ устройствомъ, примиренными разумно и свободно. (Т. VIII, стр. 171 — 172).

Отелло — же самъ — собой становится понятна и та мысль Бѣлинскаго, что «у человѣка — двѣ жизни, изъ которыхъ каждая попеременно овладѣваетъ имъ, которыя борятся

[illegible]у собой, но и въ этой борьбѣ его жизнь» (Т. III, стр. 232). Отсюда-же само-соб[illegible] становится ясно затѣмъ и понятіе Бѣлинскаго объ обществѣ. «О[illegible]ство, говор[illegible] онъ, сла[illegible]ется изъ множества людей, и у каждаго [illegible]ъ нихъ свой горизонтъ понятій, св[illegible] сфера [illegible]ли, свой кругъ дѣйствія, нак[illegible]цъ, [illegible]й [illegible]й и свой объективный міръ. Одинъ больше частное явленіе, т.-е. больше принадлежитъ себѣ: другой больше общ[illegible] [illegible]-е. больше сливается съ ин[illegible] [illegible]ивными, выходящими изъ с[illegible] частной жизни; но каждый раздѣленъ между [illegible]бою и обществомъ, и каждый с[illegible]ъ съ обществомъ, т.-е. находитъ себя въ обще[illegible]твѣ. Иной, по ограниченности своей натуры, даже не понимаетъ слова «отечество», но если онъ вписанъ въ сословіе, въ цѣхъ — у него уже есть свой объективный міръ. Вотъ откуда истекаетъ живое единство общественной организаціи, которой безчисленные и разнообраз[illegible] нервы, проходя взадъ и впередъ и перепутываясь въ тѣлѣ, сходятся въ одномъ пунктѣ и образуютъ собою органъ сознанія — единаго личнаго *я*. Каждый изъ членовъ общества имѣетъ свою исторію жизни, а общество имѣетъ свою, и еще гораздо послѣдовательнѣйшую,

гораздо полнѣйшую, разумнѣйшую и понятнѣйшую. Какъ единый человѣкъ, оно переходитъ всѣ моменты развитія: начавъ бытіе свое безсознательно и довременно, вдругъ пробуждается для сознанія, но для сознанія еще естественнаго, непосредственнаго; наконецъ наступаетъ для него эпоха выхода изъ естественной непосредственности; оно отрицаетъ родство крови и плоти во имя родства духа, чтобы потомъ черезъ духъ снова признать родство крови и плоти, но уже просвѣтленное духомъ — свѣтомъ божественной мысли. Какъ у единаго человѣка, у него бываютъ болѣзни, и фазы болѣзней, и переходъ въ здоровое состояніе. Словомъ: это живая, единичная личность, огромное тѣло, съ безчисленнымъ множествомъ головъ, но единою душою, единымъ индивидуальнымъ *я*. И никогда это единство не бываетъ такъ поразительно, какъ въ тѣхъ грустно или радостно торжественныхъ его положеніяхъ, когда или рѣшается вопросъ о его жизни и смерти, или общая радость заставляетъ сильно биться его исполинское сердце. Все въ немъ усыплено въ какомъ-то дремотномъ спокойствіи, все такъ обыкновенно и ежедневно: судья ходитъ въ судъ, чтобъ брать жалованье и жить имъ, воинъ исполняетъ свои обязан-

ности, какъ долгъ службы, составляющій условіе его обезпеченія, купецъ думаетъ о барышахъ, словомъ — все занято собою: кто родится, кто умираетъ, кто женится, кто разводится, и всякій—Иванъ да Петръ, Сидоръ да Лука. Но вотъ буря внеземеннаго нашествія проносится по усыпленному народу и разражается громомъ и молніею надъ его безпечною головою— и нѣтъ больше людей: является народъ, нѣтъ больше личныхъ и частныхъ интересовъ: все дума объ отечествѣ, пестрыя толпы слились въ одну общую массу, во главѣ которой явлется царь. И тѣ, которые удивляли насъ своею мелкостію и пошлостію, оскорбляли бездушіемъ, тѣ часто поражаютъ насъ и львиною храбростію, и благородствомъ поступковъ, и великодушною готовностію принести себя на жертву за общее дѣло, даже не думая, чтобы ихъ жертва имѣла какую-нибудь цѣну» (стр. 232 — 234 .

Такъ смотритъ Бѣлинскій на общество, такъ опредѣляетъ онъ отношеніе къ нему личности и особности; вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій вѣритъ и въ постоянное усовершенствованіе общества и, всматриваясь въ жизнь его, не только не видитъ вреда, но находитъ положительную пользу въ томъ, если въ обществѣ при-

дется въ извѣстную эпоху встрѣтить духъ отрицанія или отрицателей. Такъ замѣтивъ, что для Россіи наступаетъ эпоха сознанія и многіе не слыша новыхъ сужденій о Пушкинѣ и сомнѣваясь въ справедливости давно высказанныхъ и устарѣвшихъ, сомнѣваются и въ поэтическомъ величіи Пушкина, — Бѣлинскій продолжаетъ: «но это явленіе отрадно: оно выражаетъ потребность самостоятельной мыслительности, потребность истины, которая прежде и выше всего, даже самого Пушкина. Amicus Plato, sed magis amica veritas—премудрое изреченіе! Что истинно велико, то всегда устоитъ противъ сомнѣнія, и не падетъ, не умалится и не затмится, но еще болѣе укрѣпится, возвеличится и просвѣтится отъ сомнѣнія и отрицанія, которыя суть первые шаги ко всякой истинѣ, исходный пунктъ всякой мудрости. Сомнѣнія и отрицанія боятся одна ложь, какъ боятся воды поддѣльные цвѣты и неблагородные металлы. Мы не разъ уже повторяли эту истину, говоря о людяхъ, отрицающихъ великость Пушкина, какъ поэта. Мы думаемъ діаметрально противоположно съ такими людьми; но если ихъ мнѣніе выходитъ не изъ какихъ-нибудь внѣшнихъ и предосудительныхъ причинъ, мы готовы съ ними

спорить ради истины, и увѣрены, что только черезъ такіе споры явится истина и войдетъ въ общее сознаніе, сдѣлается общимъ убѣжденіемъ. Тѣмъ болѣе мы далеки отъ-того, чтобъ смотрѣть на такихъ людей, какъ на раскольниковъ, на искателей истины, оскорбляющихъ память великаго поэта и чувство національной гордости. Скажемъ болѣе: мы понимаемъ, что могутъ быть и такіе отрицатели генія Пушкина, которые въ тысячу разъ достойнѣе уваженія многихъ безусловныхъ почитателей славы великаго поэта, повторяющихъ чужія слова. Явленіе такихъ отрицателей обнаруживаетъ не холодность общества къ истинѣ, но скорѣе раждающуюся любовь къ ней; ибо безусловное признаніе чего-нибудь безъ разсужденія, безъ повѣрки разумомъ, скорѣе, чѣмъ сомнѣніе и отрицаніе, есть признакъ апатическаго равнодушія общества къ дѣлу истины. Нѣтъ, явленіе такихъ отрицателей въ молодомъ обществѣ есть признакъ раждающейся мыслительной жизни. Въ безусловномъ уваженіи къ авторитетамъ и именамъ иногда дѣйствительно выражается и любовь и жизнь, но любовь и жизнь безсознательная, простодушная, дѣтская. Смѣшно же требовать, или желать, чтобъ общество неподвижно оставалось

въ состояніи дѣтства, когда этого не требуютъ и не желаютъ отъ человѣка; а если онъ, вопреки законамъ развитія, остается навѣкъ ребенкомъ, то презираютъ его, какъ идіота. Говорятъ, что сомнѣніе подрываетъ истину: ложная, нелѣпая мысль! Если истина такъ слаба и безсильна, что можетъ держаться не сама собою, но охранительными кордонами и карантинами противъ сомнѣнія, то почему же она истина, и чѣмъ же она лучше и выше лжи, и кто же станетъ ей вѣрить? Говорятъ: отрицаніе убиваетъ вѣрованіе. Нѣтъ, не убиваетъ, а очищаетъ его. Правда, сомнѣніе и отрицаніе бываютъ вѣрными признаками нравственной смерти цѣлыхъ народовъ; но какихъ народовъ? — устарѣвшихъ, изжившихъ всю жизнь свою, существующихъ только механически, какъ живые трупы, подобно византійцамъ или китайцамъ. И можетъ-ли это относиться къ русскому народу, столь юному, свѣжему и дѣственному, столь могущему родовыми, первосущными стихіями своей жизни, —народу, который съ небольшимъ во сто лѣтъ своей новой жизни, воззванный къ ней творящимъ глаголомъ царя-исполина, проявилъ себя и въ великихъ властителяхъ, и въ великихъ государственныхъ людяхъ, и въ вели-

кихъ поэтахъ; народъ, который, во [illegible] своей новой жизни уже составилъ себѣ [illegible]кое прошедшее, «полный гордаго довѣрія покой» въ настоящемъ, по выраженію поэта, и котораго ожидаетъ еще болѣе великое, болѣе славное будущее? Нѣтъ, мы унизили-бы свое національное достоинство, еслибъ стали бояться духовной гимнастики, которая во вредъ только хилымъ членамъ одряхлѣвшаго общества, но которая въ крѣпость и силу молодому обществу, полному здоровья и рвенія! Жизнь проявляется въ сознаніи, а безъ сомнѣнія нѣтъ сознанія, такъ же, какъ для дѣла безъ движенія невозможно отправленіе органическихъ процессовъ и жизненнаго развитія. У души, какъ и у тѣла, есть своя гимнастика, безъ которой душа чахнетъ, впадая въ апатію бездѣйствія».

По сужденію Бѣлинскаго «борьба есть условіе жизни; жизнь умираетъ, когда оканчивается борьба. Субъективный человѣкъ въ вѣчной борьбѣ съ объективнымъ міромъ и слѣдовательно съ обществомъ, но въ борьбѣ не въ смыслѣ возстанія, а въ смыслѣ своего безпрестаннаго стремленія то въ ту, то въ другую сторону» (Т. III стр. 230). Необходимо въ жизни человѣка, а отсюда и въ жизни

бщества [illegible] тія человѣка,—какъ очень основательно разсуждаетъ Бѣлинскій,—моментъ отрицанія необходимъ, потому-что кто никогда не ссорился съ истиною, у того и миръ съ нею не очень прочекъ, но это отрицаніе должно быть именно только моментомъ, а не цѣлою жизнью: ссора не можетъ быть цѣлію себѣ самой, но имѣетъ цѣлію примиреніе. Всякій духовный процессъ [illegible]ршается съ болью и страданіемъ, и столкновеніе субъективной личности человѣка съ объективнымъ міромъ сперва необ[illegible] [illegible]тся, какъ борьба и страданіе. И [illegible] [illegible] покупается дорогою цѣною, и благо тому, кто цѣною страданія пріобрѣтаетъ истину, которая одна даетъ блаженство, его-же ржа не тлитъ и тать не похищаетъ» (стр. [illegible]).

Признавая такимъ-образомъ отрицаніе за необходимый моментъ развитія общества, Бѣлинскій не видитъ бѣды и въ томъ, если кто-нибудь изъ членовъ общества вздумаетъ указать на недостатки его жизни, обличать пороки его. Отсюда, по его мнѣнію, кромѣ добра не можетъ выйти ничего, только-бы, разумѣется, это обличеніе было основательно, дышало правдой и дѣйствительнымъ желаніемъ добра, а не проистекало изъ нахальнаго зу-

боскальства. Такъ обративъ вниманіе на обвиненіе Гоголя въ томъ, что будто лица, выводимыя имъ въ своихъ сочиненіяхъ, оскорбляютъ общество. Бѣлинскій замѣчаетъ въ опроверженіе: «подобное обвиненіе болѣе всего [illegible]аетъ незрѣлость нашего общественнаго образованія. Въ странахъ, опередившихъ насъ развитіемъ цѣлыхъ вѣковъ, и понятія не имѣютъ о в[illegible]жности подобнаго обвиненія. Никто не скажетъ, чтобы англичане не были ревнивы къ своей національной чести, напротивъ едва ли есть другой какой народъ, въ которомъ національный эгоизмъ доходилъ-бы до такихъ крайностей, какъ у англичанъ. А между-тѣмъ они любятъ своего Гогарта, который изображалъ только пороки, развратъ, злоупотребленіе и пошлость англійскаго общества того времени. И ни одинъ англичанинъ не скажетъ, что Гогартъ оклеветалъ Англію, что онъ не видѣлъ и не признавалъ въ ней ничего человѣческаго, благороднаго, возвышеннаго и прекраснаго. Англичане понимаютъ, что талантъ имѣетъ полное и святое право быть одностороннимъ, и что онъ можетъ быть великимъ въ самой односторонности. Съ другой стороны они такъ глубоко чувствуютъ и сознаютъ свое національное величіе, что нисколь-

ко не боятся, чтобы ему могло повредить обнародованіе недостатковъ и темныхъ сторонъ англійскаго общества.... Чѣмъ сильнѣе народъ, продолжаетъ Бѣлинскій, чѣмъ выше онъ нравственно, тѣмъ смѣлѣе онъ смотритъ на свои слабые стороны и недостатки. Народъ слабый, ничтожный или состарѣвшійся, изжившій всю свою жизнь до невозможности итти впередъ, любитъ только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны; онъ знаетъ, что онѣ смертельны, что его дѣйствительность не представляетъ ему ничего отраднаго, и что только въ обманѣ самого себя онъ можетъ находить тѣ ложныя утѣшенія, по которымъ такъ падки дряхлые и слабые. Таковы, напримѣръ, китайцы и персіяне; послушать ихъ, такъ лучше ихъ нѣтъ народа въ мірѣ и всѣ другіе народы передъ ними—ослы и негодяи. Не таковъ долженъ быть великій народъ, полный силъ и жизни; сознаніе своихъ недостатковъ, вмѣсто того, чтобы приводить его въ отчаяніе и повергать въ сомнѣніе о своихъ силахъ, даетъ ему новыя силы, окрыляетъ на новую дѣятельность» (Т. XI, стр. 236—237). Эту мысль Бѣлинскій еще ясней и досказательнѣй высказываетъ въ другомъ мѣстѣ.... «Общество, разсуждаетъ онъ,

не то, что частный человѣкъ; человѣка можно оскорбить, можно оклеветать, общество-же выше оскорбленій и клеветы. Если вы невѣрно изобразили его, если вы придали ему пороки и недостатки, которыхъ въ немъ нѣтъ,— вамъ-же хуже, васъ не станутъ читать и ваши сочиненія возбудятъ смѣхъ, какъ неудачныя каррикатуры. Указать-же на истинный недостатокъ общества значитъ оказать ему услугу, значитъ избавить его отъ недостатка. А можно-ли за это сердиться»? (Т. VIII, стр. 67)

Здѣсь не мѣшаетъ остановить вниманіе и на взглядѣ Бѣлинскаго на борьбу стараго и новаго поколѣнія. Взглядъ этотъ необыкновенно вѣренъ и мѣтокъ, чтобы можно было пройдти его безъ указаній. Изъ прямо и ясно опредѣляется не одно то, откуда эта борьба, но и то, къ какой сторонѣ слѣдуетъ пристать и на какой изъ нихъ болѣе правды, и у которой болѣе силы. «Давно, говоритъ Бѣлинскій, извѣстная истина: «ничто не ново подъ луною»—ничѣмъ такъ не подтверждается, какъ страстію стариковъ хвалить все старое и бранить все новое и страстію молодыхъ—восхищаться всѣмъ новымъ и смѣяться надъ всѣмъ старымъ. Эта страсть современна міру и человѣчеству; она всегда была и всегда будетъ,

потому-что она въ натурѣ человѣка, потому-что она естественна, какъ наклонность больныхъ и несчастныхъ все видѣть въ мрачномъ свѣтѣ, и наклонность здоровыхъ и счастливыхъ все видѣть въ радужномъ свѣтѣ. Старость стоитъ болѣзни и несчастія, такъ-же какъ молодость стоитъ здоровья и счастія; по-крайней-мѣрѣ, по большей части и только за рѣдкими исключеніями, старость и несчастіе, молодость и счастіе — синонимы. Каждый человѣкъ — больше или меньше эгоистъ по своей натурѣ: обо всемъ, что до него касается, и обо всемъ, что до него не касается, онъ судитъ по отношенію къ самому себѣ. Здоровый—онъ, видя больныхъ, какъ будто удивляется, что можно быть больнымъ; счастливый—онъ какъ будто думаетъ, что всѣ должны быть счастливы; больной—онъ оскорбляется видомъ здоровья; несчастный—онъ готовъ видѣть насмѣшку надъ собою во всемъ, что дышетъ счастіемъ.... Молодость есть лучшее время жизни каждаго человѣка, такъ-же какъ старость—худшее: это аксіома. Ни обольщенія суетнаго и мелкаго честолюбія, ни приманки блестящихъ почестей, ни богатство, ни роскошь въ старости — ничто не замѣнитъ мечтаній, надеждъ, упоеній и даже горестей страстной,

живой, увлекающейся, гордой собою, сильной и отважной юности! Удивительно-ли, что все хорошее старики относятъ къ своему времени? Эгоисты по неволѣ, они думаютъ, что для всѣхъ должно казаться прекраснымъ только то, что было дѣйствительно прекрасно для нихъ, что всѣхъ должно тѣшить и обманывать только то, что тѣшило и обманывало ихъ. — какъ будто-бы міръ ими начался, ими и долженъ кончиться, какъ-будто-бы молодыя поколѣнія обязаны жить ихъ жизнію, видѣть ихъ глазами, понимать ихъ умомъ, и этимъ самымъ сознаться, что напрасно природа дала имъ и глаза и умъ, и напрасно призваны они къ жизни! Когда-же старцы замѣчаютъ наконецъ, что у молодыхъ поколѣній есть свои глаза и свой умъ, свои радости и свои горести, свои понятія и свои убѣжденія, которыя не совсѣмъ похожи, а иногда и вовсе непохожи, на радости и горести, на понятія и убѣжденія ихъ, старцевъ, тогда они видятъ въ людяхъ молодаго поколѣнія апостатовъ, еретиковъ, чуть-чуть не бунтовщиковъ. И тогда-то градомъ сыплются на молодыя поколѣнія упреки въ безнравственности, въ вольнодумствѣ, въ самонадѣянности; плюха старческой морали грозитъ ослушникамъ, безпрестанно выпадая изъ слабыхъ рукъ, ре-

кою льются изъ дрожащихъ устъ старческія поученія, прерываемыя кашлемъ и.... плевкомъ новыхъ поколѣній.... Съ своей стороны, новыя поколѣнія бываютъ подвержены своей слабости — видѣть все прекрасное, умное, достойное удивленія только въ новомъ и современномъ, ожидать чудесъ только отъ будущаго, а на старое и прошедшее смотрѣть съ равнодушіемъ и даже съ насмѣшкою. Но, видно, объ эти крайности равно неизбѣжны; однакожь, нельзя не согласиться, что гораздо больше справедливости на сторонѣ молодыхъ поколѣній, даже и тогда, когда они явно несправедливы,—потому-что самый духъ жизни, ведущій человѣчество, всегда на сторонѣ новаго противъ стараго; потому-что безъ этого исключительнаго, односторонняго стремленія всегда къ новому, всегда къ будущему, не было-бы никакого движенія, никакого хода впередъ, не было-бы прогресса, исторіи, жизни, и человѣчество превратилось-бы въ огромное стадо дикихъ животныхъ. Для того и не вѣченъ человѣкъ, для того и долженъ онъ старѣть и умирать, для того и смѣняется одно поколѣніе другимъ,—словомъ, люди умираютъ для того, чтобъ жило человѣчество. Смерть есть великое орудіе, великая опора жизни. .. У новыхъ по-

колѣній бываютъ вожди, которые ведутъ ихъ по пути развитія; но самодѣятельная сила развитія до того присуща самой натурѣ человѣка, что развитіе обществъ совершается даже [illegible] тогда, когда не является новыхъ вождей. Это дѣлается очень просто: Богъ знаетъ какъ и почему, но только у новаго поколѣнія являются новые вкусы, наклонности, понятія, какихъ не было у стараго, хотя это старое поколѣніе, воспитывая новое, больше всего старалось сдѣлать его похожимъ на себя, какъ двѣ капли воды.... Этотъ родъ прогресса самый прочный и несокрушимый и неодолимый: противъ него нѣтъ никакихъ мѣръ; въ отношеніи к старымъ поколѣніямъ, онъ—врагъ тѣмъ болѣе страшный, что невидимъ, на него нельзя указать, его нельзя разить; онъ не лицо, не образъ: онъ—духъ, онъ въ воздухѣ, въ водѣ, въ пищѣ; ему равно служатъ и тѣ, которые любятъ его, и тѣ, которые ненавидятъ; для него все средство къ успѣху, — даже моды на платья, на мебель.... потому-что у китайцевъ не существуетъ даже моль, но за то у китайцевъ нѣтъ молодыхъ поколѣній: каждый человѣкъ дѣлается тамъ старикомъ, лишь только успѣетъ родиться.... Самолюбіе играетъ большую (и чуть-ли даже не главную) роль въ

ерасположеніи стариковъ по всему новому. Видя, что все на свѣтѣ идетъ и дѣлается не такъ, какъ-бы имъ хотѣлось, не такъ, какъ все шло и дѣлалось въ ихъ время, старики обижаются и говорятъ юношамъ: «что-же, мы глупѣе васъ, а вы умнѣе насъ? развѣ мы затѣмъ прожили вѣкъ свой, набирались уму-разуму, богатѣли мудрою опытностью, чтобъ на старости лѣтъ неопытные мальчики вздумали учить насъ»? Люди молодаго поколѣнія должны были-бы отвѣчать на это старикамъ: «каждый изъ насъ, отдѣльно взятый, можетъ быть менѣе опытенъ и мудръ, нежели каждый изъ васъ отдѣльно взятый; но наше молодое поколѣніе и опытнѣе: и мудрѣе вашего, потому-что оно старше вашего и къ вашей опытности приложило свою собственную». Но, къ сожалѣнію, молодые люди такъ-же имѣютъ свои молодые слабости, и недостатки, какъ старые люди имѣютъ свои старые слабости и недостатки, и почти каждый юноша готовъ смотрѣть на старика какъ на ребенка, а на себя какъ на взрослаго человѣка, не понимая, что вся его заслуга и все преимущество передъ старикомъ состоитъ только въ томъ, что онъ позже его родился, и что это вѣдь совсѣмъ не заслуга.... Итакъ, было-бы несправедливо утверждать, что стари-

ки всегда неправы въ отношеніи къ молодымъ, а молодые всегда правы въ отношеніи къ старикамъ. Но борьба между ими не прекращается ни на минуту, и одно время рѣшаетъ безъ апелляція, кто правъ, кто виноватъ, хотя немногіе доживаютъ до рѣшенія своей тяжбы, и старики по большой части умираютъ съ убѣжденіемъ, что они правы, что ихъ тяжба выиграна, и что горе новому поколѣнію, которое пошло своею новою дорогою». (Т. X, стр. 47—50). Такъ пристрастіе къ чему-бы то ни было, въ глазахъ Бѣлинскаго, одинаково вредно. «Къ чему-бы оно ни прилѣпилось — къ старинѣ или къ новизнѣ—всегда мѣшаетъ достиженію цѣли, потому-что невольно вводитъ въ ложь человѣка самаго страстнаго къ истинѣ и дѣйствующаго по самому благородному убѣжденію» (Т. VII, стр. 60). Притомъ тѣмъ, которые такъ любятъ, въ укоризну своимъ соотечественникамъ, указывать на другіе народы, и выставлять ихъ верхомъ совершенства, не мѣшаетъ замѣтить слѣдующую очень разумную мысль Бѣлинскаго: «Люди вездѣ люди; ни одинъ народъ не хуже другаго, вездѣ есть злоупотребленія, пороки, странности, противорѣчія словъ съ дѣлами и дѣлъ съ словами, нравственныхъ понятій съ истинною нравственностью. Вся разница въ

рмахъ и отношеніяхъ. У насъ проситель иногда заходитъ съ задняго крыльца къ своему судьѣ съ секретными доказательствами правоты своего дѣла; въ Англіи и Франціи, кандидаты на разныя выборныя должности низкими интригами и подкупами располагаютъ избирателей въ свою пользу. И тутъ и тамъ — богатая жатва для наблюдательнаго живописца общества. Здѣсь опять могутъ намъ сказать, что нечего и хлопотать по пустому, не изъ чего и раздражать того и другаго, третьяго и четвертаго, если люди всегда были люди и всегда будутъ ими. Да, люди всегда будутъ людьми — прежніе не лучше и не хуже нынѣшнихъ, нынѣшніе не лучше и не хуже прежнихъ: но общество улучшается и на его улучшеніи основанъ законъ развитія цѣлаго человѣчества. Было время, продолжаетъ Бѣлинскій, когда даже истинно добрые, благородные и умные люди были убѣждены въ существованіи чернокнижія, и съ ревностью, одушевляемые желаніемъ общаго блага, жгли чернокнижниковъ; теперь и злые, и глупые, и невѣжественные люди уже не вѣрятъ чернокнижію и чужды желанія жечь живыхъ людей даже и за дѣйствительныя преступленія. Что это значитъ? — то, что люди и теперь оста-

лись тѣми-же, какими были, а общество улучшилось. Во всѣ вѣка бывали мудрые и благіе законодатели, но только въ XVIII вѣкѣ могли огласить міръ взрѣченныя съ трона божественныя слова: «лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго.» Что это значитъ, если не то, что люди все тѣ-же, а общество улучшается?... Современники благословляли въ Россіи вѣкъ Екатерины Великой; мы, ихъ потомки, подтвердили правдивость этого благословенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ свои причины быть гордыми и счастливыми, что живемъ въ настоящее, а не въ другое какое-нибудь время.. Что это значитъ, если опять не тоже, что люди и теперь тѣ-же, а общество ушло далеко впередъ?...» (Т. VIII стр. 66 — 67). И вотъ отсюда у Бѣлинскаго вытекаетъ то высокое значеніе, какое онъ придавалъ книгопечатанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль литературы. Развитіе общества онъ находитъ возможнымъ лишь тогда, когда «литература будетъ не забавой праздныхъ бездѣлья, а сознаніемъ общества, когда она будетъ заниматься не стишками, да сказочками, гдѣ влюблялись да женились, а будетъ вѣрнымъ зеркаломъ общества и не только вѣрнымъ отпѣчкомъ обще-

ственнаго мнѣнія, но и его ревизоромъ и контролеромъ.» Но опять и здѣсь вѣрный тому же своему мнѣнію, что безъ борьбы нѣтъ жизни, Бѣлинскій никакъ не могъ согласиться съ тѣми, которые смотрятъ на литературную полемику, какъ на какое-то зло, напротивъ, онъ считалъ ее и нужною и полезною. «Журнальная полемика, говоритъ онъ, не новость въ нашей литературѣ: почти всѣ записные читатели на святой Руси до страсти любятъ кокетничанье статьи и въ тоже время всѣ любятъ бранить полемику. Многіе изъ нихъ точно также убѣждены отъ всей души въ страшномъ вредѣ полемики для нравовъ, какъ и въ великой пользѣ для тѣхъ же нравовъ отъ реферата, силетень и азбуки. Что до насъ, мы убѣждены, что въ благоустроенномъ обществѣ нестерпимы злоупотребленія полемики, т. е. грубый тонъ, площадная рѣзкость выраженій, личности, но что въ полемикѣ, умѣющей держаться въ предѣлахъ чисто-литературныхъ вопросовъ и выражаться прилично, нѣтъ никакого вреда, а напротивъ есть много пользы, потому-что такая полемика даетъ литературѣ жизнь и движеніе. Еслибы иногда полемика и дозволяла себѣ немного забываться и проговариваться, большой бѣды въ этомъ и нѣтъ

и такого рода промахѣ должны подлежать суду общественаго мнѣнія.» (Т. X, стр. 307—308).

Все сказанное опредѣляетъ уже довольно ясно какъ взглядъ Бѣлинскаго на общество, такъ и отношенія каждаго члена общества къ другимъ. Но здѣсь еще одинъ вопросъ, на который не безъинтересно найти отвѣтъ у нашего дорогаго критика. Именно въ обществѣ признаются сословія, — одни изъ нихъ стоятъ выше, другія ниже, — законно-ли это? Законно-ли присвоять однимъ изъ нихъ большія права, а другимъ низшія? Бѣлинскій и здѣсь пойдетъ противъ обычныхъ и освященныхъ древностью понятій. Раздѣленіе общества на сословія въ его глазахъ — вещь необходимая. «Мы, говоритъ онъ — не знаемъ доселѣ ни одного народа, котораго развитіе и ходъ впередъ не были-бы основаны на раздѣленіи народной жизни на народъ и общество. Этого раздѣленія нѣтъ у азіятскихъ коснѣющихъ народовъ, ибо у нихъ раздѣляютъ народъ касты, привилегіи, но не просвѣщеніе и образованіе. Начиная съ грековъ, родоначальниковъ европейскихъ народовъ, высшія сословія были представителями образованія и просвѣщенія, по-крайней мѣрѣ вездѣ то и другое начиналось

съ нихъ и отъ нихъ шло и къ народу. Безъ этихъ высшихъ сословій, которымъ обезпеченное положеніе и присвоенныя права давали возможность обратить свою дѣятельность на предметы умственные, народы навсегда остались бы въ первобытной степени ихъ патріархальнаго быта. Ученые и художники большею частію вездѣ выходили изъ народа, но не къ народу обращались они. Правда, во времена всеобщаго невѣжества, напримѣръ, въ мрачной ночи среднихъ вѣковъ, ученые въ особенности составляли особую касту, равно чуждую и народу и обществу, и съ той и другой стороны могли ожидать для себя только обвиненія въ чернокнижествѣ и костра. Но когда мракъ невѣжества началъ разсѣеваться, къ кому обратились служители науки, кто принялъ въ нихъ участіе?—средняя и высшія сословія, а не народъ. Что касается до искусствъ, они всегда существовали и поддерживались высшими сословіями. Стало быть, это раздѣленіе народа на классы было необходимо для развитія человѣчества. Раздѣленіе на классы было необходимо и благодѣтельно для развитія всего человѣчества, и что выйдти изъ привычекъ и обычаевъ простаго народа совсѣмъ не значитъ выйдти изъ стихіи народной жизни

въ какую-то пустоту и отвлеченность и сдѣлаться призракомъ. Одинъ народъ, разумѣя подъ этимъ словомъ только людей низшихъ сословій, не есть еще нація: націю составляютъ всѣ сословія. Люди, которые презираютъ народъ, видя въ немъ только невѣжественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно въ работѣ и голодѣ, такіе люди теперь не стоютъ возраженій: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вмѣстѣ. Люди, которые смотрятъ на народъ человѣчнѣе, но думаютъ, что, по причинѣ его невѣжества и необразованности, онъ не заслуживаетъ изученія, и что вовсе нечему учиться у него, такіе люди конечно ошибаются, и съ ними мы готовы всегда спорить. Но еще больше ихъ ошибаются тѣ, которые думаютъ, что народъ нисколько не нуждается въ урокахъ образованныхъ классовъ, и что онъ можетъ отъ нихъ только портиться нравственно. Нѣтъ, господа мистическіе философы, нуждается, да еще какъ! Народъ — вѣчно ребенокъ, всегда несовершеннолѣтенъ. Бываютъ у него минуты великой силы и великой мудрости въ дѣйствіи, но это минуты увлеченія, энтузіазма. Но и въ эти рѣдкія минуты онъ добръ и жестокъ, великодушенъ и мстителенъ,

человѣкъ и звѣрь. Никакая личность не сравнится съ нимъ, въ эти минуты, ни въ способности ясно видѣть истину, ни въ способности грубо заблуждаться, ни въ добрѣ, ни въ злѣ, ни въ геніальности, ни въ ограниченности. Это сила природная, естественная, непосредственная, великая и ничтожная. Это—море, величественное и въ тишинѣ и въ бурѣ, но никогда не зависящее отъ самого себя, никогда не управляющее само собою; вѣтеръ его [illegible] » (Т. XII, стр. 456—458).

Но это никакъ опять не значитъ, чтобы Бѣлинскій уже оправдывалъ и чванство и сѣсь, которыя вообще, а у насъ въ частности, въ такой модѣ. Нѣтъ; сѣсь, дворянская-ли, мѣщанская ли, была равно ему противна. Онъ и здѣсь, какъ вездѣ, держится средины. Если, по его убѣжденію, «смѣшное и странное заблужденіе предпочитать образованнымъ классамъ мужиковъ потому только, что они мужики, что они грубы, неопрятны, невѣжественны (Т. V, стр. 25), тогда-какъ несомнѣнно то, что если-бы геніальный мужикъ получилъ образованіе вельможи, то былъ-бы еще геніальнѣе (стр. 21), то съ другой стороны и «гордиться происхожденіемъ отъ князя такъ-же смѣшно, какъ и стыдиться происхожденія отъ

цѣловальника. Потому-что, разсуждаетъ онъ, какъ въ первомъ случаѣ заслуга, такъ во второмъ—преступленіе—суть чистѣйшая случайность. Не происхожденіе, а жизнь приноситъ человѣку честь или безчестіе. Иначе, Сусанинъ или Мининъ были-бы низкими людьми въ сравненіи со всякимъ глупенькимъ и пошленькимъ князькомъ, какихъ довольно бываетъ на бѣломъ свѣтѣ между князьями, достойными всякаго уваженія по ихъ личнымъ достоинствамъ. Поэтъ (Пушкинъ) обвиняетъ родословныхъ людей нашего времени въ томъ, что они презираютъ своими отцами, ихъ славою, правами и честью: упрекъ столько-же ограниченный, сколько и неосновательный. Если человѣкъ не чванится тѣмъ, что происходитъ по прямой линіи отъ какого-нибудь великаго человѣка, неужели это непремѣнно значитъ, что онъ презираетъ своего великаго предка, его славу, его великія дѣла? Кажется, тутъ слѣдствіе выведено совсѣмъ произвольно. Презирать предковъ, когда они ничего не сдѣлали хорошаго, смѣшно и глупо: можно не уважать ихъ, если не за что уважать, но въ то-же время и не презирать, если не за что презирать. Гдѣ нѣтъ мѣста уваженію, тамъ не всегда есть мѣсто презрѣнію: уважается хорошее, презри-

растся дурное; но отсутствіе хорошаго не всегда предполагаетъ присутствіе дурнаго, и наоборотъ. Еще смѣшнѣе гордиться чужимъ величіемъ, или стыдиться чуж[illegible] низости. Первая мысль превосходно объяснена въ превосходной баснѣ Крылова: «Гуси»; вторая ясна сама по себѣ. Извѣстно, цѣловальники (въ древности — присяжные чиновники) не отличались особенною честностью, не отличаются и нынѣ, какъ [illegible] въ питейныхъ до[illegible] сынъ цѣловальн[illegible], по своей [illegible]ся неспособнымъ къ званію своего отца, и вмѣсто того, чтобъ обмѣривать въ кабакѣ пьяныхъ мужиковъ, прожилъ вѣкъ свой, по[illegible]луй, не великимъ, даже не даровитымъ, а просто честнымъ человѣкомъ, — скажите: зачѣмъ ему стыдиться, что онъ сынъ своего отца? . Притомъ же мы нисколько не споримъ, что Тамерланъ былъ большой аристократъ, — по-крайней-мѣрѣ, при его жизни въ этомъ никто не смѣлъ усомниться, подъ опасеніемъ быть посажену на колъ; но прежде, нежели сдѣлался великимъ ханомъ, онъ былъ кузнецомъ, заплатившимъ за покражу овцы увѣчьемъ ноги. Такъ и всякій родъ начатъ былъ [illegible], у котораго въ роднѣ былъ не одинъ сапожникъ

или портной. Но все это истины немного пошлья, потому именно, что онѣ уже слишкомъ истинны» (Т. VIII, стр. 651—653).

И во всякомъ случаѣ мысль Бѣлинскаго о необходимости въ обществѣ сословій никакъ не означала и не означаетъ того, чтобы онъ тѣмъ самымъ утверждалъ уже и раздѣленіе между сословіями. Нѣтъ, признавая право сословій, онъ въ то-же время стоялъ за общую связь между ними: каждое изъ нихъ не должно быть враждебно другому, но должно быть связано съ другимъ общимъ духомъ стремленія къ общему благу. Начало сближенія сословій въ его глазахъ есть и начало образующагося общества. И это сближеніе должно происходить не во имя однихъ только матеріальныхъ интересовъ. Разнородное общество, сплоченное въ одну массу только этими интересами, было-бы, по выраженію Бѣлинскаго, жалкимъ и нечеловѣческимъ обществомъ. «Какъ-бы, продолжаетъ онъ, ни были велики внѣшнее благосостояніе и внѣшняя сила какого-нибудь общества, но если въ немъ торговля, промышленость, пароходство, желѣзныя дороги и вообще всѣ матеріальныя движущія силы составляютъ первоначальныя главныя и прямыя, а не вспомогательныя только средства къ просвѣщенію и обра-

зованію, то едва-ли можно позавидовать такому обществу». Внутренней связью должно быть сплочено общество, и въ этомъ отношеніи, заключаетъ Бѣлинскій, намъ нельзя пожаловаться на судьбу: общественное просвѣщеніе и образованіе потекло у насъ вначалѣ ручейкомъ мелкимъ и едва замѣтнымъ, но зато изъ высокаго и благороднѣйшаго источника—изъ самой науки и литературы» (Т. XII).

Такова вообще взглядъ Бѣлинскаго на общество и на положеніе въ немъ каждаго члена въ отношеніи къ другимъ. Но этимъ, очевидно, еще далеко отвѣть не на всѣ вопросы. За указанными нами до сихъ-поръ отношеніями человѣка, есть у него другія, болѣе частныя, особенныя, каковы: отношенія семейственныя, родственныя, дѣла сердечныхъ влеченій, наконецъ отношенія къ себѣ и т. п. Конечно, интересно каждому знать, что и насчетъ всѣхъ этихъ [illegible] Бѣлинскій. Постараемся извлечь изъ его сочиненій и относительно указанныхъ отношеній все, что можно.

Начнемъ съ любви родительской. Вопросъ что такое эта любовь и чѣмъ должна она быть? [illegible] у насъ эти отношенія какъ-то не совсѣмъ тверды или, лучше сказать, разумны. То, смотришь, родительская любовь не

рейдетъ изъ любви въ деспотизмъ и натворитъ проказъ, воспитавъ дѣтей—уродовъ, то сыновняя явится рабствомъ и унизитъ истинный долгъ. Истина любви понята вообще плохо. Посмотрите же теперь, какъ прекрасно и высоко опредѣлилъ это чувство Бѣлинскій. «Право рожденія, разсуждаетъ онъ, священное право на священное имя отца и матери,— противъ этого никто и не споритъ; но не этимъ еще все оканчивается: тутъ человѣкъ еще не выше животнаго; есть высшее право— родительской любви. «Да какой-же отецъ или какая мать не любитъ своихъ дѣтей»?—говорите вы. Такъ, но позвольте васъ спросить, что вы называете любовью? какъ вы понимаете любовь?—Вѣдь и коза любитъ своего ягненка: она кормитъ его своимъ молокомъ и облизываетъ языкомъ; но какъ скоро онъ мѣняетъ ея молоко на злакъ полей—ихъ родственныя отношенія оканчиваются. Вѣдь и г-жа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекамъ старую Еремѣевну и за то, что имъ много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его такъ, что если-бы онъ вздумалъ ее бить по щекамъ, она стала-бы горько плакать, что милое, ненаглядное дѣтище больно обколотитъ объ нее свои ручонки

Итакъ, развѣ чувство овцы, которая кормитъ своимъ молокомъ ягненка, чувство г-жи Простаковой, которая бывши овцою и коровою, готова еще сдѣлаться и лошадкой, чтобы возить въ колясочкѣ свое двадцатилѣтнее дитя,—развѣ все это не любовь?—Да, любовь, но какая? Любовь чувственная, животная, которая въ овцѣ, какъ въ животномъ, отличающемся и животною фигурою, имѣетъ свою истинную, разумную, прекрасную и восхищающую сторону, но которая въ г-жѣ Простаковой, какъ въ животномъ, отличающемся человѣческою фигурою, вмѣсто овечьей,—безсмыслена, безобразна и отвратительна. Далѣе: вѣдь и Назаръ Аѳанасьевичъ Фамусовъ любилъ свою дочь, Сонью Павловну; посмотрите, какъ онъ хлопочетъ, чтобы повыгоднѣе сбыть ее съ рукъ, подороже продать.... Продать?—какое ужасное слово! . Отецъ продаетъ свою дочь, торгуетъ ею, конечно, не по мелочи, но одинъ разъ навсегда, и не больше, какъ для одного человѣка, который будетъ называться ея мужемъ!... Но вѣдь это онъ дѣлаетъ не для себя, а для ея-же счастія?—скажутъ многіе. Прекрасно! Но послѣ этого и разбойникъ, который для приданаго дочери зарѣжетъ передъ ея свадьбою нѣсколькихъ человѣкъ, будетъ правъ, и тому-

что сдѣлаетъ это изъ любви къ дочери? Послѣ этого, и иная матушка, которая, не желая видѣть въ нищетѣ свою нѣжно-любимую дочь, научитъ, или принудитъ ее сдѣлать выгодный промыселъ изъ своей красоты,—тоже будетъ права, потому-что поступитъ такъ изъ любви къ дочери?... И развѣ этого не бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Развѣ старый подъяч[illegible]шій въ лихоимствѣ и казнокр[illegible]ствѣ, не поставлялъ первымъ и священнымъ долгомъ своего родительскаго званія, передать свое подлое ремесло нѣжно-любимому сынку?—Мы опять соглашаемся, что источникъ всего этого любовь, но ка[illegible]—вотъ вопросъ! Откуда она проистекаетъ, куда она стремится, къ кому обращается? Зачѣмъ звѣрь рветъ и губитъ подобныхъ себѣ, а въ голодѣ пожираетъ собственныхъ дѣтей?—Затѣмъ, что онъ любитъ себя, а любовь къ себѣ есть условіе всякой индивидуальности, которая, въ свою очередь, есть условіе всякаго бытія, основа и законъ жизни. Зачѣмъ собака грызется съ другою изъ за брошенной кости?—Опять затѣмъ, что любитъ себя. И насъ не оскорбляетъ это въ животныхъ; по крайней мѣрѣ, мы не винимъ ихъ за это, и не считаемъ злодѣями и преступниками, потому-что они живутъ и дѣйствуютъ подъ невольнымъ, рабскимъ

вліяніемъ животнаго инстинкта и, кромѣ сохраненія и возрожденія своей индивидуальности, не имѣютъ никакихъ обязанностей. И человѣкъ, подобно животному, замкнутъ въ своей индивидуальности, и безсознательно слѣдуетъ данному ему природою инстинкту самосохраненія и стремленію къ улучшенію своего положенія; но неужели этимъ все и должно оканчиваться? Нѣтъ, разница человѣка съ животными именно въ томъ и состоитъ, что онъ только начинается тамъ, гдѣ животныя уже оканчиваются. Кромѣ обязанностей къ себѣ, онъ имѣетъ еще обязанности къ ближнимъ; кромѣ инстинкта, который есть у животныхъ, онъ имѣетъ еще чувство, разсудокъ и разумъ, которыхъ нѣтъ у животныхъ; будучи существомъ и растительнымъ и животнымъ, будучи плотскимъ организмомъ, онъ есть еще и духъ—искра и обликъ Духа Божія. Слѣдовательно, и его любовь должна быть высшею ступенью той любви, которую мы видимъ во всей природѣ,—отъ сродства стихій,—отъ ихъ безмолвнаго организированія въ минералъ, заключенный въ нѣдрахъ земли, отъ прозябанія дольней лозы, возникающей изъ зерна,—до животнаго, которое добровольно лишается жизни, съ простію защищая своихъ дѣтей. Человѣкъ есть міръ

въ маломъ видѣ: въ его организмѣ всѣ стихіи природы, первосущныя ея силы, вся минеральная природа — металлы и земли; въ жизни его организма всѣ процессы природы — и минеральное рощеніе извнѣ, и произрастаемая растительность и животное развитіе извнутри. Онъ является на свѣтъ животнымъ, которое кричитъ, спитъ, ѣстъ и инстинктивно хватается за грудь, и инстинктивно сердится, когда его отъ нея отнимаютъ. Но уже съ того мгновенія, какъ языкъ его, отъ безразличныхъ междометій, начинаетъ постепенно переходить къ членораздѣльнымъ звукамъ и лепетать первыя слова,—въ немъ уже оканчивается животное и начинается человѣкъ, вся жизнь котораго, до поры полнаго мужества, есть ни что иное, какъ безпрерывное формированіе, дѣланіе, становленіе (das Werden) полнымъ человѣкомъ, для полнаго наслажденія и сбладанія силами своего духа, какъ средствами къ разумному счастію. Еще младенецъ, припавъ къ источнику любви — къ груди своей матери, онъ останавливаетъ на ней не безсмысленный взглядъ молодаго животнаго, но горящій свѣтомъ разума, хотя и безсознательнаго; онъ улыбается своей матери, — и въ его улыбкѣ свѣтится лучъ божественной мысли. Во всѣхъ

проявленіяхъ его любви просвѣчиваетъ не простое, инстинктивное, но уже не чуждое смысла и разумности чувство: еще ноги его слабы, онъ не можетъ сдѣлать имъ шага для вступленія въ жизнь, но уже любовь его выше любви животной. Такъ неужели, послѣ этого, любовь родителей, — существъ вполнѣ развившихся, должна оставаться при своей естественности и животности, неспособныхъ отдѣлиться отъ самихъ себя и перейдти за околдованную черту замкнутой въ себѣ индивидуальности? Нѣтъ, всякая человѣческая любовь должна быть чувствомъ, просвѣтленнымъ разумною мыслію, чувствомъ одухотвореннымъ Но что-же такое любовь? — Это жизнь, это духъ, свѣтъ луча: безъ нея, все—смерть, при самой жизни, все—матерія, при самомъ органическомъ развитіи, все—мракъ, при самомъ зрѣніи. Любовь есть высшая и единая дѣйствительность, внѣ которой все — призраки, обманывающіе зрѣніе, формы безъ содержанія, пустота въ кажущихся границахъ. Какъ огонь есть вѣсть и свѣтъ и теплота,—такъ и любовь есть осуществившійся, явленный разумъ, осуществившаяся, явленная истина. Ею все держится и весь міръ — ея явленіе. Въ природѣ она разлита какъ электричество: въ ду-

хѣ является разумною мыслію, въ самой себѣ носящею силу своего проявленія въ благомъ дѣйствіи. И потому, человѣкъ полный ею сильнѣе Самсона: съ мучениками первыхъ временъ христіанской церкви безтрепетно шель къ дикимъ звѣрямъ и, объятый пожирающимъ пламенемъ, пѣлъ гимны Богу живому и безсмертному; онъ изъ рыбаря становился ловцомъ человѣковъ. «Любовь столь сильна, что творитъ непостижимое, торжествуетъ надъ вѣчно неизмѣнными условіями пространства и времени, надъ безсиліемъ плоти, младенцу даетъ львиную силу. Самъ Богъ есть любовь и источникъ любви, изъ котораго исходитъ и въ который все возвращается. «Возлюбленные! станемъ любить другъ друга; ибо любовь отъ Бога, и всякій, кто любитъ, рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога; потому-что *Богъ есть любовь*.— Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви, пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ», говоритъ св. апостолъ Іоаннъ (перв. посл. гл. IV, ст. 7, 8 и 16). И потому, всякая власть и всякая сила только въ любви. И потому слово, проникнутое любовію, горитъ огнемъ неотразимаго убѣжденія, и согрѣваетъ теплотою умиленія сердце услышавшее его, и даетъ ему

миръ и счастіе; но слово, лишенное любви, и святыя истины дѣлаетъ холоднымъ и мертвымъ нравоученіемъ, и потому безсильно надъ умомъ и сердцемъ.

«Истина выше человѣка, какъ личности: чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины. Но истина не дается человѣку вдругъ, какъ его законное обладаніе: онъ долженъ достигать ея трудомъ, борьбою, лишеніями и страданіемъ,— и вся жизнь его должна быть стремленіемъ къ истинѣ. Личность человѣческая есть частность и ограниченность: только истина можетъ сдѣлать ее общимъ и безконечнымъ. Поэтому, первое и основное условіе достиженія истины есть для человѣка отлученіе отъ самого себя въ пользу истины. Отсюда происходятъ добровольныя лишенія, борьба съ желаніями и страстями неумолимая строгость къ своему самолюбію, готовность къ самообвиненію передъ истиною, самоотверженіе и самопожертвованіе: кто не зналъ и не испыталъ въ своей жизни ничего этого,— тотъ не жилъ въ истинѣ, не жилъ въ любви

«Теперь взглянемъ съ этой точки на любовь родительскую.

«Отецъ и мать любятъ свое дитя, потому-что ого ихъ рожденіе. Родство крови есть первая

и, въ то-же время, священная основа любви, ея исходный пунктъ, отъ котораго движется ея развитіе. Возставать противъ этого могутъ только или отлеченные умы, разсудочные люди, неспособные проникнуть ни въ какую живую, явленную истину, или сердца холодныя, сухія, мертвыя, если не порочныя и не развратныя. Но, повторяемъ, естественная любовь, основывающаяся на одномъ родствѣ крови, еще далеко не составляетъ того, чѣмъ должна быть человѣческая любовь. Изъ родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крѣпко, одно истинно и дѣйствительно, одно достойно высокой и благородной человѣческой природы. Посмотрите: сколько на свѣтѣ дурныхъ дѣтей, которыя терпятъ къ родителямъ всякую любовь, но оказываютъ къ нимъ только внѣшнее, формальное уваженіе, какъ скоро избавляются, лѣтами и обезпеченіемъ своего состоянія, отъ ихъ власти и вліянія и ктому-же не ждутъ себѣ никакого наслѣдства послѣ ихъ смерти. Сколько бываетъ въ свѣтѣ ужасныхъ примѣровъ дѣтей, неоказывающихъ родителямъ даже и внѣшняго уваженія, требуемаго общественными приличіями,—даже дѣтей, оскорбляющихъ своихъ родителей, если тѣ не рѣшают-

ся прибѣгнуть къ гражданскому закону.... Страшное, возмущающее душу зрѣлище! Бѣдные родители, несчастныя дѣти! Да несчастныя,—я, жалѣя о первыхъ, не спѣшите проклинать послѣднихъ, но подумайте о томъ—природа-ли создаетъ извергов, или воспитаніе и жизнь дѣлаютъ ихъ такими? Мы не отвергаемъ, чтобы природа не производила людей, наклонныхъ къ пороку, но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпко убѣждены, что такія явленія возможны какъ исключенія изъ общаго правила, и что нѣтъ дурнаго человѣка, котораго-бы хорошее воспитаніе не сдѣлало лучшимъ. Горе [illegible] почему-бы они ни сдѣлались такими—отъ дурнаго-ли воспитанія, по вин родителей, или отъ случайныхъ обстоятельствъ, но они несчастны, потому-что не знаютъ счастія сыновней любви и не могутъ имѣть надежду вкусить счастіе любви родительской. Но тѣмъ не менѣе должно вникать въ причины ихъ нравственнаго искаженія, если не для оправданія ихъ, то для оправданія истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительнаго примѣра, въ предотвращеніе такихъ возмущающихъ душу явленій. Мы сказали, что отецъ любитъ свое дитя, потому-что оно его рожденіе; но онъ долженъ любить его еще такъ

будущаго человѣка, котораго Богъ нарекъ сыномъ Своимъ и за спасеніе котораго Онъ принялъ на крестѣ страданіе и смерть. При самомъ рожденіи, отецъ долженъ посвятить свое дитя служенію Богу въ духѣ и истинѣ,—и посвященіе это должно состоять не въ отторженіи его отъ живой дѣйствительности, но въ томъ, чтобы вся жизнь и каждое дѣйствіе его въ жизни было выраженіемъ живой, пламенной любви къ истинѣ, въ которой является Богъ. Только такая любовь къ дѣтямъ истинна и стойка называться любовію; всякая-же другая есть эгоизмъ, холодное самолюбіе. Вся жизнь отца и матери, всякій поступокъ ихъ долженъ быть примѣромъ для дѣтей, и основою взаимныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ должна быть любовь къ истинѣ, но не къ себѣ. Есть отцы, которые любятъ дѣтей для самихъ себя—и въ этой любви есть своя истинная и разумная сторона; есть отцы, которые любятъ своихъ дѣтей для нихъ самихъ,—и эта выше, истиннѣе, разумнѣе; но при этихъ двухъ родахъ любви есть еще высшая, истиннѣйшая и разумнѣйшая любовь къ дѣтямъ—любовь въ истинѣ, въ Богѣ. Любитъ-ли отецъ своего сына, если заставляетъ его смотрѣть съ уваженіемъ на свои дурные и безнравственные по-

ступки, какъ на благородные и разумные? Не все-ли это равно, что требовать отъ дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрѣнію, бѣлое называло чернымъ, а черное бѣлымъ? Тутъ нѣтъ любви, тутъ есть только самолюбіе, которое свою личность ставитъ выше истины. А между-тѣмъ у ребенка всегда будетъ столько смысла, чтобы, видя какъ его маменька колотитъ по щекамъ дѣвокъ, или какъ его папенька напивается пьянъ и дерется съ маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, приучая къ такимъ сценамъ съ малолѣтства и толкуя, что это хорошо, можно наконецъ увѣрить ребенка, что въ семъ-то и состоитъ истинная жизнь; но это значитъ развратить, погубить его: гдѣ жь тутъ любовь? — тутъ только самолюбіе, которое въ своихъ дѣтяхъ хочетъ видѣть собственное безобразіе, чтобы не имѣть въ нихъ себѣ строгихъ, хотя и безмолвныхъ, судей. Вопреки законамъ природы и духа, вопреки условіямъ развивающейся личности, отецъ хочетъ, чтобы его дѣти смотрѣли и видѣли не своими, а его глазами; преслѣдуетъ и убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, какъ нарушеніе сыновняго уваженія, какъ возстаніе противъ родительской вла-

сти,—и бѣдныя дѣти не смѣютъ при немъ ра разинуть; въ нихъ убита энергія, во-ля, характеръ, жизнь, они дѣлаются почти-тельными статуями, заражаются рабскими по-[illegible] лгутъ, обманываютъ, выверты[illegible]ваются.... Ки-тайцы, поставившіе красоту женскихъ ногъ въ миніатюрности, зашиваютъ у дѣвочекъ ноги въ сырую воловью шкуру, и снимаютъ ее, ког-да уже дѣвочки становятся дѣвушками: ножки въ самомъ дѣлѣ крошечныя, только кривы, изогнуты, уродливы, и женщина можетъ ходить только въ комнатѣ, и то опираясь о стѣны и на мебель. Таковы результаты остановленія въ свободномъ развитіи природы! Таковы-же бываютъ и результаты остановленнаго въ есте-ственномъ и самобытномъ развитіи духа! Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые имѣютъ несчастное убѣжденіе, что, для пользы и сча-стія своихъ дѣтей, они обязаны управлять ты-ми ихъ склонностями, которыя рѣшаютъ сча-стіе или несчастіе цѣлой жизни чел[illegible] Какъ часто случается, что прекрасная дѣвуш-ка, съ глубокою душою, любящимъ сердцемъ, по какому-нибудь случаю получившая, на свою погубу, хорошее воспитаніе, созданная украсить, озолотить, осчастливить жизнь избраннаго ею,

который-бы понялъ ее, выдается силою родительской власти за какое-нибудь грубое животное съ человѣческимъ обликомъ, и гибнетъ безмолвною жертвою тайнаго, никѣмъ непонятаго страданія!... Бѣдная, ей даже не на кого и жаловаться: ее погубили изъ любви-же къ ней, изъ искренняго желанія ей добра и счастія.... Горе человѣку, когда его участь въ рукахъ злодѣевъ, и такое-же горе ему, когда его участь въ рукахъ добрыхъ, но пошлыхъ и глупыхъ людей! .. Бѣдныя женщины чаще всего испытываютъ на себѣ несомнѣнность этой горькой истины.... Молодой человѣкъ, принужденный избрать чуждую своему призванію дорогу жизни, рано или поздно, хоть съ утратою силъ души, хоть съ обрѣзанными крыльями, но еще вылетаетъ на желанную свободу, а женщины!... Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые торгуютъ счастіемъ своихъ дѣтей, спекулируютъ ими на богатство, на знатность, да еще дѣйствуютъ при этомъ во имя нравственности, любви и своихъ священныхъ родительскихъ обязанностей къ дѣтямъ?... Но оставимъ этотъ ужасный предметъ, отъ котораго возмущается и содрагается человѣческая природа будто при видѣ удава или гремучей змѣи.

«Разумная любовь должна быть основою вза-

нныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Любовь предполагаетъ взаимную довѣренность, —и отецъ долженъ быть столько же отцомъ, сколько и другомъ своего сына. Первое его попеченіе должно быть о томъ, чтобы сынъ не скрывалъ отъ него ни малѣйшаго движенія своей души, чтобы къ нему первому шелъ онъ и съ вѣстью о своей радости или горѣ, и съ признаніемъ въ проступкѣ, въ дурной мысли, въ нечистомъ желаніи, и съ требованіемъ совѣта, участія, сочувствія, утѣшенія. Какъ грубо ошибаются многіе, даже изъ лучшихъ отцовъ, которые почитаютъ необходимымъ раздѣлить себя съ дѣтьми строгостію, суровостью, недоступною важностію! Они думаютъ этимъ возбудить къ себѣ въ дѣтяхъ уваженіе, и въ самомъ дѣлѣ возбуждаютъ его, но уваженіе холодное, боязливое, трепетное, и тѣмъ отвращаютъ ихъ отъ себя и невольно пріучаютъ къ скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы дѣтьми, но уваженіе дѣтей должно проистекать изъ любви, быть ея результатомъ, какъ свободная дань ихъ превосходству, безъ требованія получаемая. Ничто такъ не дѣйствуетъ на юную душу, какъ холодность и важность, съ которыми принимается горячее изліяніе ея чувства; ни-

что не обливаетъ ее такимъ умерщвляющимъ холодомъ, какъ благоразумные совѣты и наставленія тамъ, гдѣ ожидаетъ она сочувствія. Обманутая такимъ-образомъ въ своемъ стремленіи разъ и другой, она затворяется въ самой себѣ, сознаетъ свое одиночество, свою отдѣльность и особность отъ всего, что такъ любовно и родственно еще недавно окружало ее, и въ ней развивается эгоизмъ, она пріучается думать, что жизнь есть борьба эгоистическихъ личностей, азартная игра, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный, и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Открытая душа младенца или юноши — свѣтлый ручей, отражающій въ себѣ чистое и ясное небо; запертая въ самой себѣ, она—мрачная бездна, въ которой гнѣздятся истопыри и жабы.... Если-же не это, можетъ случиться другое: индивидуальность человѣческая, по своей природѣ, не терпитъ отчужденія и одиночества, жаждетъ сочувствія и довѣренности подобныхъ себѣ, — и дѣти сдружаются между-собою, составляютъ родъ общества, имѣющаго свои тайны, общими и соединенными силами скрываемыя, что никогда до добра не доводитъ. Это бываетъ еще опаснѣе, когда друзья избираются между чужими, и тѣмъ болѣе,

когда избранный другъ старше избравшаго: онъ беретъ надъ нимъ верхъ, пріобрѣтаетъ у него авторитетъ, и передаетъ ему всѣ свои наклонности и привычки—что-же, если онѣ дурны и порочны?... Нѣтъ! первое условіе разумной родительской любви—владѣть полною довѣренностію дѣтей, и счастливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ и правыхъ и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія»! (Т. III. стр. 488—498 .

Такъ смотритъ Бѣлинскій на отношенія родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителемъ и смотритъ, замѣтимъ, свѣтло и разумно. Да, любовь родителей должна быть свята и просвѣтлена духомъ и должна ждать отъ дѣтей любви, а не рабства. Отсюда-же уже само собой вытекаетъ и то, что родители не должны насиловать чувствъ дѣтей. Если дѣвушка, чувствуя отвращеніе къ господину благонамѣренной наружности, за котораго ее хотятъ насильно выдать, и любя страстно человѣка, съ которымъ ее насильно разлучаютъ, послѣдуетъ влеченію сердца и будетъ любить того, кого она избрала, а не того, въ чей карманъ или въ чей чинъ влюблены ея дражайшіе родители, неуже-

ли сна преступника? спрашиваетъ Бѣлинскій и что на это можно сказать, какъ не повторить его же словъ: «ничто такъ не подчинено строгости внѣшнихъ условій, и ничто такъ не требуетъ безусловной воли, какъ сердце же». (Т. VIII, стр. 377). Точно также, когда Бѣлинскій и вооружался противъ права родства, какъ «права бѣдному подличать передъ богатымъ изъ нощрки, богатому презирать докучнаго бѣдняка и отдѣлываться отъ него ничѣмъ, равно— богатымъ завидовать другъ другу въ успѣхахъ жизни, и вообще какъ права вмѣшиваться въ чужія дѣла и давать не нужные и безполезные совѣты»,—когда онъ возставалъ противъ лицемѣрства въ родственныхъ отношеніяхъ, когда родство у людей существуетъ не какъ принципъ, а какъ фактъ,—кто скажетъ, что онъ не правъ? (Т. VIII, стр. 537—541).

Не менѣе замѣчателенъ и свѣтелъ взглядъ Бѣлинскаго и на любовь, какъ сердечное влеченіе мужчины къ женщинѣ, служащее основаніемъ брака. Главное основаніе, котораго онъ держится онъ, — то, что «любовь одна, но она характеризуется степенью нравственнаго развитія и силою души человѣка. Поэтому, и ея проявленія разнообразны; поэтому, есть люди, которые могутъ любить только одинъ разъ

въ жизни и, лишась предмета любви своей, умираютъ для всякаго другаго подобнаго чувства; и потому-же самому есть люди [illegible] могутъ любить два, три и болѣе разъ въ жизни, и ихъ любовь такъ-же истинна по своей сущности, какъ и любовь тѣхъ сильныхъ и глубокихъ душъ, которыя могутъ любить только однажды въ жизни; разница въ характерѣ и степени любви: у однихъ она [illegible] характеръ всеобщій, мировой: у другихъ—характеръ частности и большей или [illegible] смотря по силѣ духа и степени развитія, ограниченности» (Т. II, стр. [illegible]

Признавая такимъ-образомъ разныя степени любви, Бѣлинскій въ то-же время не вѣритъ ни любви идеальной, ни чувственной. «Та и другая, замѣчаетъ онъ, существуетъ, но обѣ онѣ ложны, какъ двѣ противоположныя крайности. Такъ называемая идеальная любовь есть палочка, на которой будетъ верхомъ школьникъ, воображая, что онъ скачетъ на богатырскомъ конѣ; это своего рода донъ-кихотство. Такъ-называемая чувственная любовь есть удѣлъ животныхъ съ человѣческимъ образомъ. Но всякое чувство, что бы оно ни было—любовь, или увлеченіе, мгновенная прихоть сердца, — но если только оно волнуетъ

душу сладкимъ восторгомъ и растворяетъ ее трепетнымъ ощущеніемъ таинства жизни, если оно возбуждено созерцаніемъ идеи абсолютной красоты въ живомъ образѣ,—это чувство уже любовь, а не чувственность. Всякая любовь есть одухотворенная чувственность». (Т. III, стр. 14—15).

Вотъ изъ какого источника Бѣлинскій хочетъ вывести любовь! И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хочетъ, чтобы она была не вспышкой сердца, а зрѣлымъ чувствомъ. «Любить истинно, говоритъ онъ, можетъ только вполнѣ созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ, любовь видитъ въ бракѣ свою высочайшую награду, и, при блескѣ вѣнца, не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца.... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, [illegible] выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь есть только проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину; но-будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно призрачна по своей формѣ, и въ сравненіи съ любовью возмужавшаго человѣка есть то-же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потреб-

ность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ, какъ и вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повторяться въ жизни человѣка; она или возненавидитъ бракъ и отвращается его, какъ плен, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ и стремится къ нему только до-тѣхъ-поръ, пока онъ не предстанетъ къ ней съ своимъ строго-испытующимъ, недовѣрчиво-суровымъ взоромъ: тогда бѣдная любовь потупляетъ передъ нимъ свои глаза, какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернеромъ.... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ «несчастныхъ браковъ по любви».... Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ своей повѣрки: только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ...» (Т. III, стр. 620).

Мало того, Бѣлинскій требуетъ отъ любви, чтобы она имѣла въ виду прямо счастіе любимаго существа. «Нашъ романтизмъ, замѣчаетъ онъ, хлопочетъ не о томъ, однажды или дваж-

[illegible]нно и можно любить въ жизни, но о томъ, чтобъ не разбить другаго предавшагося вамъ сердца и не быть причиною несчастія его жизни. Вы любили только разъ въ жизни и были до гроба вѣрны одной только привязанности: прекрасно! Но не дѣлайте изъ этого общаго для всѣхъ правила! Одинъ такъ, другой иначе, тотъ—одинъ разъ въ жизни, а этотъ—десять разъ: оба равно правы, лишь-бы только на совѣсти котораго-нибудь изъ нихъ не легло ничье несчастіе». (Т. VIII, стр. 193). А смотря съ такой точки на любовь, Бѣлинскій, —понятно уже, — никакъ и не могъ сочувствовать такимъ людямъ, какъ Алеко или Отелло. Подобные герои могли возбуждать въ немъ отвращеніе, но сочувствіе — никакъ. «Если, говоритъ онъ, разбирая типъ Алеко, человѣкъ, находящійся въ положеніи Алеко, есть истинно нравственный человѣкъ, то въ любимой имъ особѣ онъ съ большею страстью, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ, уважаетъ права свободной личности, а, слѣдовательно, и невольныя естественныя стремленія ея сердца. Въ такомъ случаѣ, натурально, что ея внезапнаго къ нему охлажденія онъ не пріиметъ за преступленіе, или такъ-называемую на языкѣ пошлыхъ романовъ «невѣрность», и еще менѣе согла-

ется принять отъ нея жертву, которая должна состоять въ ея готовности принадлежать ему даже и безъ любви и для его счастія отказаться отъ счастія новой любви, можетъ-быть, бывшей причиною ея къ нему охлажденія. Еще болѣе естественно, что въ такомъ случаѣ ему остается сдѣлать только одно:— со всѣмъ самоотверженіемъ души любящей, со всею теплотою сердца, постигшаго святую тайну страданія, благословить его, или ее, на новую любовь и новое счастіе, а свое страданіе, если нѣтъ силъ освободиться отъ него, глубоко сохранить отъ всѣхъ, и въ особенности отъ него или отъ нея, въ своемъ сердцѣ. Такой поступокъ немногими можетъ быть оцѣненъ, какъ выраженіе истинной привязанности: многіе, воспитанные на романахъ и повѣстяхъ съ ревностію, измѣнами, кинжалами и ядами, найдутъ его даже прозаическимъ, и въ человѣкѣ, такимъ образомъ поступившемъ, увидятъ отсутствіе понятія о чести. Дѣйствительно, по понятіямъ, искаженно перешедшимъ къ намъ отъ среднихъ вѣковъ, мужчинѣ надо кровью смыть подобное безчестіе и, какъ говоритъ Алеко, «хищнику и ей коварной вонзить кинжалъ въ сердце», а женщинѣ прибѣгнуть къ яду, или къ слезамъ и безмолвной тоскѣ; но

не должно забывать, что то, что могло имѣть смыслъ въ варварскіе средніе вѣка, — въ наше просвѣщенное время уже не имѣетъ никакого смысла. Въ образованномъ человѣкѣ нашего времени, Шекспировъ Отелло можетъ возбуждать сильный интересъ, но съ тѣмъ однакожъ условіемъ, что эта трагедія есть картина того варварскаго времени, въ которое жилъ Шекспиръ и въ которое мужъ считался полновластнымъ господиномъ своей жены; всякій же образованный человѣкъ нашего времени только разсмѣется отъ новыхъ Отелловъ въ родѣ Марселя въ нелѣпой повѣсти Эжена Сю «Крао», и безъименнаго господина въ отвратительной повѣсти Дюма «Une vengeance». Но люди, которымъ нужно доказывать, что въ наше время кинжалы, ядъ и даже пистолеты, вслѣдствіе ревности, суть не что иное, какъ пошлые театральные эффекты, или результаты болѣзненнаго безумія, животнаго эгоизма и дикаго невѣжества, — такіе люди не стоятъ того, чтобъ тратить на нихъ слова. Слава Богу, такихъ людей теперь уже немного, и теперь гораздо больше людей, которые принимаютъ слова за одно съ дѣлами: вотъ имъ-то предложимъ мы вопросъ, что сказать о человѣкѣ который, по его словамъ,

ядетъ наравнѣ съ вѣкомъ, и для этого толкуетъ о правѣ человѣческомъ (нарушаемомъ его сосѣдомъ по имѣнію) и объ эмансипаціи женщины, но который, если его жена позволитъ себѣ сдѣлать, въ отношеніи къ нему, сотую долю того, что безъ всякаго позволенія дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ ней,— сейчасъ перемѣняетъ тонъ и готовъ хоть за дубье приняться? .. Не правда ли, что, глядя на него, невольно вспомнишь съ Давыдовымъ:

А гляди-ка: нашъ Мараѣ)
Стараго Гаврилу,
За измятое жабо,
Хлещетъ съ усъ да въ рыло?..

Вотъ почему не смѣхъ, а смѣшанное съ ужасомъ отвращеніе возбуждаютъ слова Алеко въ отвѣтъ на простодушный, трогательный и поэтическій разсказъ стараго цыгана о Маріулѣ

„А какъ-же ты не посѣщалъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищницу и сей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?»
(Т. VIII, стр. 463—465)

Вообще-же Бѣлинскій ревность считаетъ свойственною или людямъ по самой натурѣ эгоисти-

ческахъ, или-же людямъ неразвитымъ нравственно и во всякомъ случаѣ находитъ непростительнымъ заблужденіемъ считать ревность необходимою принадлежностью любви. «Человѣкъ нравственно-развитый, разсуждаетъ онъ, любитъ спокойно, увѣренно, потому-что уважаетъ предметъ любви своей (любовь безъ уваженія для него невозможна). Положимъ, что онъ замѣчаетъ къ себѣ охлажденіе со стороны любимаго предмета, какая-бы ни была причина этого охлажденія изъ исчисленныхъ поэтомъ:

Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красот
Противъ усталости и скуч
Иль своенра[illegible].

это охлажденіе заставитъ его страдать, потому-что любящее сердце не можетъ не страдать при потерѣ любимаго сердца; но онъ не будетъ ревновать. Ревность, безъ достаточнаго основанія, есть болѣзнь людей ничтожныхъ, которые не уважаютъ ни самихъ себя, ни своихъ правъ на привязанность любимаго ими предмета; въ ней выказывается мелкая тиранія существа, стоящаго на степени животнаго эгоизма. Такая ревность невозможна для человѣка нравственно-развитаго; но такимъ-же

точно образомъ невозможна для него и ревность на достаточномъ основаніи: либо такая ревность непремѣнно предполагаетъ мученія подозрительности, оскорбленія и жажды мщенія. Подозрительность совершенно излишня для того, кто можетъ спросить другаго о предметѣ подозрѣнія съ такимъ-же яснымъ взоромъ, съ какимъ и самъ отвѣтитъ на подобный вопросъ. Если отъ него будутъ скрываться, то любовь его перейдетъ въ презрѣніе, которое, если не избавитъ его отъ страданія, то дастъ этому страданію другой характеръ и сократитъ его продолжительность; если-же ему скажутъ, что его болѣе не любятъ, — тогда муки подозрѣнія тѣмъ не менѣе могутъ имѣть смыслъ. Чувство оскорбленія для такого человѣка также невозможно, ибо онъ знаетъ, что прихоть сердца, а не его недостатки причиною потери любимаго сердца, и что это сердце, переставъ любить его, не только не перестало его уважать, но еще сострадаетъ, какъ другъ, горю, и винитъ себя, не будучи въ сущности виновато. Что касается до жажды мщенія,— въ этомъ случаѣ, она была-бы понятна только какъ выраженіе самаго животнаго, самаго грубаго и невѣжественнаго эгоизма, который невозможенъ для человѣка нравственно-развитаго

го. И за что тутъ мстить?—за то, что любившее васъ сердце уже не бьется любовію къ вамъ! Но развѣ любовь зависитъ отъ воли человѣка и покоряется ей? И развѣ не случается, что сердце, охладѣвшее къ вамъ, не терзается сознаніемъ этого охлажденія словно тяжкою виною, страшнымъ преступленіемъ? Но не помогутъ ему ни слезы, ни стоны, ни самообаянія, и тщетны будутъ всѣ усилія его заставить себя любить васъ по прежнему.... Такъ чего-же вы хотите отъ любимаго вами, но уже не любящаго васъ предмета, если сами сознаете, что его охлажденіе къ вамъ теперь такъ-же произошло не отъ его воли, какъ не отъ нея произошла прежде его любовь къ вамъ? Хотите-ли, чтобъ этотъ предметъ, скрывая насильственно свое къ вамъ охлажденіе, обманывалъ васъ, ради вашего счастія, притворною любовію? — Но такое желаніе со стороны вашей могло-бы выйдти только изъ самаго грубаго, животнаго эгоизма: ибо, если вы человѣкъ, существо нравственно-развитое, то вы должны думать и заботиться гораздо больше о счастіи связаннаго съ вами отношеніями любви предмета, чѣмъ о своемъ собственномъ. И притомъ, надо быть слишкомъ пошлымъ человѣкомъ, чтобъ допустить обмануть и успокоить себя

принужденною любовію, и надо быть слишкомъ подлымъ человѣкомъ, чтобъ, понимая такую любовь, какъ она есть, удовлетворяться ею: это значило-бы принести чужое счастіе въ жертву собственному — и какому счастію!... Когда любовь съ которой-нибудь стороны кончилась, вмѣстѣ жить нельзя: ибо тотъ не понимаетъ любви и ея требованій и за любовь принимаетъ грубую, животную чувственность, кто способенъ пользоваться ея правами отъ предмета, хоти-бы и любимаго, но уже нелюбящаго. Такая «любовь» бываетъ только въ бракахъ, потому-что бракъ есть обязательство,—и, можетъ-быть, оно такъ тамъ и нужно; но въ любви такія отношенія суть оскорбленіе и профанація не только любви, но и человѣческаго достоинства. Всѣ такіе случаи невозможны для человѣка нравственно-развитаго» (T. VIII, стр. 458—460).

Кратко, говоря словами же Бѣлинскаго, *идеалъ разумной любви* нашего времени долженъ состоять въ томъ, чтобы найдти одну или нѣсколько нравственныхъ сторонъ и умѣть понять и оцѣнить ихъ, ибо хотя красота возвышаетъ нравственныя достоинства, но безъ нихъ въ наше время красота существуетъ только для глазъ, а не для сердца и души. Нрав-

стренныя же качества женщины должны заключаться въ страстной натурѣ и возвышенно-простомъ умѣ. Страстная же натура состоитъ въ живой симпатіи ко всему, что составляетъ нравственное существованіе человѣка; возвышенно же простой умъ — въ простомъ пониманіи даже высокихъ предметовъ, и такъ въ дѣйствительности, въ смѣлости не бояться истины, незабѣленной и неприукрашенной фантазіей. Что-же касается до счастія любви, то оно зависитъ отъ способности дорожить одареннымъ благородною душею существомъ которое, при сердечной симпатіи къ вамъ, столько же можетъ понимать васъ такъ, какъ вы есть (ни лучше, ни хуже), сколько и вы можете понимать его и понимать въ томъ, что составляетъ принадлежность нравственнаго существованія человѣка (стр. 177). Развратъ же состоитъ, по ученію Бѣлинскаго, въ животной чувственности.

Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что Бѣлинскій признаетъ для каждаго возраста и каждой ступени сознанія свой родъ любви. (Т XIII, стр. 174). Своя любовь у юноши, своя у мужчины. И много счастія, много восторговъ, говоритъ Бѣлинскій, въ любви безумной юности, и лишь бы ея бурныя увлеченія, ея

малыя шалости не были животны и грубы, но умѣрялись, облагораживались и просвѣтлялись эстетическимъ чувствомъ и напутствовались харитами, онѣ будутъ и безгрѣшны и нравственны. И младенчество и юность суть великіе моменты развитія, каждый изъ нихъ самъ себѣ цѣль и полонъ разумности и поэзіи. (Т. IV, стр. 402).

За это сужденіе впрочемъ моралисты-резонеры могутъ подлить и крикъ, но мы совѣтуемъ имъ прежде подумать и поразсудить и все съ тѣмъ справиться. Отъ любви самый близкій и естественный переходъ къ дружбѣ, и вотъ передъ нами благородное и высокое понятіе Бѣлинскаго и объ этомъ предметѣ. «Что такое дружба» спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «какъ и любовь она есть взаимное пониманіе въ общемъ двухъ субъектовъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, дружба есть привычка или связь, основанная на взаимныхъ эгоистичныхъ выгодахъ. Черезъ что завязывается истинная дружба между людьми?—черезъ стремленіе къ общему, другими словами: черезъ любовь къ истинѣ. (Т. II, стр. 354). «Дружба, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій, иногда, завязывается отъ сходства, а иногда отъ противоположности натуръ; но во всѣ-

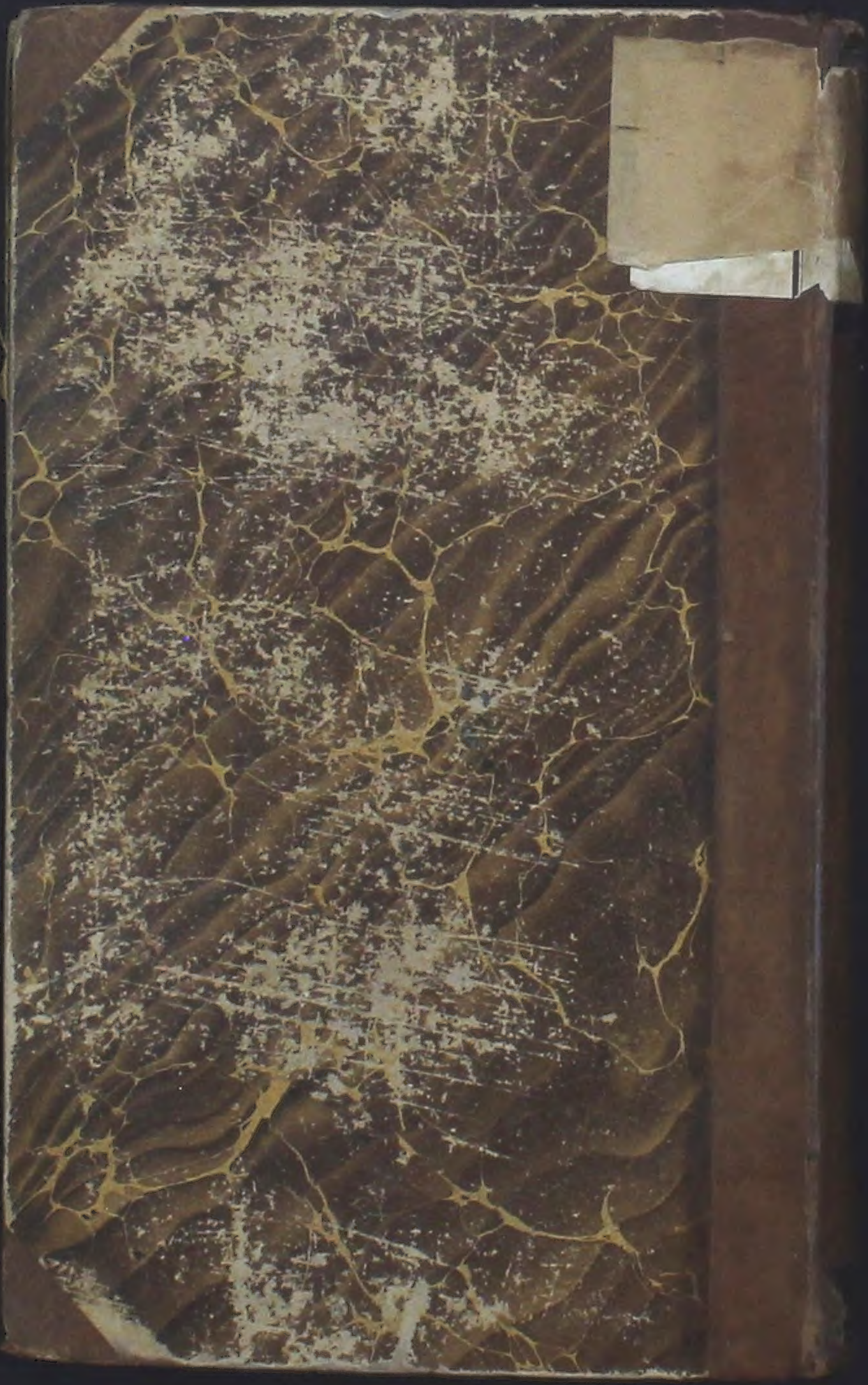
комъ случаѣ, она чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать, какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями дѣлаются случайно и незамѣтно; привычка и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу. Истинные друзья не даютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требуютъ одинъ отъ другаго во имя дружбы, но дѣлаютъ другъ для друга что могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него; другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ, потужитъ, но если онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно и отрадно, онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, но сошелъ съ ума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга. Степень и характеръ дружбы зависятъ отъ личности друзей; тутъ главное, чтобъ не было въ отношеніяхъ ничего натянутаго, напряженнаго, восторженнаго, ничего похожаго на долгъ и обязанность». (Т. XI, стр. 400).

Этимъ мы и кончимъ изложеніе ученія Бѣлинскаго, какъ моралиста. Сказаннаго, кажется, довольно, чтобы понять, что онъ хотѣлъ отъ нравственнаго развитія человѣка и въ чемъ поставлялъ это развитіе. И вообще мы высказали довольно для того, чтобы перейти къ нашему главному вопросу, ради котораго мы предприняли и самое изложеніе. Впрочемъ есть еще одно мѣсто у Бѣлинскаго, которое не мѣшаетъ привести, чтобы не было сомнѣній потомъ, — это его ученіе объ уваженіи человѣка къ тѣлу человѣка. «Извѣстно, говоритъ Бѣлинскій, что наше тѣло мы съ издѣтства привыкли презирать, можетъ-быть, потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому-что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней, чисто-нравственныхъ, они лечатъ иногда средствами чисто-матеріальными, и наоборотъ. Изъ этого видно, что врачи, уважая тѣло, не презираютъ души: они только не презираютъ тѣла,, уважая душу. Въ этомъ отношеніи, они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли зеренъ, но и на самую землю, которая

ихъ произрастила, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усилилъ плодотворность этой земли. —Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство?—Прекрасно!—такъ цѣните-же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, который вы называете сердцемъ, и котораго замедленное или ускоренное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души — Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ?—Прекрасно! — такъ останавливайтесь же въ благоговѣйномъ изумленіи и передъ этою массою мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственныя отправленія, откуда по всему организму распространяются, черезъ позвоночный хребетъ, нити нервъ, которыя суть органы ощущеній и чувствъ, и которыя исполнены какихъ-то до того точныхъ жидкостей, что онѣ ускользаютъ отъ матеріальнаго наблюденія и не даются умозрѣнію. Иначе, вы будете удивляться въ человѣкѣ слѣдствію мимо причины, или—что еще хуже—сочините свои небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія неоперающаяся на физіологію, такъ-же несостоятельна, какъ и физіологія, незнающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовольствовалась и этимъ: химическимъ ана-

лизомъ хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбріономъ (зародышемъ) прослѣдить физическій процессъ нравственнаго развитія. Но это внутренній міръ физіологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результатъ, выказываются наружѣ въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А между тѣмъ, что такое лицо, глаза, голосъ, манеры? Вѣдь это все—тѣло, внѣшность, слѣдовательно, все преходящее, случайное, ничтожное, потому-что вѣдь все это—не чувство, не умъ, не воля? — такъ! но вѣдь во всемъ этомъ мы видимъ и слышимъ и чувство, и умъ, и волю. Всего случайнѣе въ человѣкѣ его манеры, потому-что онѣ больше всего зависятъ отъ воспитанія, образа жизни, отъ общества, въ которомъ живетъ человѣкъ; но почему-же иногда и въ грубыхъ манерахъ мужика чувство ваше угадываетъ добраго человѣка, которому вы смѣло можете довѣриться, а въ то-же время изящныя манеры свѣтскаго человѣка заставляютъ васъ иногда невольно остерегаться его?—Сколько на свѣтѣ людей съ душою, съ чувствомъ, но у каждаго изъ нихъ его чувство имѣетъ свой характеръ, свою особенность. Сколько на свѣтѣ умныхъ людей, и

между тѣмъ у каждаго изъ нихъ свой умъ. Это не значитъ, чтобы умы людей были разные: въ такомъ случаѣ люди не могли-бы понимать другъ-друга; но это значитъ, что у самаго ума есть своя индивидуальность. Въ этомъ его ограниченность, и поэтому умъ величайшаго гепія всегда неизмѣримо ниже ума всего человѣчества: но въ этомъ-же и его дѣйствительность, его реальность. Умъ безъ плоти, безъ физіономіи, умъ, недѣйствующій на кровь и непринимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ— это человѣкъ въ тѣлѣ, или, лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ — личность». (Т. XI, стр. 33—35).

2019

4p.